

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы»

Кафедра гісторыі Беларусі,
археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін

Гадавік
студэнцкага
навукова-даследчага гуртка
«НіКа»
Т о м 5

Г р о д н а
« Ю р С а П р ы н т »
2021

УДК 94(476)

ББК 63.3

Г 43

Рэдкалегія:

А.С. Горны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, навуковы кіраўнік студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа” ГрДУ імя Я. Купалы;

К.Д. Ананька, магістрант кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, настаўнік гісторыі ДУА «Гімназія № 7 г. Гродна», старшыня студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа” ГрДУ імя Я. Купалы.

Рэцэнзенты:

Г.В. Васюк, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
С.В. Марозава, доктар гістарычных навук, прафесар.

Г 43 **Гадавік** студэнцкага навукова-даследчага гуртка “НіКа”. Том 5 : зб. навук. арт. / рэдкал.:
А.С. Горны, К.Д. Ананька.. – Гродна: “ЮрСаПрынт”, 2021. – 236 с.

ISBN 978-985-448-446-8.

У зборніку прадстаўлены навуковыя артыкулы навучэнцаў, студэнтаў і магістрантаў факультэта гісторыі, камунікацыі і турызму ГрДУ імя Янкі Купалы, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту, Саратаўскай дзяржаўнай юрыдычнай акадэміі і гімназіі № 7 г. Гродна. Асвятляюцца актуальныя праблемы айчынай і ўсеагульнай гісторыі, у тым ліку пытанні археалогіі і гістарыяграфіі. Будзе карысны навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, аспірантам, магістрантам, студэнтам, а таксама ўсім, тым хто цікавіцца гісторыяй.

УДК 94(476)
ББК 63.3

ISBN 978-985-448-446-8

© ТАА «ЮрСаПрынт». Афармленне. 2021
©УА «ГрДУ ім. Я. Купалы», 2021

Слова да чытача

Шаноўнае спадарства! Дзякуючы плённай дзейнасці навукова-даследчага гісторыка-краязнаўчага гуртка “НіКа”, а таксама актыўнай дзейнасці прадстаўнікоў ГрДУ ім. Я. Купалы, БДУ, Саратаўскай дзяржаўнай юрыдычнай акадэміі, Гімназіі № 7 г. Гродна ў свет выходзіць пяты том нашага “Гадавіка”.

У зборніку прадстаўлены даследаванні студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў у розных гістарычных напрамках. У раздзеле ўсеагульнай гісторыі прадстаўлены артыкулы па гісторыі старажытнага свету, сярэднявечча, праблемам Другой сусветнай вайны. У даследаваннях па гісторыі Беларусі можна знайсці асобныя артыкулы, прысвечаныя асобам і працэсам у розных гістарычных перыяды. Таксама разглядаюцца некаторыя аспекты гісторыі беларускай дыяспары ў ЗША і Латвіі, англамоўнай беларусістыкі. У раздзеле археалогіі змяшчаецца праца, прысвечаная спробе рэканструкцыі ахоўнага ўзбраення князя Вітаўта. Раздзел Miscelliana змяшчае артыкулы розных напрамкаў: этнаграфічныя, сацыялагічныя і педагогічныя. Такім чынам, даследаванні ў зборніку не абмяжоўваюцца толькі адзіным гістарычным напрамкам.

Хацелася б выказаць словы падзякі ўсім студэнтам, магістрантам і аспірантам, артыкулы якіх прадстаўлены ў новым томе нашага зборніка. Асобна рэдактары хочуць падзякаваць усім калегам і студэнтам, хто прыняў удзел у стварэнні зборніка, а таксама кіраўніцтву факультэта гісторыі, камунікацыі і турызму за падтрымку нашага праекта.

Наш гурток працягвае плённую дзейнасць у падтрыманні навуковай працы сярод маладога пакалення.

*З павагай,
старшыня навукова-даследчага
гісторыка-краязнаўчага гуртка “НіКа”
К.Д. Ананька*

УДК 902+94(567)

M. A. Abdul Jabbar Mohammed

Yanka Kupala state university of Grodno

Cities of Babylonian in the first half of the I millennium BC: historiography of the problem

В статье рассматривается историография, посвященная изучению городов Вавилонии в первой половине I тысячелетия до нашей эры. Автор анализирует ряд работ английских, американских, французских и советских исследователей и выделяет особенности историографии: активное использование письменных источников наряду с археологическими; следование традициям и выводам, заложенным первыми крупными археологами, проводившими раскопки в Месопотамии: Л. Вулли, Р. Колдеев, О.Г. Лэйярдом и др.; доминирующий интерес к древнейшим периодам в истории месопотамской цивилизации; отсутствие комплексного археологического анализа городов Месопотамии и «региональная» направленность исследований.

Mesopotamia is the one of the most important centers of the world civilization and ancient urban culture. The region located in the center and south of modern Iraq and known as Sumer and Akkad has had a significant impact on the development of the modern civilizations' culture. A lot of things that surrounds a human being and that he uses today in everyday life were created more than four thousand years ago. The basis of mathematics knowledge emerged, the decimal system of counting formed and the division into 12 parts of the hour dial established in the Ancient Two-Streams' states. The study of heavenly bodies turned into an exact science. Babylonian priests were able to calculate the movements of planets and the time of the Moon's turnover around the Earth.

The first half of the first millennium BC was incredibly significant which is determined by economic and political impact that the region enjoyed in Ancient world. It is distinguished by monumentality of architecture and accuracy of planning. The cities, being political and

religious centers, had a special importance in terms of architecture. Political, religious, and probably commercial and cultural development directly influenced the evolution of its architecture and planning, especially in that area, where the architecture is connected with religious and political life (temples and royal palaces). Political aspect (struggle with neighbor states) has led close attention to the building of defences (walls and gates).

Anyway the archeological researches affected the peculiarities of Mesopotamia architecture. However there are few works where the comparative study of the whole region architecture would be carried out. Among the works can be identified researches related to the XIX-XX cent.: «Sumer and the Sumerians» H. Crawford (Cambridge, 1991) [1], «Mesopotamia, The invention of the city» L. Gwendolyn [2], «The Ancient Mesopotamia City» [3], M. De Mieroop, (New York, 1999), the research «Revue» William. H, (New York, 1988) [4] and «Histoire de l'art Dans L'antiquite», Perrot G. (Paris, 1884) [5].

The period of the Neo-Babylonian Empire are affected quite superficially in all these works. For example, G. Crawford's work «Sumer and Sumerians» focused on the Sumerian period in the history of ancient Mesopotamia. In particular, the author describes the history of the region from 3200 to 2000 BC. The author focused on the socio-economic evolution despite of the fact that a number of sections in the work are devoted to the development of the architecture in specified period. The social structure, political system, trade relations and development of writing are described in detail. The main problem that interested G. Crawford was the transfer of power from the priesthood to the royal administration. Naturally, the archeological data in such study played a secondary role compared to the data from written sources. The sections on architecture are only an overview of already known information and do not introduce any new information about this subject.

The same comments can be made in relation to the work of Gwendolyn Leick «Mesopotamia, the invention of the city». The stated goal of the researcher was to trace the evolution of urban life in Mesopotamia from the oldest cities to Babylon in the Neo-Babylonian period. From the Leick's point of view the city is the epitome of decadence and the first true multi-ethnic and multicultural metropolis and the last center of dying civilization. The general direction of the work can be judged by the goal set in introduction. G. Leick is considered the major researcher of the Middle Eastern

mythology and eroticism in Mesopotamian literature. Accordingly, she considers the evolution of cities through this prism. As for the work of G. Crawford, archeological data serve as ancillary materials for G. Leick and she is interested in the development of architecture only in the context of urbanization processes in Mesopotamia.

The work of Marc Van de Mieroop “The ancient Mesopotamian city” presents the significant interest. M. Van de Mieroop is the largest researcher of urban culture in Mesopotamia. He tried to trace the evolution of urban life in the region in his synthesis work. He believes that the role of cities in the history of Mesopotamian civilization is greatly diminished in modern historiography. M. Van de Mieroop sure, that it was the cities and urban culture determine all aspects of life of the region inhabitants. Accordingly, the main task of the researcher was to find the trail of urban influence in already cumulative body of data on the history of Mesopotamia. Spheres with unobvious connection provide a special interest to the researcher: social structure, political system, development of writing and literature. Archeological data was assigned the secondary role as in the previous works. However, we must pay tribute to the author – M. Van de Mieroop used a wealth of archeological material in writing of his work, following the A. Oppenheim tradition.

The work of G. Perrault “The history of art in ancient”, written in 1884, is only a well-made guide to the art of the ancient world, including Mesopotamia. It’s doesn’t contain any new ideas and information. In addition, it couldn’t take into account the later data that formed the basis of this work.

Soviet and Russian scientists made a significant contribution to the archeological study of Mesopotamia. Soviet archeological expedition conducted wide explorations yearly from 1969 to 1976 on the territory of Northern Babylonia, in the North-Western part of modern Iraq [6]. The unique materials were gathered as a result of these excavations.

I.M. Dyakonov (1915-1999) is the one of the biggest Mesopotamia researchers, who wrote a classic reference titled “Ura city people” [7]. However, many of his works were influenced by Marxist theory. In addition to that, I. M. Dyakonov specialized mainly in the earlier Sumerian period and studied economic relations in Mesopotamia. The works of the academic V. V. Struve had the great importance for the studying the problem of social relations in ancient Mesopotamia. Based on the study of sources, he established the existence of slave-

holding communities in ancient Mesopotamia in the third Millenium BC.

Among the Iraqis publications can be identified the work of M. A. Syvany “Ur between the past and the present” [8]. It is characterized by an overview nature and a narrow regional direction. The emphasis was only on individual peculiarities of Babylonian architecture in the same studies in which several cities were considered. As already said they mainly concerned the early history of Mesopotamia.

Thus, the following peculiarities of the considered historiography can be highlighted:

1. The active using of written sources in addition to archeological. This thesis can be illustrated through discussions about the number of tiers in the ziggurat of Babylon. Nowadays is considered that there were seven of them. This conclusion based only on the data of cuneiform texts and isn't supported by archeological materials.

2. Following the traditions and conclusions laid by the first major archeologists who conducted excavations in Mesopotamia: L. Woolley, R. Koldewey, O.G. Layard etc.

3. Dominant interest in the oldest periods in the history of Mesopotamian civilization.

4. Absence of comprehensive archeological analysis of Mesopotamian cities and “regional” direction of researches.

5. Iraqis architecture traditions almost not taken into account. This thesis can be described on the example of the discussions about availability or lack of the second floor in houses. Currently, the prevailing view in science is that some houses were two storied. The main evidence is the discovery of a stone staircase that could lead to the unpreserved second floor. However, even in modern Iraq it is common to spend the night on the roofs of houses to escape the unbearable heat. Therefore, we can assume that the stairs led not to the second floor, but to the roof.

The main sources are cartographic material, compiled by different researchers based on archeological data. An important source is the Nippur map engraved with Sumerian and Akkadian symbols in the kassit era. A clay tablet measuring 46 x 53 inch gives an accurate submission about all parts of the city excepted the North-East. Professor S. N. Kramer made a translation of Sumerian and Akkadian letters and the map remark.

Valuable sources include the works of Leonard Woolley “Ur of

the Chaldees” [9], the German scientist Robert Koldewey “Babylon excavations” [10] and the Iraqis assyriologist Hormuzd Rassam “Assyria and the Nimrud region” [11] who directly supervised and participated in the archeologist excavations of Mesopotamian cities.

L. Woolley in his book “Ur of the Chaldees” describes the results of twelve seasons of the Ur excavations. The author aims to provide a wide historical picture and highlight all stages of the city development for almost three and a half millennia. L. Woolley isn’t limited to describing the course of excavations and analyzing archaeological complexes or individual objects found by him. He aims to general conclusions, sets periods of rise and fall and tries to explain them by himself. The advantages of the work include a detailed description of archaeological finds made by the author directly at the dig site.

The first non-systematic excavations of Sippar were carried out in 1881-1882 by Hormuzd Rassam on the instructions of the Osman authorities together with the British museum. The researcher managed to collect 70 thousand clay tablets, most of which were discovered by peasants who lived on the territory of the former city. H. Rassam also identified a group of rooms in the temples area, but he used methods of excavations that are far from scientific. The results of the H. Rassam works were summarized in a detailed report “Assyria and the Nimrud region’.

Rich material for the study of the Neo-Babylonian Kingdom gave the results of Babylon excavations, made by the German scientist Robert Koldewey at the end of XIX cent. They made it possible to recover the topography of ancient Babylon, the largest city in the ancient eastern world. R. Koldewey discovered the ruins of several palaces of the Babylonian king Nebuchadnezzar with the famous «Hanging Gardens», the description of which has been preserved by Greek historians. Here were excavated the ruins of temples, the remains of canals and a processional road with part of the «Gate of the goddess Ishtar», luxuriously decorated with multicolored images made of faience bricks (tiles). Valuable historical documents were found in the ruins of Babylon, in particular the text of the Manifesto of the Persian king Cyrus II, reporting the capture of Babylon by Persian troops. The results of archaeological research Robert Koldewey outlined in his book «the Excavations of Babylon,» providing a large number of cartographic and photographic documents.

It should be noted that most of the subsequent works devoted to the archaeology of Babylonia are nothing more than a retelling of

the ideas and discoveries of the German archaeologist. In this way, there is currently no comprehensive archaeological study of the architecture of cities of the new Babylonian period.

List of sources and references

1. Harriet, C. Sumer and the Sumerians / C. Harriet. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 182 p.
2. Gwendolyn, L. Mesopotamia: the invention of the city / L. Gwendolyn. – London: Penguin, 2001. – 359 p.
3. De Mieroop, M. The Ancient Mesopotamia City / M. De Mieroop. – New York: Oxford University Press, 1999. – 269 p.
4. William, H. Revue Hebraica Jan / H. William. – New York, 1888. – 290 p.
5. De Mieroop, M. The Ancient Mesopotamia City / M. De Mieroop. – New York: Oxford University Press, 1999. – 269 p.
6. Мунчаев, Р. М. Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке / Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт; под ред. В.И. Сариниди. – Москва: Наука, 1981. – 320 с.
7. Дзяконов, И. М. Люди города Ура / И. М. Дзяконов. – Москва: Наука, 1990. – 205 с.
8. Al-Siwani, M. UR between the past and present / M. Al-Siwani. – Baghdad, 1976. – 75 p.
9. Woolley, L. Ur of the chaldees: a record of the seven years of Excavation / L. Woolley. – Great Britain: Penguin Books, 1954. – 160 p.
10. Koldewey, R. The Excavation at Babylon / R. Koldewey. – London: Macmillan and Co, 1914. – 335 p.
11. Hormuzd, R. Asshur and the land of Nimrod / R. Hormuzd. – New York: Curts Jennings, 1897. – 432 p.

The article examines the historiography devoted to the study of the cities of Babylonia in the first half of the I millennium BC. The author analyzes a number of works by Soviet, American, French and British researchers and highlights the features of the historiography: the active using of written sources in addition to archeological; following the traditions and conclusions laid by the first major archeologists who conducted excavations in Mesopotamia: L. Woolley, R. Koldewey, O.G. Layard etc.; dominant interest in the oldest periods in the history of Mesopotamian civilization; absence of comprehensive archeological analysis of Mesopotamian cities and "regional" direction of researches.

Научный руководитель – С. А. Пивоварчик, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Д. В. Апон

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Реформа Сервия Туллия

Данная статья посвящена военно-политической реформе римского царя Сервия Туллия. В статье проводится анализ осуществления реформы. Рассматриваются некоторые аспекты её природы, значения и влияния на дальнейшее развитие Древнеримского государства.

Какой характер имела реформа Сервия Туллия, когда она проводилась и в чём заключается её сущность? На эти и некоторые другие вопросы предстоит ответить в рассматриваемой статье.

Жестокое долговое право вызывало недовольство плебеев. Особенно усилилось оно, когда Рим и его область оказались под властью этрусских завоевателей [1, с. 22]. Историческая традиция связывает закрепление победы плебеев и возникновение государства в Древнем Риме с реформами Сервия Туллия, относимыми к VI в. до н.э. [2, с. 119]

Согласно сообщению Тита Ливия Сервий Туллий допустил плебеев к участию в народном собрании. Сохраняя внешне старое деление на трибы, Сервий Туллий превратил трибы из древнего племенного союза в территориальное деление. Он учредил четыре территориальные трибы, впоследствии число их возросло до 35 [1, с. 22].

«Он приступил к великому мирному труду и, как Нума был творцом божественного права, так молва среди потомства называла Сервия основателем сословного деления государства, которое определило различие в правах и положении. Он установил ценз, учреждение в высшей степени благотворное для государства, которому было суждено достичь такого величия: на основании его и гражданские обязанности были распределены не поголовно, как прежде, а по имущественному положению; тогда установлены были классы и центурии, и на основании ценза было сделано следующее распределение, удобное для мирного и военного времени» (Тит Ливий, «Римская история от основания города» (I, 42-43), о реформе Сервия Туллия) [3, с. 49].

Реформы рекса Сервия Туллия положили в основу общественной организации Рима имущественный и территориальный принципы. Всё свободное население Рима было разделе-

но на шесть имущественных разрядов. В основу деления был положен размер земельного надела, которым владел человек. Каждый разряд выставлял определённое число вооружённых мужчин, из которых формировались центурии – сотни. Общее число центурий равнялось 193. Из них 18 центурий всадников и 80 центурий первого разряда составляли больше половины всех центурий. Наиболее важным в этой части реформ было то, что центурии стали не только военной, но и политической единицей [2, с. 119].

Вторая часть реформ – деление свободного населения по территориальному принципу – усилили процесс ослабления кровнородственных связей, лежавших в основе первобытной организации. В Риме было образовано 4 городских и 17 сельских территориальных округов, за которыми сохранилось старое название племён – трибы. В трибу входили и патриции, и плебеи, жившие в ней и подчинявшиеся её старосте [2, с. 119].

Таким образом, плебеи были фактически включены в состав единой с патрициями гражданской общины. Кроме того, Сервий Туллий разделил всё мужское население Рима – патрициев и плебеев – на 5 классов. Принадлежность к тому или иному классу определялась имущественным цензом. К I классу принадлежали те, чьё имущество оценивалось в 100 тысяч ассов, ко II классу – 75 тыс. ассов, к III классу – 50 тыс. ассов, к IV классу – 25 тыс. ассов, к V классу – 12,5 тыс. ассов [4, с. 33].

Беднейшие слои населения – неимущие не входили ни в один из классов. Они получили название пролетариев (от слова «потомство»). Этим подчёркивалось, что всё их имущество и богатство состояло только в потомстве [4, с. 33].

«Из имевших 100.000 ассов или больший ценз он образовал 80 центурий – по 40 центурий старших и младших; входившие в состав их граждане были названы первым классом; старшие были предназначены для охраны города, младшие – для ведения войн вне города... К этому классу было присоединено 2 центурии ремесленников, которые несли службу без оружия... Второй класс образован был из имеющих ценз от 100 до 75 тысяч ассов, а из них составлено 20 центурий старших и младших... Ценз третьего класса определён в 50 тысяч ассов; из них образовано столько же центурий и с тем же подразделением по возрасту... Ценз четвёртого класса 25 тысяч; из него образовано столько же центурий... Пятый класс многочисленнее: из него образова-

но 30 центурий;... к ним были причислены горнисты и трубачи, разделённые на две центурии; ценз этого класса был 11 тысяч. Из остального населения, имевшего меньший ценз, образована была одна центурия, свободная от военной службы» (Тит Ливий, «Римская история от основания города» (I, 42-43), о реформе Сервия Туллия) [3, с. 49-50].

Реформа Сервия Туллия в её историческом значении имеет два важных значения: военное и политическое.

Реформа имела большое военное значение. Народное ополчение, т.е. римская армия, строилась теперь в зависимости от нового деления на имущественные классы. Каждый класс выставлял определённое количество центурий – сотен. I класс выставлял 80 центурий пехотинцев и 18 центурий всадников. Следующие три класса – по 20 центурий пехотинцев, и, наконец, V класс выставлял 30 центурий легковооружённых пехотинцев [4, с. 34].

Кроме того, римским населением выставлялось ещё 5 нестроєвых центурий, одна из них состояла из пролетариев [4, с. 34].

Реформа имела также большое политическое значение. Центурия становится теперь не только военной, но и политической единицей. С включением основной массы плебса в гражданскую общину народные собрания по центуриям вытесняют куриатные комиции, которые перестают играть прежнюю роль [4, с. 34].

«Устроивши и распределивши таким образом пехоту, он набрал 12 центурий всадников из самых состоятельных граждан. Кроме того, хотя Ромул образовал всего три центурии, он сделал из них шесть, дав им те же имена, которые были утверждены авгурами. На покупку коней было назначено ежегодно по 10 тысяч ассов из казны, а по 2 тысячи на прокормление их ежегодно должны были вносить вдовы. Все эти повинности с бедных были сложены на богатых» (Тит Ливий, «Римская история от основания города» (I, 42-43), о реформе Сервия Туллия) [3, с. 50].

Голосование также происходило по центуриям, причём каждая центурия имела один голос. Подлинный характер этой новой конституции ясен хотя бы из того, что более половины из 193 центурий выставлялось I классом – 98 центурий пехотинцев и всадников. Таким образом, I класс имел обеспеченное большинство голосов в народном собрании [4, с. 34].

«Затем были прибавлены почести: не было дано одинакового права подачи голоса поголовно всем, как это было установлено Ромулом и сохранялось при следующих царях, а установлены

степени, так что казалось, будто никто не лишён права голоса, и всё же вся сила была сосредоточена у самых состоятельных граждан государства: прежде всего приглашались к подаче голосов всадники, затем – 80 центурий первого класса; если там возникало разногласие, что случалось редко, то должно было приглашать и второй класс, и почти никогда не спускались так низко, чтобы дойти до последних» (Тит Ливий, «Римская история от основания города» (I, 42-43), о реформе Сервия Туллия) [3, с. 50].

Кроме деления гражданства на классы, Сервию Туллию приписывается разделение Рима на территориальные трибы, из них четыре были городскими (Sucusana, Esquilina, Palatina, Collina) и несколько – сельскими: по Титу Ливию – 21, по Дионисию – 26, но, судя по древним названиям (по патрицианским родам), их было всего 16. Особое значение при новом устройстве приобрели собрания по сотням – центуриатные комиции (comitia centuriata), в которых главную роль играло имущественное положение, а не происхождение, собрание же по куриям потеряло своё прежнее значение. Нужно, однако, заметить, что родовая знать не утратила своего влияния [5, с. 98].

«И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении 35 триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии старших и младших, не сходится с числом, установленным Сервием Туллеем. Потому, что, разделив весь город, все его части и заселённые холмы на 4 отдела, он назвал их трибами, как я думаю от слова tributum, равномерное взимание которого сообразно с цензом было установлено им же; но эти трибы не имеют никакого отношения к разделению на центурии и к их числу...» (Тит Ливий, «Римская история от основания города» (I, 42-43), о реформе Сервия Туллия) [3, с. 50].

Отдельным аспектом является допуск вольноотпущенников, т.е. бывших рабов, к участию в общественных делах посредством их интеграции в общину и распределение между городскими трибами.

«Сервий Туллий дозволил отпущенным на волю рабам получать [римское] гражданство, приказав, чтобы вместе со всеми другими свободными записывались по цензу и отпущенники, и распределил их по четырём городским трибам. Он допустил их ко всему, что касается общественных дел, наравне с осталь-

ными плебеями» (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности» (IV, 22)) [3, с. 51].

Содержание реформы Сервия Туллия выражается следующим образом:

– деление мужского населения по имущественному признаку на 6 разрядов:

- V разряд формировали 30 центурий;
- II-IV разряды формировали по 20 центурий;
- I разряд формировал 80 центурий (сотен);
- Всадники формировали 18 центурий.

– деление населения по территориальному признаку на округа – «трибы»:

- 4 городских трибы;
- 17 сельских триб.

Таково основное содержание реформы, проведение которой приписывалось Сервию Туллию. Традиционный рассказ о реформе, изображавшей её в виде единоличного акта, конечно, грешит против исторической истины. Изменения в социально-политическом устройстве римского общества, которые традиция приписывает творческой воле одного законодателя, на самом деле являются результатом длительных процессов, протекавших на протяжении VI – III в. до н.э. Это подтверждается тем, что в самом представлении о так называемой реформе Сервия Туллия содержатся позднейшие напластования. Например, сведения о вооружении классов соответствуют концу V в. до н.э., а о расчёте имущественного на ассы – середине III в. до н.э. и т.д. [4, с. 34-35]

Однако в основе традиционной версии лежит ряд достоверных фактов. Деление населения на имущественные классы, центуриатные комиции, территориальные трибы – всё это возникло значительно раньше III в. до н.э. и продолжало существовать и в более позднюю эпоху [4, с. 35].

По всей вероятности, известие о Сервиевой реформе указало на ряд событий, имевших революционное значение в истории Римского государства. Несомненно, что наиболее важным и самым ранним из этих событий было слияние патрициев и плебеев в один народ (populus). К раннему периоду относилось и деление на классы, но ценз первоначально был, видимо, не денежный, а земельный [5, с. 98].

Рэформа Сервія Туллія была настоящей политической революцией, завершающей переход к государству. Эта реформа была характерной для перехода от первобытно-общинного строя. Она свидетельствовало о том, что родовая организация пришла в упадок и древнее деление общества не могло далее сохраняться [5, с. 98].

Реформы Сервія Туллія завершили процесс ломки основ родового строя, заменив его новым социально-политическим устройством, основанным на территориальном делении и имущественных различиях. Военная демократия уступила место публичной власти. Реформы Сервія Туллія допустили плебеи к участию в народных собраниях [2, с. 119].

Оценивая реформы Сервія Туллія, Ф. Энгельс писал, что плебеи благодаря им стали частью римского народа, а позже окончательно были уравнены в правах с патрициями. После осуществления реформ Сервія Туллія, еще до изгнания последнего царя, до провозглашения республики, был разрушен древний общественный строй римлян, который покоился на кровных узах, а вместо него было создано новое государственное устройство, основанное на территориальном делении населения и имущественных различиях [2, с. 120].

К этому новому собранию центурий перешли теперь все политические права прежнего собрания курий (кроме некоторых номинальных прав); курии и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных братств и еще долгое время влачили существование в этой роли, тогда как собрание курий вскоре совсем сошло со сцены. Для того чтобы устранить из государства и три старых родовых племени, были созданы четыре территориальных племени, каждое из которых населяло особый квартал города и было наделено рядом политических прав [6, с. 59].

Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения [6, с. 59].

С именем царя Сервия Туллия связано образование рабовладельческого государства в Древнем Риме (VI в. до н.э.).

Реформы Сервия Туллия вызвали недовольство римского патрициата. Воспользовавшись им, Тарквиний Гордый низверг и убил своего предшественника [1, с. 22].

Таким образом, реформа Сервия Туллия занимает своё важное место в истории царского периода Древнего Рима. Именно с правлением Сервия Туллия и осуществлением военно-политической реформы связывают возникновение рабовладельческого государства в Древнем Риме, по сравнению с меньшей развитостью более ранних форм политической организации государства.

Список источников и литературы

1. Всеобщая история в вопросах и ответах: учеб. пособие / И. В. Ткаченко, О. Овчинникова, А. Д. Барышева. – Москва: Проспект, 2005. – 148 с.
2. Стадуб, И. Д. История государства и права зарубежных стран / И. Д. Стадуб. – Минск: БИП, 2003. – 548 с.
3. Утченко, С. Л. Хрестоматия по истории Древнего Рима / С. Л. Утченко. – Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 675 с.
4. История Древнего мира. Древний Рим / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. – Минск: Харвест, 1998. – 864 с.
5. Машкин, Н. А. История Древнего Рима / Н. А. Машкин. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 611 с.
6. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – Москва: Издательство политической литературы, 1982. – 240 с.

This article is dedicated to the military and political reform of the Roman king Servius Tullius. There is given the interpretation of the fulfilled reform. Some of aspects are viewed, such as reform's nature, meaning and its influence on further development of ancient Roman state.

Научный руководитель – А. Н. Нечухрин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Н. А. Ефимик*Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»***Становление российско-греческих
дипломатических отношений
(конец 20-х – начало 30-х годов XIX в.)**

В статье рассматривается сложный и довольно длительный начальный этап дипломатических отношений между Российской империей и Грецией, освободившейся из-под гнёта Османской империи. Основное внимание уделено характеристике тех проблем, которые затрудняли установление полноценных политических отношений двух государств.

Установление дипломатических отношений между Россией и Грецией проходило сложно и постепенно. Российская дипломатическая деятельность на Балканах и Ближнем Востоке впервые была налажена в царствование Петра I. К началу XIX в. Санкт-Петербург установил многочисленные контакты с основными торговыми и политическими центрами Османской империи.

Греческая революция началась в разных регионах Греции в феврале-марте 1821 г. Император Александр I резко осудил освободительную акцию А. Ипсиланти, ставшую началом революции. Россия в согласии с другими членами Священного союза отказалась допустить на последний конгресс союза, проходивший в Вероне в ноябре 1822 г., представителей греческого правительства. Эта негативная позиция способствовала падению традиционного влияния России в Греции, чем воспользовалась Великобритания, стремясь понизить влияние России в этом регионе [1, с. 215].

В марте 1823 г. Великобритания признала восставших греков воюющей стороной, а в следующем году предоставила Греции заем. Укреплению греко-английских отношений способствовало мощное филэллинское движение, самым выдающимся представителем которого стал английский поэт Дж. Байрон. В Петербурге, где Грецию всегда рассматривали как сферу своего если не исключительного, то преобладающего влияния, эти действия Англии вызвали большое беспокойство. Руководству России стало известно, что британская дипломатия в конце 1825 г. даже организовала неофициальную встречу с представителями греческого правительства [1, с. 217].

Все это повлияло на решение Николая I искать соглашения

с Великобританией для совместных действий по принуждению Порты к признанию государственного существования Греции. Соглашение было достигнуто в результате подписания в Лондоне 6 июля 1827 г. договора, участниками которого, помимо двух указанных держав, стала и Франция. В случае отказа Порты принять посредничество этих держав с целью прекращения военных действий договор предусматривал принятие тремя державами мер «для сближения с греками», в частности, посылку в Грецию консулов. Таким образом, ведущие державы Европы впервые заявляли о своем намерении установить, хотя и на низком уровне, дипломатические отношения с восставшей Грецией. После Наваринского сражения державы – его участники решили поднять ранг своих дипломатических представителей в Греции: в документах они стали называться «поверенными в делах» или «резидентами» [2, с. 147].

Таким резидентом от России в Грецию был назначен М.Н. Булгари. Его семья, как и семья И. Каподистрии, носила графский титул и входила в круг старинных аристократических родов Корфу. Так как Лондонский договор от 6 июля 1827 г. предусматривал посылку в Грецию только консулов, то в Петербурге решили не придавать М.Н. Булгари какого-либо официального статуса. В его верительной грамоте говорилось только, что ему поручено установить между Россией и Грецией официальные отношения, вытекающие из Лондонской конвенции [3, с. 150].

Миссия М.Н. Булгари носила временный характер, поэтому вместе с ним прибыл чиновник МИДа В.Н. Панин, который должен был занять место постоянного представителя России в Греции. О характере этой миссии вице-канцлер К.В. Нессельроде 3 (15) июля 1828 г. сообщал И. Каподистрии: «Если Вы, г-н граф, сочтете полезным, чтобы, непосредственно познакомившись с людьми и с положением дел и обсудив с Вами насущные вопросы, он [Булгари] лично доставил нам Ваши сообщения, дополнив их устными разъяснениями, ему будет разрешено вернуться в штаб-квартиру, аккредитовав при в. с-ве графа Панина» [1, с. 218].

Еще до начала греческой революции брат М.Н. Булгари в 1820 г., вступил в Филики Этерию – тайную организацию, готовившую восстание в Греции, и оказал ей большую материальную поддержку. Сам М.Н. Булгари ни к каким тайным обществам не принадлежал, но выступал за всестороннюю помощь Греции.

Перед своим отъездом в Грецию М.Н. Булгари представил в

Министерство иностранных дел России записку о взаимоотношениях России с новым греческим государством. В ней он утверждал, что Греция тесно связана с Россией и для того, чтобы Греция поддерживала Россию, нужно дать ей правительство и экономическую поддержку [4, с. 60].

М.Н. Булгари прибыл на остров Порос, где находился тогда президент Греции, и вечером 5 (17) сентября 1828 г. известил И. Каподистрию о своем приезде. На этой встрече российский представитель вручил главе греческого государства свои верительные грамоты.

В своих донесениях от 6 (18) и 7 (19) сентября 1828 г. М.Н. Булгари изложил свои первые впечатления о положении в Греции. Он положительно оценил результаты усилий И. Каподистрии по восстановлению общественного порядка и налаживанию системы государственного управления. По мнению М.Н. Булгари, в результате этих усилий внутренняя ситуация в стране улучшилась. В беседах И. Каподистрии и М.Н. Булгари обсуждались военные действия на греческом фронте во взаимосвязи с русско-турецкой войной 1829-1829 гг. Российский представитель посоветовал И. Каподистрии возобновить активные операции против турецких войск. При этом он считал, что Греции нужна финансовая помощь для активизации действий в Эпире, Фессалии и Македонии [5, с. 90].

В следующих своих депешах М.Н. Булгари подробно рассмотрел внутривластическое положение Греции. Он подчеркивал, что И. Каподистрии пришлось действовать в сложных условиях при активном сопротивлении его власти англо-французской агентуры и проанглийской «партии». В таких условиях, считал М.Н. Булгари, президенту ничего не оставалось, как «приостановить действие Тризинской конституции, распустить Законодательный совет, который, согласно этой конституции, должен был сосуществовать с исполнительной властью, – одним словом, создать и организовать новое правительство и навязать Греции диктатуру, которая одна могла ее спасти» [1, с. 220]. После этого оппозиция И. Каподистрии стала активно добиваться срочного созыва Национального собрания.

Петербуржскому кабинету М.Н. Булгари советовал «изыскать средства», чтобы «оказать по возможности преобладающее влияние на выборы и на депутатов в случае, если созыв Национального собрания станет абсолютно необходимым». Он рекомендовал

подкупить депутатов, чтобы они санкционировали действия И. Каподистрии и наделили его неограниченной властью [1, с.221].

План М.Н. Булгари помешать созыву Национального собрания получил поддержку российского правительства, но Петербург был категорически против подкупа депутатов. Просьба же об оказании финансовой помощи Греции была положительно рассмотрена правительством. 31 марта (12 апреля) 1829 г. Николай I предоставил Греции субсидию в 1 млн руб. [2, с. 157].

Россия также оказывала поддержку И. Каподистрии в решении вопроса о границах греческого государства. При этом из Петербурга И. Каподистрии постоянно рекомендовали активизировать военные операции для расширения территории свободной Греции. Данные рекомендации отвечали национальным интересам Греции, и греческим войскам, начав наступательные операции в Западной Греции, одержали ряд побед.

Опираясь на поддержку России, И. Каподистрия стремился в то же время избежать какой-либо исключительной зависимости от нее. В решении финансовых и территориальных вопросов он обращался, и с определенным успехом, и к двум другим державам-покровительницам – Англии и Франции. И. Каподистрия не разделял рекомендаций Николая I об ограничении деятельности парламентских учреждений. Вопреки этим советам Национальное собрание открылось в августе 1829 г. в Аргосе. К этому времени М.Н. Булгари уже покинул Грецию, предварительно передав свою должность В.Н. Панину [4, с. 80].

Перед своим отъездом М.Н. Булгари стал объектом нападок со стороны британских дипломатов. Его обвинили в поддержке революционного движения на Ионических островах с целью присоединения их к Греции. Подобные же обвинения были выдвинуты и против И. Каподистрии [2, с. 190].

4 (16) сентября 1829 г, после своего прибытия в Петербург, он представил свою записку Особому комитету по восточным делам, обсуждавшему возможные условия мирного урегулирования после завершения русско-турецкой войны. Влиятельная группировка во главе с К.В. Нессельроде придерживалась мнения, что в интересах России выгодно сохранить Османскую империю как «слабого соседа», которого легко будет подчинить своему влиянию. Позиция этой группировки, которую поддержал сам царь, была изложена в записке статс-секретаря Д.В. Дашкова «Обозрение главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее

время». М.Н. Булгари знал, что у И. Каподистрии был план политического устройства Европейской Турции в случае распада Османской империи. Согласно этому плану, на территориях бывших османских владений предлагалось создать конфедерацию из пяти независимых государств. Записка М.Н. Булгари представляла собой объединение этих двух взглядов [1, с.224].

Как уже отмечалось, пост официального представителя России в Греции занял В.Н. Панин. Во время его пребывания на данном посту произошли важнейшие международные события, повлиявшие на успешное окончание революции в Греции. Самыми значимыми из них были Адрианопольский мирный договор от 2 (14) сентября 1829 г. и Лондонский протокол от 3 февраля 1830 г. В.Н. Панин накануне этих международных договоров сообщал в своих донесениях от 29 августа (10 сентября) 1829 г., что в Греции усилились нападки на И. Каподистрию и положение его правительства является шатким, поэтому ему необходима поддержка России. Под поддержкой он имел ввиду прежде всего финансовую помощь в размере 20 млн руб. и включение греческого вопроса в мирный договор с Османской империей. Вопреки всем возражениям Англии и Франции в Адрианопольский мирный договор была включена ст. X, по которой Порта впервые признала автономию Греции. Позже в Лондоне 3 февраля 1830 г. тремя державами был подписан протокол, содержавший признание независимости Греции, но в значительно урезанных границах [5, с. 100].

Определенный разлад в мнениях произошел между В.Н. Паниным и И. Каподистрией из-за Лондонского протокола. И. Каподистрия отмечал, что решения о политическом устройстве Греции и ее границах были приняты без учета мнения самих греков. Сам Николай I воспринял слова И. Каподистрии как «черную неблагодарность» и «оскорбление» союзных держав, особенно России. В личном письме К.В. Нессельроде И. Каподистрии от 20 июня (2 июля) 1830 г. говорилось, что «император не разделяет Вашего мнения о документах Лондонской конференции» [1, с. 225].

В июне 1831 г. В.Н. Панина сменил П.И. Рикман, занимавший пост поверенного в делах два года. В это время в Греции происходили мятежи, внутренние раздоры, особенно усилившихся после убийства 27 сентября (9 октября) 1831 г. И. Каподистрии.

В это время большую роль в развитии греко-русских отношениях играл И. Папарригопулос. Он стал ключевым посредником

в решении вопроса о статусе крепостей, все еще находившихся под османским командованием. Опытный дипломат, глубоко знавший местное общество и политику, И. Папарригопулос участвовал в прямых дискуссиях с объединенными турецко-греческими комитетами. Он почти в одиночку вел переговоры о мирном разрешении нескольких кризисов [4, с. 87].

К концу 1829 г. греки разгромили своих врагов и захватили последние крепости материка, но границы нового государства и степень его суверенитета остались неурегулированными. Российская дипломатия стремилась к созданию жизнеспособной границы, которая способствовала бы установлению мирных отношений, в то время как британское руководство выступало за усеченное государство, состоящее из Пелопоннеса и Кикладских островов. Хотя и не совсем успешно, но давление России помогло греческому государству удержать с трудом завоеванные территории. К сожалению, более поздние дипломатические переговоры сократили территорию Греции, оставив ряд грекоязычных областей в пределах Османской империи [5, с. 110].

К 1830 г. в Греции некоторые вопросы оставались нерешенными. Один из них касался требования турок о контрибуции. Законные права турок-мусульман, вынужденных отказаться от территорий, веками находившихся в их владении, привлекали внимание российского консульского персонала. И. Папарригопулос, который в 1831 г. стал русским консулом в Аттике и Эввии, проявил себя проницательным наблюдателем и составил обширные отчеты о внутренних делах османских пограничных земель. Одной из его главных задач было определение компенсаций, причитающихся туркам за потерянное имущество. Он открыто критиковал османского губернатора Аттики Хаджи-Исмаил-бея и обвинил его в санкционировании беспорядков в Аттике: «Мошенническая и обманчивая система, которой он постоянно следует, делает его одиозным как среди греков, так и среди турок» [3, с. 160].

Убийство президента И. Каподистрии в октябре 1831 г. резко изменило внутривосточную ситуацию в Греции и обострило борьбу ведущих европейских государств за влияние в ней. Усиление позиций Российской империи в этой стране предполагало повышение официального статуса её дипломатического представителя.

В мае 1833 г. в Грецию прибыл Г.А. Катакази в качестве чрезвычайного посланника – это был самый высокий дипломати-

ческий ранг, который когда-либо до этого имел иностранный дипломат в Греции. Новый дипломатический представитель России в Греции сам был греком и был связан родственными узами с семьей А. Ипсиланти. 1833 г. явился также первым годом, когда дипломатические отношения между Россией и Грецией стали двухсторонними. Появлению первого греческого представителя в Петербурге предшествовал дипломатический скандал. Правившее в Греции до совершеннолетия короля Оттона регентство в конце 1833 г. назначило постоянных дипломатических представителей в столицы ведущих европейских государств. На должность представителя Греции в России назначили англичанина Чёрча. Его назначение вызвало негативную реакцию в России и Г.А. Катакази предупредил регентство, что император не разрешит дипломату въезд в Россию. Тогда регентство назначило посланником в Россию М. Суцоса [1, с. 227].

Михаил Суцос принадлежал к знатному фанариотскому роду. В 1821 г. он покинул Россию и перебрался в Грецию, где играл важную роль в политическом руководстве восстанием. Особенно значительной эта роль стала во время правления И. Каподистрии, когда М. Суцос был личным представителем президента в Париже. Прибытие в ноябре 1833 г. в Петербург М. Суцоса завершило сложный и длительный период установления двухсторонних дипломатических отношений между Россией и независимой Грецией [1, с. 227].

Таким образом, становление российско-греческих дипломатических отношений прошло довольно сложный путь. Деятельность русских представителей в Греции проходила в постоянной конфронтации с представителями Великобритании и Франции. Несмотря на постоянную поддержку и помощь Греции, имели место и небольшие конфликтные ситуации, вызванные расхождением во взглядах И. Каподистрии и российского правительства.

Список источников и литературы

1. Арш, Г. Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I / Г. Л. Арш – Москва: Индрик, 2013. – 280 с.
2. Петрунина, О. Е. Греческая нация и государство в XVIII – XX в.: очерки политического развития / О.Е. Петрунина. – Москва: Книжный дом Университет, 2010. – 745 с.
3. Арш, Г. Л. Греческий вопрос во внешней политике России (1814-1820) / Г.Л. Арш // История СССР. – 1978. – №3. – С. 144–168.
4. Балканские исследования: вып. 8. Балканские народы и европейские

правительства в XVIII – начале XX в. (Документы и исследования) / редкол.: Г.Л. Арш (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1982. – 288 с.

5. Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. / редкол.: Г.Л. Арш (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1983. – 294 с.

The article considers the complex and rather long initial stage of diplomatic relations between the Russian Empire and Greece, liberated from the oppression of the Ottoman Empire. The main focus is on the characterization of the problems that hampered the establishment of full-format political relations between the two states.

Научный руководитель – И. О. Змитрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94(430)086

Н. В. Акудович

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Становление нацистской диктатуры в Германии (январь 1933 – июнь 1934 гг.)

Данная статья посвящена становлению нацистской диктатуры в Германии. Даётся изложение процесса формирования на законодательном уровне политических и идеологических структур нацистского государства, их чрезвычайного и репрессивного характера. Рассматриваются причины быстрого краха режима веймарской демократии.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века в условиях мирового экономического кризиса среди разных слоев немецкого населения стала приобретать популярность национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП). Если в результате парламентских выборов 1928 г. нацисты получили 12 мест в рейхстаге (2,3% голосов), то в 1930 г. – уже 107 (19,3% голосов), а в 1932 г. – 230 (33,1% голосов). Как кандидаты на роль «сильной власти» и силы, способной «навести порядок», национал-социалисты становились всё более приемлемыми для экономической и политической элиты страны – ведущих предпринимателей, чиновников, военных, политиков [3, с. 78]. Усиливается их влияние в средних слоях и, даже, у части рабочего класса.

Однако на выборах в Рейхстаг 6 ноября 1932 г. нацистская партия теряет значительное количество голосов и получает 196 депутатских мандатов. В тоже время КППГ получает на 11 депу-

татских мандатов больше по сравнению с предыдущими выборами. Рост влияния коммунистов серьезно испугал германский истеблишмент.

Последнему перед А. Гитлером канцлеру Германии генералу Шляйхеру не удалось стабилизировать германскую политическую сцену. Он не смог получить поддержку политических партий, влиятельных промышленных и военных кругов. Неудачной оказалась его попытка расколоть нацистскую партию, используя против А. Гитлера его оппонента Г. Штрассера.

В это же время у нацистов возникают проблемы с финансированием своей деятельности. Многочисленные избирательные кампании 1932 г. поглотили огромное количество средств. Насчет финансирования национал-социалистической партии велось и ведётся много споров. В своих мемуарах Ялмар Шахт, один из главных деятелей в сфере финансов и экономики Третьего рейха, пишет, что у нацистов было более чем предостаточно средств ведения предвыборных кампаний, деньги брались из предвыборного фонда (3 миллиона марок). Он также отмечает, что большая часть национал-социалистической пропаганды финансировалась за счет средств самих членов этого движения [9, с. 300].

Однако дорогие предвыборные кампании, связанные с необходимостью печатания многомиллионных агитационных материалов, аренда самолета для полетов А. Гитлера на митинги в разные города Германии, содержание партийного аппарата, прессы, издательств, штурмовых отрядов к концу 1932 года в очень значительной степени опустошили избирательный фонд НСДАП, указанный Я. Шахтом. После проигрыша на выборах в ноябре 1932 года стали возникать опасения сокращения помощи нацистской партии со стороны германских промышленников.

Страх перед возможностью полностью потерять популярность толкала нацистов на путь поиска соглашения с ведущими игроками германской политической сцены о передаче А. Гитлеру поста рейхсканцлера. В результате в январе 1933 г. начались закулисные переговоры нацистской верхушки с президентом П. Гинденбургом при посредничестве ряда консервативных политиков о назначении фюрера НСДАП руководителем правительства Германии. В дневнике супруги Иохима Риббентропа Аннелиз можно увидеть ход и спешку переговоров между фон Папеном, Гитлером, старшим и младшим Гинденбургами. Младший Гинденбург с фон Папеном активно давили на президента, чтобы

назначить Гитлера рейхсканцлером. Гитлер проявил упорство, выдерживая переговоры и не идя на компромиссы, пока не получил заветную должность [4, с. 365-367].

30 января 1933 г. фюрер НСДАП становится во главе правительства Германии. Он не был канцлером парламентского большинства. Первоначально правительство А. Гитлера имело коалиционный характер. В него вошло только два члена НСДАП – Вильгельм Фрик как министр внутренних дел и Герман Геринг как министр без портфеля, остальные министры оставались либо беспартийными, либо были от других партий.

Если ставить вопрос, почему Гитлер согласился на меньшинство нацистов в кабинете министров и на что он надеялся? Консервативные политики полагали, что им удастся «приручить» лидера национал-социалистов. Фон Папен наивно полагал, что он «нанимает» Гитлера и сможет спокойно им руководить [4, с. 368]. Однако они не учли умение руководителя нацистов вести политическую игру, основанную на интригах и демагогии, а также презрении к устоявшимся нормам и правилам. Кроме того, за Гитлером стояли многочисленные штурмовые отряды и дисциплинированная партия. Важную ставку он сделал и на армию, того же 30 января министром рейхсвера был назначен Вернер фон Бломберг, который на начальных этапах очень активно поддерживал политику Гитлера. Рейхсканцлер добивался лояльности армии, он понимал, что именно поддержка рейхсвера даст ему и время, и средства, и силу.

После назначения Гитлера случилось несколько событий, которые означали начало полного захвата власти. 4 февраля 1933 г. А. Гитлер добился у рейхспрезидента издания декрета «О защите немецкого народа». По мнению известных исследователей истории нацизма Д. Мельникова и Л. Черной, закон от 4 февраля поставил в губительное положение всех политических соперников нацистов [6, с. 24].

Декрет «О защите немецкого народа» давал юридическое обоснование цензуры и полной нацистской пропаганды в обществе. Предусматривался запрет митингов, политических собраний и выпуск листовок и газет, пока не для всех партий, а для своего главного противника и врага – коммунистов.

Чтобы их скомпрометировать вечером 27 февраля 1933 г. был устроен пожар в рейхстаге, который якобы должен был стать сигналом для начала коммунистического восстания. Разумеет-

ся, это не могло не произвести должного впечатления на публику. Немедленно 28 февраля был принят декрет «О защите народа и государства», руководствуясь которым, части полиции, СА и СС принялись громить организации коммунистов, социал-демократов, опорные пункты профсоюзов, редакции демократических газет и журналов [5, с. 14].

Даже сейчас мы не знаем подлинной истории авторства поджога. Есть много различных версий. Есть версия, что поджог рейхстага совершили 23 штурмовика СА по приказу и с одобрения Э. Рема. Ряд исследователей истории нацизма утверждают, что автором этой идеи был Герман Геринг. Но результат поджога можно точно описать, как развязывание террора не только против коммунистов, но и всех левых, демократических сил. Декрет о «Защите народа и государства» фактически защищал отмену конституционных прав. Аресты происходили без суда и следствия, отменялись личные свободы, такие как: тайна переписки, неприкосновенность жилья и так далее. За государственную измену вводилась смертная казнь [4, с. 371].

Только в ночь на 28 февраля было арестовано около 5 тысяч коммунистов и социал-демократов и других противником нового режима, а в Пруссии общее число арестованных достигло 15 тысяч человек [1, с. 84].

В условиях тотального нарушения избирательных прав, арестов и запугивания противников нацистов, 5 марта, прошли выборы в рейхстаг. В результате их НСДАП получила 43,9%, СДПГ – 18,25%, КППГ – 12,32%, Партия Центра – 11,25%, НННП (Немецкая национальная народная партия) – 7,97%. Это свидетельствует, что даже в условиях террора и запугивания немецкие избиратели не отдали нацистской партии большинство своих голосов. Но процесс полного контроля нацистской диктатуры над страной уже был запущен. К 8 марта были ликвидированы все мандаты коммунистов в рейхстаге. 14 марта было создано министерство просвещения и пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом. Начались быстро организовываться концентрационные лагеря для политических противников гитлеровского режима.

К середине марта 1933 г. только в Пруссии в тюрьмах и импровизированных лагерях оказались 100 тыс. человек, политических противников нацистского режима [1, с. 185]. Нацистская диктатура в кратчайшие сроки взяла в свои руки все инструменты, чтобы полностью ликвидировать инакомыслящих, сво-

их соперников и просто неугодных себе людей. И в это же время началось строительство идеологической машины во главе с Йозефом Геббельсом для тотального обмана, контроля и идеологической работы над всеми слоями населения. Геббельс в своих дневниках делился мыслями по этому поводу. 3 февраля 1933 г. он уже рассказывал Гитлеру о планах создать «шедевр» пропаганды, в первую очередь благодаря использованию государственных ресурсов, радио и прессы [10, с. 230]. В записях от 21 февраля, готовясь к выборам 5 марта и Дню национального пробуждения, Геббельс пишет, что в этот момент будет максимальная концентрация агитации и пропаганды, и не только народ Германии её признает, но и зарубежная пресса назовет ее образцовой [10, с. 232].

Когда 14 марта официально было создано Министерство пропаганды, Геббельс был очень воодушевлен. Он сразу бросил все силы, чтобы очистить штат учреждения от ненужных сотрудников и 15 марта дает первую пресс-конференцию на новой должности, готовясь создать свою модель работы СМИ. 1932 год Геббельс признавал трагичным годом, но уже в марте 1933 г. он уверен в том, что они, национал-социалисты, теперь главные в Германии.

Следующим большим шагом к взятию полного контроля над страной и установлению диктатуры был принятый 23 марта 1933 г. закон «О ликвидации бедственного положения народа и Рейха». Фактически это означало отмену уже к тому времени формально существующей Веймарской конституции. На основании этого закона правительство получает законодательные права, в том числе и по вопросам бюджета. Допускалось также, что нормы законов, принятых правительством, могут прямо уклоняться от норм Конституции 1919 г., де-юре продолжавшей действовать. В законе специально подчеркивалось, что договоры с иностранными государствами и их исполнение не нуждаются в утверждении парламентом. Формально закон был принят как временный до 1 апреля 1937 г., фактически он стал постоянно действующим основным законом нацистского государства и переиздавался каждые 4 года. Непосредственное участие в подготовке всех имперских законов отныне принимала канцелярия национал-социалистической партии, подчиненная Гитлеру. Это был конец Веймарской республики с ее представительными учреждениями. Теперь диктатура Гитлера приобрела юридическое

обоснование, что делало рейхсканцлера независимым не только от парламента, но и от президента [8, с. 185].

Следующим шагом нацистского руководства стала ликвидация федеральной структуры Германии. 31 марта 1933 г. был издан закон «О включении земель в рейх». Он представлял собой роспуск всех ландтагов, кроме прусского, т.к. там руководил Г. Геринг. В результате принятия закона были распущены земельные парламенты, а 7 апреля был создан новый пост – рейхсштатгальтера. По сути, это был наместник правительства, который имел право распускать ландтаг, избирать местное правительство и так далее. Этими действиями был начат процесс жесткой централизации Германии и установление полного контроля нацистской партией и лично А. Гитлером над местными органами власти.

Одновременно с этим активно подогревалось среди народа насаждение антисемитизма. Так, 1 апреля 1933 г. был организована общегерманская антисемитская акция. «Нацисты объявили бойкот владельцам магазинов, предпринимателям, врачам и адвокатам еврейского происхождения. Бойкот сопровождался убийствами и разрушениями» [6, с. 182].

2 мая 1933 нацисты ликвидировали профсоюзы, это было продолжением унификации всей власти. Уничтожение профсоюзов было очень коварно разработано. 1 мая прошел парад в честь Дня национального труда, где всё было красиво организовано, нацисты сотрудничали с лидерами профсоюзов, что создавало их доверие к новой власти. Но уже на следующий день все лидеры и видные функционеры профсоюзов по всей Германии были схвачены, особенно досталось двум самым главным профсоюзам – Общегерманскому объединению профсоюзов и Всеобщему объединению профсоюзов служащих. Счета профсоюзных организаций и все их имущество были арестованы. 10 мая был создан Германский трудовой фронт, который взял на себя задачу организации деятельности рабочих в Германии. Его руководителем был назначен убежденный нацист Роберт Лей.

22 июня 1933 г. была запрещена Социал-демократическая партия Германии, а ее фракция в рейхстаге была разогнана. 27 июня о самороспуске объявили Национальная и Народная немецкие партии, 5 июля их примеру последовал католический Центр, а 14 июля был издан закон о запрете создания новых партий. НСДАП стала единственной легальной партией в стра-

не. Завершился первый этап консолидации фашистского режима [2, с. 68].

Парламентские выборы 12 ноября 1933 года были внеочередными по выборам депутатов рейхстага. Они проходили одновременно с референдумом по вопросу о выходе Германии из Лиги Наций. Избирателям был предложен единственный список кандидатов без возможности ясно выраженного голосования «против». По результатам выборов кандидаты от единого списка национал-социалистов заняли все места в Рейхстаге (661), в том числе 22 кресла, предназначавшиеся для «специально приглашенных» для участия в работе парламента лиц.

20 января 1934 г. началось подчинение германской экономики нацистами. В это время был издан закон «О порядке национального труда». Он предусматривал собой распространение принципов фюрерства на экономику. Владельцы и менеджеры становились «вождями предприятия» и отвечали за его успешную работу, благосостояние своих рабочих, таким образом, повторяя концепцию фольксгемайншафта (народной общности) внутри организаций бизнеса. Закон также предписывал создание Советов доверия в бизнесах и компаниях с более чем 20 рабочими, которые возглавлялись «лидером предприятия». Должность доверенного лица предприятия была в дальнейшем усилена, так как закон наделял их полномочиями вмешиваться в дела индивидуальных бизнесов и предприятий. Под каждым доверенным лицом был установлен суд чести, который имел право уволить лидера предприятия в случае серьезных нарушений или утраты доверия [6, с. 376-377].

27 февраля 1934 г. выходит Закон «Об органическом построении германской экономики», согласно которому были созданы имперские хозяйственный группы по отдельным отраслям экономики. В промышленности было создано 13 главных и большое количество отраслевых групп во главе с «фюрером промышленности», наделенным неограниченными полномочиями [4, с. 63].

Следующее важно событие, которое способствовало концентрации власти в руках А. Гитлера – это «Ночь длинных ножей», произошедшее 30 июня 1934. Кодовое название этой операции – «Колибри». Есть много различных версий, собирался ли Рём, и его сподвижники из СА организовывать путч? По мнению Д. Мельникова и Л. Чёрной, изучавших послевоенные документы, ни о каком путче не было и речи [7, с. 184].

Да і ў цэлым многія гісторыкі сходятся ў мненні, што пад прадлогом «путча» А. Гітлер удаляў небяспеку з боку не адпавядаючых яго ідэалам і мэтах частак нацыянал-соцыялістычнай партыі, таксама гэта быў канчатковы выбар у карысць кіравання рэйхсвера. Рым хацеў, каб армія фарміравалася вакол яго атрадаў СА, што вызывала буйное неадольства ў кіравання рэйхсвера. Гітлеру хацелася мець поўную ўладу над узброенымі сіламі краіны. «Ночь доўгіх ножаў» таксама нанесла ўдар таксама па супрацьнікам Гітлера ў кансерватыўным лагера. У асаблівасці, быў забіты былы рэйхсканцлер генерал Шляйхер і шэраг іншых кансерватыўных палітыкаў. Віцэ-канцлер Ф. фон Папен перастаў быць самастойнай палітычнай фігурай.

13 ліпеня А. Гітлер выступіў у рэйхстагу і назваў ліку загінуўшых у аперацыі «Колибри»: расстраляна 58 мятежнікаў і «случайна» забіта яшчэ 19, гэта ёсць 77 чалавек [7, с. 198]. Апраўдваў унесудбныя расправы, рэйхсканцлер цинічна ўтверджаў, што ў тое час ён быў законам. Рэйхстаг заднім лікам адабріў дзеянні нацысцкага кіравання.

Такім чынам, у перыяд з студзеня 1933 па чэрвень 1934 г. ў Германіі ўстаноўлілася нацысцкая дыктатура. Прэзідэнт яшчэ фармальна правіў, но, па сутні, уся ўлада была ў НСДАП і А. Гітлера. Рэпрэсіўны апарат быў створаны, інакомыслячые ў народзе і партыі – утвораны.

Калі гаворыць аб прычынах ўстаноўлення нацысцкай дыктатуры, то можна выдзяліць наступнае:

1. Германская дэмакратыя не справілася з задачай кансолідацыі грамадства ў час астрого эканамічнага крызіса;

2. У палітычнай сістэме Веймарскай рэспублікі былі заложаны механізмы, якія маглі весці да надзвычайнаму становішчу, чым і воспользавался прэзідэнт П. Гіндэнбург, назначыў А. Гітлера рэйхсканцлерам. У выніку надзвычайніна стала поўнаацэнна дзеючым фактарам нацысцкай сістэмы кіравання;

3. Частка германскай эліты лічыла нацыстаў меншым злом, чым камуністаў;

4. Не ўдалося стварыць адзінога цэнтру апазіцыі з-за немагчымага саапрацоўніцтва СДПГ і КПГ.

Список источников и литературы

1. Безыменский, Л. А. Разгаданные загадки Третьего Рейха / Л. А. Безыменский. – Москва: Издательство АПН, 1984. – 368 с.
2. Бровко, Л. Н. Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры: 1933–1945. / Л. Н. Бровко. – Москва: Наука, 1988. – 304 с.
3. Випперман, В. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. / В. Випперман. – Новосибирск, 2000. – 131 с.
4. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова – Москва: КДУ, 2008. – Т. 3: Документы и материалы. – 592 с.
5. Кузнецов, В. В. Ночь длинных ножей. / В. В. Кузнецов. – Москва: Яуза, 2005. – 320 с.
6. Мельников, Д. Е. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. / Д. Е. Мельников Л. Б. Черная. – Москва: Политиздат. 1987. – 414 с.
7. Мельников, Д. Е. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. / Д. Е. Мельников Л. Б. Черная. – Москва: Агентства печати Новости. 1981. – 432 с.
8. Патрушев, И. А. Германия в XX веке: учеб. пособие / И. А. Патрушев. – Москва: Дрофа, 2004. – 432 с.
9. Шахт, Ялмар. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948 / Ялмар Шахт. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 511 с.
10. Goebbels, J. Dzienniki / J. Goebbels. – Warszawa: Swiat Ksiazki, 2013 – Т. 1923-1939 – 896 s.

This article is devoted to the formation of the Nazi dictatorship in Germany. The article describes the process of formation at the legislative level of political and ideological structures of the Nazi state, their extraordinary and repressive nature. The reasons for the rapid collapse of the Weimar democracy are considered.

Научный руководитель – Г. В. Васюк, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

О. В. Галуско

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Чехословацкие воинские части на территории СССР в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается формирование чехословацких воинских частей на советской территории, их организационная динамика (батальон-бригада-корпус) и боевые действия. Основное внимание уделено вопросам советско-чехословацких межгосударственных отношений, комплектования чехословацких подразделений, их участия в крупных операциях Красной Армии на территории СССР в 1943–1944 гг.

После фашистской оккупации Чехословакии в середине марта 1939 г. значительное количество солдат и офицеров уже бывшей чехословацкой армии покинуло родину. Большая их часть разными путями добралась до Западной Европы, а около одной тысячи составили Чехословацкий легион в состав польской армии. После разгрома Польши в сентябре 1939 г. многие военнослужащие легиона оказались на территории СССР и были интернированы. Здесь большинство легионеров воспользовалось предоставленной советскими властями возможностью выезда во Францию для борьбы с нацистской Германией в армиях западных союзников. В Советском Союзе остались лишь немногие военные, включая подполковника Л. Свободу [1, с. 201].

Сразу после начала Великой Отечественной войны, 3 июля 1941 г. советское правительство приняло решение разрешить формирование на своей территории национальных комитетов и национальных воинских частей, в т.ч. из чехов и словаков, а также оказывать помощь в вооружении этих национальных частей. Уже 18 июля 1941 г. министр иностранных дел чехословацкого правительства в изгнании Я. Масарик и посол СССР в Великобритании И. М. Майский подписали межправительственное соглашение, согласно которому не только устанавливались дипломатические отношения высокого уровня и страны брали на себя обязательство совместно воевать против гитлеровской Германии. Третья статья этого важного документа закрепляла согласие советских властей на формирование в СССР “национальных чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласо-

ванию с советским правительством”. Здесь же отмечалось, что “в оперативном отношении чехословацкие воинские части на территории СССР подчиняются верховному советскому командованию” [2, с. 14].

Более детальное военное соглашение, развивавшее и конкретизировавшее договор от 17 июля, было подписано в Москве 27 сентября 1941 г. [2, с. 20].

К концу осени 1941 г. были согласованы все основные вопросы и командование будущего батальона прибыло в г. Бузулук, где для формирующейся части в середине декабря были предоставлены казармы. 3 января 1942 г. ГКО СССР принял специальное постановление “О Чехословацкой бригаде на территории Союза ССР”, которым предусматривалось создание первых подразделений будущей бригады: отдельного батальона и запасной роты. В соответствии с ним подлежали освобождению чехословацкие граждане, находившиеся в плену или в статусе интернированных, а также разрешалось вступление в чехословацкие части советских граждан чешской и словацкой национальности [3, с. 68].

Официально формирование первого чехословацкого отдельного пехотного батальона было начато 5 января 1942 г. Его ядро составили 93 бывших чехословацких легионера, оставшихся в СССР. Командиром был назначен подполковник Людвиг Свобода, человек интересной судьбы. Родился он в крестьянской семье, получил агрономическое образование. Солдатом австро-венгерской армии в 1915 г. добровольно сдался в русский плен. Героически воевал в составе Чехословацкого корпуса против Германии и Австро-Венгрии. В годы гражданской войны участвовал в боях корпуса против Красной Армии. С 1921г. – офицер чехословацкой армии. В конце 1930-х годов командовал пехотным батальоном. После оккупации страны стал участником антифашистского подполья. Из-за угрозы ареста бежал в Польшу, где вступил в Чехословацкий легион. После поражения Польши был интернирован советскими органами [3, с.71].

22 января 1942 г. для финансирования расходов, связанных с формированием батальона, правительство СССР предоставило Чехословакии беспроцентный заем в размере 5 млн руб. В начале февраля в Бузулук приехали 88 офицеров, младших командиров и солдат, освобожденных из лагерей. А в середине месяца часть уже насчитывала 297 чел. личного состава [3, с. 72].

В конце марта 1942 г. в батальоне уже было около 600 чел.

разных узростаў, нацыянальнасцей, вероіспаведанняў, палітычных узглядаў. По распаражэнню лідэра КПЧ Клементэ Готвальда ў батальён былі накіраваны некалькі дзясяткаў чэхасловацкіх палітэмігрантаў. Вясной у Бузулуке была арганізавана школа для падрыхтоўкі афіцэраў і маладзшых камандзіраў, пачалася інтэнсіўная боевая падрыхтоўка – адкрыліся курсы мінамётчыкаў, сапэраў, радыстаў, ваенных медыкаў і др. [3, с. 74].

Ваеннослужачыя батальёна былі одеты ў брытанскую ваенную форму, якая асталаўся ад польскай арміі генерала В. Андэрска, но са знакамі разліччя доваеннай чэхасловацкай арміі. Сыхраняліся чэхасловацкія ваінскія званні, а праходжэнне службы рэгламентіравалася ваінскімі уставамі чэхасловацкай арміі. По арганізацыйным пытанням батальён падчыняўся чэхасловацкаму ўраўдальству ў эміграцыі, а по апэратыўным- саветскаму камандаванню.

Осенью 1942 г. батальён палучыў боевое оружье, в основном советское, а 28 октября принял присягу. 19 ноября 1942 г. советское правительство объявило амнистию для жителей Закарпатья-бывших граждан Чехословакии, которые нелегально переебрались в СССР. Некоторые после дополнительной проверки были зачислены в батальён, но основная часть была направлена в формировавшийся чехословацкий запасной полк [4, с. 255].

На конец января 1943г. численность батальёна составляла 974 чел., в т.ч. 26 офицеров, 10 ротмистров, 244 унтер-офицера и 694 рядовых. Структуру батальёна составляли 7 рот (три пехотных, пулеметная, минометная, противотанковая, вспомогательная) и отдельные взводы автоматчиков, сапэраў і сувязі. По численности личного состава батальён составлял примерно 2/3 доваенного чехословацкого полка, а по вооружению превосходил его [1, с. 84].

27 января 1943 г. батальёну было вручено боевое знамя, а через несколько дней началась его отправка на Воронежский фронт. В начале марта батальён занял оборону на рубеже Миргород-Соколово-Артюховка протяженностью 10 км. Основные позиции располагались на левом берегу реки Мжа, но чрезвычайно важным был плацдарм на правом берегу у дер. Соколово [3, с. 86].

8 марта 1943 г. батальён вступил в бой. Основные действия развернулись у дер. Соколово, которую обороняла усиленная рота надпоручика О. Яроша. Уже в первый день село атаковали примерно 60 немецких танков и батальён мотопехоты. Рота

понесла значительные потери, в т.ч. героически погиб О. Ярош. Немцы же потеряли 19 танков и до 400 чел. убитыми и ранеными. Бои в районе дер. Соколово и р. Мжа продолжались вплоть до 13 марта. Батальон удержал занимаемые позиции.

За время боев 8-13 марта 1943 г., по донесениям полковника Л. Свободы, батальон потерял убитыми 153 чел., ранеными – 92, пропавшими без вести – 122. За героизм в боях у Соколово 87 военнослужащих были награждены советскими орденами и медалями, 159 – чехословацкими. Надпоручику О.Ярошу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза – это был первый случай присвоения высокого звания иностранному гражданину. Полковника Л. Свободу наградили орденом Ленина [3, с.87].

Батальону удалось выйти из окружения в районе Харькова. В дальнейшем он находился в резерве Воронежского фронта, а в начале мая 1943 г. был переброшен в г. Новохоперск на переформирование. Это было связано с тем, что 29 апреля было принято решение ГКО, официально объявленное 5 мая, о создании на основе первого чехословацкого батальона и запасного полка Первой Чехословацкой отдельной пехотной бригады. Формирование бригады завершилось в сентябре 1943 г. В ее составе было примерно 3,5 тыс. чел., в т.ч. 114 офицеров, часть которых прибыла из чехословацких частей в Великобритании и Северной Африке. Количество советских военнослужащих было выражено меньшим по сравнению с воинскими частями других стран (только 21 офицер и 148 специалистов-солдат). Командиром был назначен полковник Л.Свобода [3, с.89].

Бригада участвовала в освобождении Украины и за боевые заслуги была награждена орденами Суворова 2-й степени (за Киевскую операцию) и Богдана Хмельницкого 1-й степени (за Житомирско-Бердичевскую) [3, с. 93].

В апреле 1944 г. на базе бригады началось формирование Чехословацкого армейского корпуса, в состав которого вошли две пехотные бригады, отдельная воздушно-десантная бригада, 4 полка (танковый, артиллерийский, противотанковой артиллерии, зенитно-артиллерийский) и 4 батальона (связи, саперный, медико-санитарный, автомобильный). Несколько позже были созданы отдельный чехословацкий истребительный авиаполк и отдельная чехословацкая танковая бригада. С сентября 1944г. корпус участвовал в тяжелых боях в рамках Восточно-Карпатской операции 1-го Украинского фронта и 6 октября вступил вме-

сте с советскими войсками на территорию Чехословакии, начав ее освобождение [5, с. 245].

Список источников и литературы

1. Марьина, В. В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны: в 2 кн. – Кн. 1. 1939–1941 гг. / В. В. Марьина. – Москва: Индрик, 2007. – 448 с.
2. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. – Москва: Госполитиздат, 1960. – 290 с.
3. Марьина, В. В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны: в 2 кн. – Кн. 2. 1941–1945 гг. / В. В. Марьина. – Москва: Индрик, 2009. – 432 с.
4. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 5 т. / редкол.: сов. часть – А.И. Недорезов [и др.]; чехословац. часть – В. Краль [и др.]. – Москва: Наука, 1981. – Т. 4: март 1939 г. – декабрь 1943 г. – 421 с.
5. Свобода, Л. От Бузулука до Праги / Л. Свобода – Москва: Воениздат, 1963. – 408 с.

The article examines the formation of Czechoslovak military units on Soviet territory, their organizational dynamics (battalion-brigade-corps) and military operations. The main attention is paid to the issues of Soviet-Czechoslovak interstate relations, the manning of Czechoslovak units, their participation in major operations of the Red Army on the territory of the USSR in 1943–1944.

Научный руководитель – И. О. Змитрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

В. В. Задёра

*ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»*

Злодеяния немецко-фашистских оккупантов и их пособников в период Сталинградской битвы: воспоминания жителей и участников событий

В данной работе охвачен период Великой Отечественной войны. Автор раскрывает немецкие злодеяния, лишения и насильственные действия по отношению к мирному населению во время Сталинградской битвы на основании архивных документов, записок и воспоминаний не только непосредственно участников тех далёких событий, но жителей, которые пострадали от рук немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

Великая Отечественная война – один из самых печальных и трудных периодов в истории не только российского народа, но и братских стран бывшего СССР. Эта ужасная война наложила свой отпечаток на развитие многих стран мира на десятилетия вперёд. Но самое страшное – война оставила свой след на судьбах миллионов людей, которые были разрушены в один миг. Традиционно, мы вспоминаем в дни военных праздников самые знаковые и ключевые эпизоды Отечественной войны, но зачастую делаем это с точки зрения военной стратегии – успешные тактические действия, проигравшие и победившие. Но также необходимо рассматривать, какие лишения и ужасы принесла война мирному населению, какие злодеяния устраивали вражеские оккупанты, ведь только в совокупности всё это представляет собой историю войны. Поэтому, цель данной статьи: рассмотреть злодеяния немецко-фашистских оккупантов и их пособников во время Сталинградской битвы через призму воспоминаний очевидцев и мирных жителей того времени.

Немецко-фашистские захватчики и их пособники целенаправленно стремились к уничтожению советской страны и её народов, захвату богатых ресурсных земель и природных богатств. Советский народ вел отечественную, национально-освободительную борьбу против беспощадных и кровавых оккупантов. Перед лицом смертельной опасности первая в мире страна социализма сплотилась в стремлении отстоять свою свободу, территориальную целостность и право на жизнь будущих поколений. Главная причина всеобщего патриотического подъема в то кровопролит-

ное время состояла в том, что советские люди защищали свое государство, на которое было направленно завоевание и впоследствии уничтожение всех русских и славянских ценностей, традиций и культур. Развивая идеи захватнической войны, Третий рейх пропагандировал о том, что война против СССР носит освободительный характер для стран, которые были узурпированы советской властью, для национально настроенных народов, которые ущемлялись в СССР, а также освобождение России от диктаторской большевистской системы, власти и социализма. Этими идеями пропаганды прониклись многие русские люди. Находившийся в эмиграции поэт серебряного века И.А. Бунин открыто поддерживал первые наступления Гитлера на Москву, бывшие белые донские казаки П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и тд. участвовали в войне на стороне оккупантов и искренне верили, что захватчики избавят страну от большевиков и дадут России свободу. Но очень скоро всему миру пришлось убедиться в ложных намерениях главарей Германии, в их безжалостности к человечеству в беззаконие, которое они творили по отношению к советскому человеку и всему миру. Поэтому эта война стала национальной, отечественной, освободительной, яростной.

Сталинградская битва – одно из важнейших генеральных и ключевых сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн между Красной армией и вермахтом при поддержке армий стран «оси», которая сосредоточила больше миллиона человек с каждой стороны, закончившаяся победой Вооружённых сил СССР. Битва происходила с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 год. Безусловно, такое ключевое сражение происходило в особом жестоком ключе, немецкие захватчики и их союзники использовали все средства для победы, в том числе, пытками и уничтожением местного населения. Каждый сантиметр Сталинградской земли был пропитан кровью, но взять город фашистам так и не удалось. На Сталинградской земле фашисты стали настоящими извергами, они убивали население, грабили, насильничали, вели себя, как хозяин со скотом. Свои злодеяния на допросах описывали немецкие солдаты и офицеры; солдат штабной роты 79 пехотной дивизии Генрих Ландедорфер: «Русских пленных не кормят ничем. Гражданское население из Сталинграда отправлено в сёла, а здесь живут военные. Скот и продукты питания, найденные в домах – отбираются. Наряду с продуктами солдаты забирают вещи». Военнопленный солдат Курт Риттер: «По распоряжению Верховного командования

германской арміі из-за трудностей снабжэння і даставкі продовольства для дывізій, а такжэ і другія дывізіі пераведзены на самаснабжэнне. Согласно распаражэнню, гэты дывізіі ў акупіраваных абласцях маюць права рэквізіраваць продовольства для людзей і фураж для лошадей. Для таго каб браць продовольства, нужно саотваствуючае ўдостоверенне от командира роты. Каждый абладателъ такога ўдостоверення мае права трэбаваць у насалення любыя маючыяся прадукты і скот, как, напрымер, свиней, овец, телят, рогаты́й скот, муку, пшеницу, картофель, всякие овощи. Существуют команды по реквизиции из 3-4 человек, которые посылаются в села. Эти люди ищут продукты и скот в сараях, домах, в погребах и, несмотря на бурный протест населения, забирают все годное для употребления. Все эти продукты грабятяся и, привозятся в роту. В большинстве случаев, кроме того, забирают у населения еще много вещей, имеющих ценность для членов команды. При этом не спрашивают, может ли население обойтись без этих вещей. Напротив, часто забирают последнего теленка или последнюю курицу. Происходит самый настоящий грабёж. Часто дело доходит до того, что в деревне забирают все дочиста, а население обрекают на голод, либо оно вынуждено покинуть село, как, например, было в с. Расподивском. В оккупированных областях, находящихся дальше за линией фронта, это почти всеобщее явление». Старший сапёр 1 роты 50 сапёрного батальона Гергард Гольц: «Немецкие офицеры тоже грабят население. Например, бывший командир батальона старший лейтенант Эймлер, который живёт в Берлине, послал со мной бельё, сукно и тд. Сам я отвёз 20 пакетов чая, 2 кг. мыла и различные вещи». Солдат 8 роты 276 пп 94 пл Вальер Шуберт: «...Другой ефрейтор, войдя в один дом со своими товарищами, выгнал оттуда русскую женщину с детьми; все они нажарили и поели свинину, а потом захватили с собой примерно 8 кг. сливочного масла, несколько кг. сахара, сала, свинину, одежду, шаль, перчатки. Ночью солдаты выгоняют жителей из домов и щелей, забирают постельные принадлежности, съедают всё, что попадает под руку... Женщин и детей всю ночь оставляют мёрзнуть на улице» Ефрейтор Гергард Кальман: «У жителей «в организованном порядке» забирают все продукты питания. Жители села Орловка питаются падалью лошадей, остатки которой подбирают на дорогах». Военнопленный Франц Михтнер: «...Повсюду жители держались от нас в стороне, потому что мы набирали для своей кухни мясо, масло, яйца, муку. Часто было так, что сол-

даты отбирали у мирных жителей продукты не только для кухни, но и для себя». Военнопленный солдат Божичевич: «... Я сам видел, как в Сталинграде немцы забирали у одной семьи свинью. Хозяева молчали, а когда немцы ушли, они плакали и говорили, что им нечем будет прожить» [1, с. 59-68].

Кроме насильственных изъятий продуктов и грабежей немцы стремились к полному уничтожению мирного населения, иначе говоря, взять Сталинград измором. В своём донесении руководству капитан Алексеев П.М. сообщил, что при освобождении района Спартановка города Сталинграда был обнаружен ряд неслыханных издевательств фашистских оккупантов над мирным населением. «В блиндаже гражданки Мухиной М.Д. ночью ворвались немцы и увидев слепую старуху по фамилии Самарина 80 лет отроду, вытащили её из блиндажа и выбросили её под откос оврага. Когда Мухина М.Д. встала на защиту своей бабушки, имея на руках грудного ребёнка, один из немцев грубо вырвал из её рук ребёнка и голого бросил через колючую проволоку в свинарник, вблизи расположенного с блиндажом». Кроме этого, так же была застрелена в блиндаже гражданка около 38 лет со своим 8-ми летним сыном, они оказались выкинутыми из блиндажа и в нём поселились немецкие офицеры. (Фамилию установить не удалось, так как имущество немцы растащили, а документы сожгли) [2, с. 638]. Из докладной записки начальника УНКВД по Сталинградской области А.И. Воронина секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянову – о массовом истреблении граждан еврейской национальности и других злодеяниях немецко-фашистских войск на оккупированной территории области, можно прочесть о массовых расстрелах граждан, принадлежавшим еврейской национальности, которые так ненавидимы арийской расой: «... Расстрелы лиц еврейской национальности у немцев имели организованный характер. Евреи расстреливались, несмотря на возраст и пол. Немцы, вступив в населённый пункт, сейчас же приступали к массовому расстрелу евреев» [3, с. 34-36]. По этим же донесением можно получить приблизительные количественные данные о еврейских расстрелах:

- с. Аксай, Ворошиловский район – расстреляно 68 человек;
- с. Перегрузный – свыше 50 человек;
- с. Каменка – 125 человек;
- с. Водино – 43 человека.

В августе 1942 года в с. Суровикино Кагановического района,

немцы расстреляли двух девушек-евреек 17 и 18 лет, прибывших из Беларуси. Сначала зверски избили девушек автоматными прикладами, а затем расстреляли у противотанкового рва. Также из сводки № 16 разведанных УНКВД по Сталинградской области о положении в тылу противника по состоянию на 5 января 1943 можно найти фрагмент, где передаются слова гражданки Реутовой А., которая рассказывает, что в х. Калмыковом немцы расстреляли 25 человек евреев, среди которых были старики, женщины и дети, заставив их предварительно вырыть себе могилу. Расстреливали по пять человек, а оставшихся в живых заставляли зарывать трупы [4, с. 16-18].

Расстрельные мероприятия не ограничивались только еврейскими жителями, немцы расстреливали по малейшему поводу и русских. Также из этого донесения стало известно о том, что в хуторе Генераловском, Верхне-Кумоярского р-на (ныне – Котельниковский р-он), румынским офицером был убит 14-летний мальчик за то, что он отказался принести ему молока. В с. Громославка, Калачевского района, немцы расстреляли жену красноармейца Садловскую за то, что у неё была обнаружена старая кавалерийская пашка. В хут. Ляпичево Калачевского района немцы после долгих издевательств убили пятерых детей за то, что они подошли к немецкой автомашине с продуктами и попросили хлеба. Также известны акты расправы над партизанами по доносам немецких осведомителей. Так, по доносу старосты с. Зимовского Нижне-Чирского района – Алимова, в прошлом белогвардейца, немцы арестовали 13 партизан, которых они зверски замучили и их изуродованные трупы бросили в лесу. Или в с. Калаче немцы расстреляли трёх подростков: Пашкова Павла – 17 лет, Цыганкова Ивана – 16 лет и Шестёркина Михаила – 15 лет, за возможную подготовку ими террористического акта по отношению к немцам.

Зачастую наряду с расстрелами и разбоями над мирным населением, были отмечены случаи насилия над женщинами. Например, в с. Васильевка, Ворошиловского района, немецкие солдаты изнасиловали колхозницу Слитину А.Г. в присутствии мужа и её 15-летней дочери. Также немцами были изнасилованы в присутствии соседей гражданка Завгороднева М.И и девочка Сгибичкая – 14 лет. В с. Ивановка 3 румынских солдата в квартире Игнатьевой изнасиловали двоих несовершеннолетних девочек. В хуторе Челноково румынами изнасилованы 4 женщины, их сёстры и ряд других жителей.

Безусловно, тяжелая доля выпала на судьбы жителей военного времени на судьбы людей. Ещё страшнее тот факт, что страдали мирные жители, которые хотели только одного – суметь выжить, спасти себя и своих близких. Но эту несправедливую участь, которая обрушилась на их головы, они перенесли гордо и достойно ради одной общей цели – разгрома над фашистско-немецкими захватчиками. Так вспоминает Ушакова П.П. с хут. Чепурий немецкие злодеяния, которые творили фашисты по отношению к ней: «Во время оккупации немецкими захватчиками нашего хутора я находилась дома и старалась всячески избегать работать для немцев, я мотивировала невыход болезнью, а моя сестра уходила в соседние хутора под видом доставать хлеба... И вот в конце сентября подъехала подвода ко двору с комендантом и полицейским... и приказали мне одеваться... взяв меня в комендатуру, посадили и через несколько времени пришли все полицейские и комендант, приказали мне раздеться, лечь вниз лицом, бесстыдно уложив меня для порки... Собрав всю свою волю не издать не единого звука, чтобы не хвастались эти гады нашим безволием, но они свирепели более, рвали розгами тело и хохотали от удовольствия. После чего бросили меня раздетую в другую комнату, где я провела сутки без воды и хлеба. На второй день опять меня вызвали на допрос, и когда я вышла к коменданту, то увидела потрясающую ужасную картину, моя сестра стояла вся окровавленная у стола перед комендантом на коленях. Комендант быстро приказал опять меня взять и принялся снова пороть, где ещё не высохла кровь от первой порки» [5, с.18]. Продовольственная станица Верхне-Курмоярская Сталинградской области была оккупирована немцами, поэтому с особой жестокостью враг учинял там разбой и насилия. Жительница станицы, колхозница Жарикова Е.Ф.: (на момент оккупации ей было 66 лет) описала немецкие издевательства: «На третий день меня вызвали на допрос, посадили в тюрьму, где я просидела 7 суток. В тюрьме меня били, чем попало; кулаками, ногами, плетьюми железными, били по голове, по ладоням рук, ногой по коленам, выдёргивали волосы, за что, я до сих пор не знаю» [5, с. 16]. Также житель этой станицы, казачка Кузьмина М.Н. вспомнила совершенно ужасные события: «...Посадили меня немцы и стали допрашивать. Какие у тебя есть сведения, конечно, я ничего не знала и только отвечала – нет, не знаю, а за это меня били специально приготовленной плетью из проволоки, били по ладоням рук, под коленами ног, по спине и по лицу, я была изби-

та до потери сознания. Под рождество нас вместе с подругами посадили в тюрьму без всяких причин и сказали «с русский свинья нам возиться некогда ... а потом мы их расстреляем». Это не могло случиться лишь потому, что Красная Армия освободила нашу станцию и выпустила нас из тюрьмы» [5, с. 5–6].

Победа далась нам невероятно огромной ценой: примерно 27 млн. своих граждан потеряла наша страна в годы Великой Отечественной войны. Такой безмерной цены за свою свободу и независимость не платил ни один народ в истории. Это смог вынести только советский народ благодаря огромному потенциалу не только социально-политической, военной, демографической, но и духовной прочности, героизму и твёрдости нашего многонационального народа, который сумел перенести все трудности беспощадных злодеяний, которые творили вражеские захватчики. Мужественными жителями Сталинграда по праву восхищается весь мир, король Великобритании Георг VI подарил городу специальный наградной меч с драгоценными камнями с надписью: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа».

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021, оп. 45, д. 14, л. 59–68.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 32, оп. 11302, д. 104, л. 638–638 об.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113, оп. 14, д. 306, л. 34–36.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113, оп. 14, д. 306, л. 16–18.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 138, оп. 1, д. 19, л. 18.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 138, оп. 1, д. 19, л. 16
7. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 138, оп. 1, д. 19, л. 5–6.

This article examines the atrocity of the Nazi invaders and their accomplices during the Battle of Stalingrad during the Great Patriotic War on the basis of archival documents, notes and memoirs of participants in the events and civilians.

Научный руководитель – З. З. Кынжова, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории, политологии и социологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академии».

УДК 94(100)»1939/45»(438.111)

А. В. Кручковский Э. Т. Кручковский*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»***Проблема восточных границ послевоенной
Польши на Тегеранской конференции**

Данная статья посвящена вопросу восточной границы Польши на Тегеранской конференции союзных держав в 1943 г. Польский вопрос стал одним из главных и наиболее сложных на этой конференции. Он состоял из двух основных частей: проблемы границ Польши и польского правительства. Несмотря на различия интересов лидеры стран «Большой тройки» – США, Великобритания и СССР согласовали вопрос восточной границы Польши путём решения своих вопросов, без учета мнения польского правительства в изгнании. Целью данной статьи является раскрытие объективных условий и конкретных обстоятельств решения вопроса о восточных границах Польши на Тегеранской конференции. Авторы руководствовались основными принципами исторической науки: историзм, объективность, научность и ценностным подходом к прошлому.

Проблема польского государства была одной из центральных и наиболее сложных на заседаниях Тегеранской конференции [1-14]. Не потеряла она своего значения и в наши дни, несмотря на давность минувших событий. Особенно она актуальна сейчас, когда происходит значительное изменение политической и военно-стратегической обстановки в мире. Это изменение происходит за счет расширения блока НАТО на Восток. В числе других в этот блок вступила и Польша.

Все те усилия, которые предпринимала советская дипломатия в годы Второй мировой войны в отношении того, чтобы втянуть польское государство в фарватер политического курса СССР были сведены на нет. Еще в 1944 году во время советско-французских переговоров И. В. Сталин заявил о том, что «... в последние 30 лет Польша была коридором, по которому немцы проходили в Россию. Мы русские, хотим, чтобы этот коридор был закрыт... Уроком войны является сознание того, что дружба между Польшей и Россией является гарантом безопасности для Польши и России» [13, с.142]. Исходя из этого, было сделано всё для того, чтобы повернуть Польшу в сторону СССР. В настоящее время, когда Польша вступила в НАТО, со всей определенностью можно констатировать, что Польское государство после распада восточного блока избрало однозначно прозападную

ориентацию. Россия, допустившая такое положение, начинает осознавать, что утрата союзной Польши означает потерю важнейшего элемента её геополитических позиций в Центрально-Восточной Европе. К столетию независимости Польши, в стране начал курсировать специальный красно-белый поезд, на котором представлена карта межвоенной Польши в состав которой входят нынешние земли Западной Беларуси и Западной Украины. Конечно, на этой карте отсутствуют нынешние западные города Польши: Вроцлав и Щецин.

Несмотря на свою актуальность, рассматриваемая проблема не была предметом специального исследования в белорусской и российской исторической науке ни в советский период, ни в период РБ и РФ. Источниковые издания, относящиеся к заявленной проблематике, в СССР не публиковались или носили купюрный характер. Советская историография рассматривала установление польской восточной границы по линии Керзона в Тегеране как восстановление «исторической справедливости» [6- 8; 11; 13–14; 17]. В силу этих политико-идеологических постулатов конкретно историческое исследование условий и обстоятельств решения этого вопроса было не нужно и могло привести к выявлению политически невыгодных подробностей советской внешней политики кануна и периода Второй мировой войны в целом и в польском вопросе в частности.

В изучении данной проблематики ведущей являлась польская историческая наука [3; 18–24]. Она располагает наиболее представительной источниковой базой и из ее среды выдвигаются основные концепции. Среди работ периода ПНР можно выделить монографическое исследование польского историка В. Матерского «Тегеран. Ялта. Сан-Франциско. Потсдам» [21]. В исследовании отражена работа международных конференций с учетом обсуждения на них польского вопроса. Автор наибольшее внимание уделяет проблеме польского правительства и его взаимоотношениям с СССР.

Характерной особенностью работ польских историков периода ПНР до 1956 года является то, что оценки польской историографии по существу ничем не отличались от подобных исследований советской исторической науки [3; 20–21].

Совершенно иной была позиция польской эмиграционной историографии. В ней особый интерес для заявленной проблематики представляет работа В. Побуг-Малиновского [22]. Автор

считал, что именно по вине СССР Польша не только потеряла свои границы на востоке, приобрела марионеточное коммунистическое правительство, но и лишилась фактически своей независимости, став марионеточным государством в советском военно-политическом блоке.

Новый этап польской историографии по исследуемой проблематике начался с 1980-х годов и, особенно с периода приобретения Польшей фактической независимости от СССР. Заслуживает внимания исследование П. Эберхардта «Польская граница на востоке. (1939-1945)» [19]. Польский учёный, используя значительную источниковую базу и историографический материал, рассматривает процесс установления польско-советской границы в период Второй мировой войны в процессе сложных советско-польских переговоров. Изучая эволюцию советско-польских отношений в это время, он приходит к выводу о том, что установившаяся советско-польская граница 1945 года была результатом целого ряда общественно-политических, дипломатических обстоятельств и могла в конечном итоге значительно отличаться от установленной, при условии сохранения Польши в советской зоне влияния или даже при ином политическом статусе Польши.

В современной российской исторической науке также нашла отражение проблема установления советско-польских границ в период Второй мировой войны [4; 12; 15]. С.В. Заец рассматривает данный вопрос во многом в традициях советской историографии, утверждая неправомерность польских претензий на свои бывшие восточные территории [4].

Белорусская историческая традиция в условиях СССР развивалась в рамках советской историографии, в том числе и в рассмотрении советско-польской границы. В период РБ начинают формироваться свои собственные оценки. В этом отношении следует обратить внимание на работу В. Снопковского «Международные аспекты определения советско-польской границы в 1943-1945 годах» [16]. Автор подходит к проблеме восточной советско-польской границы в политике Советского Союза в годы Великой Отечественной войны с точки зрения интересов белорусской государственности и распространения белорусского этноса. Он утверждает, что «советское руководство охотно отдавало Польше Белостотчину потому, что её население в большинстве составляли белорусы-католики, к которым Москва относилась враждебно» [16, с.12].

Как мы видим, проблема границ Польши на Тегеранской конференции, в определённой мере нашла отражение в советской, современной российской, польской и белорусской исторической науке. Однако комплексного, всестороннего освещения в отечественной исторической литературе она ещё не получила.

Проблема Польши была одной из центральных и наиболее сложных для советской внешней политики накануне и в период Второй мировой войны. Ещё в самом начале Второй мировой войны в 1939 году Сталин намекнул на возможность расширения территории СССР за счет Польши.

Планы сталинского руководства относительно Польши ещё в самом начале Второй мировой войны лучше всего показывают высказывания самого советского вождя. Так, в беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 года И. Сталин охарактеризовал Польшу как фашистское государство и намекнул на возможность расширения территории СССР за ее счет: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили бы социалистическую систему на новые территории и население» [12, с. 82]. Уже тогда в беседе с Г. Димитровым И. Сталин знал, что в договоре о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года существовал секретный протокол относительно Польского государства. Он подразумевал, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла, Сан [10, с.76].

Одновременно в этом договоре отмечалось, что вопрос о том, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение остаточного Польского государства, и каковы будут границы и политический статус этого государства, может быть выяснен только исключительно в течение дальнейшего политического развития [10, с.67]. Как известно осенью 1939 года И. Сталин отказался от идеи создания уже провозглашенной польской советской республики (из территорий центральной и восточной Польши), а восточные территории бывшей уже Польши вошли в состав СССР, посредством присоединения к БССР и УССР. В случае создания польской советской республики совсем другими

были бы западные границы БССР и УССР. Затем СССР, согласно Пакту, навязал Германии свое решение польского вопроса: отказ от создания польского остаточного (марионеточного) государства [10, с.27]. Следует отметить, что Германия не присоединила полностью в свой состав захваченные западные польские земли: большинство их не вошло непосредственно в состав третьего Рейха, а в образованное «Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей» со столицей в Кракове. При этом нацисты не пытались создать какого-либо марионеточного польского правительства, вся администрация была чисто немецкой. Показательно, что в августе 1941 года в состав Генерал-губернаторства были включены также земли Восточной Галиции, которые в 1939–1941 годах находились в составе СССР (УССР).

В соответствии с этим секретным протоколом, который будет позже откорректирован в результате советско-германских переговоров, немецкая армия вступила на территорию Польши 1 сентября 1939 года. А 17 сентября 1939 года Красная Армия вступила на территорию Польши и начала занимать восточную часть страны (территории современной Западной Украины и Западной Беларуси) и значительную часть этнической Польши. Однако СССР был вынужден тогда отказаться от плана создания польской советской республики, а также от ряда польских территорий (вплоть до Вислы согласно Пакту) и согласиться на присоединение только региона Сувалок, Ломжи и Белостока (согласно договору с гитлеровской Германией «О дружбе и границах» от 28 сентября 1939 года). Польша, как государство, в который раз уже вновь исчезло с политической карты мира [10, с. 28].

Позиции акторов этих драматических событий, в том числе и важнейших государств, в международном кризисе 1939 года могут быть поняты только с учётом анализа их внешнеполитических целей. Польша, стремящаяся проводить политику равноудалённости от СССР и Германии. Германия и СССР были главными противниками Версальской системы устройства Европы.

Англия, Франция и США пытались сохранить status-quo, которое им было выгодно. Как уже отмечалось в научной литературе предмета, ликвидация Чехословакии привела к осознанию лидерами Франции и Великобритании провала политики «умиротворения», поэтому 17 марта Невил Чемберлен выступил с заявлением, свидетельствовавшим о конце политики умиротворения. Для него не было сомнений в том, что Гитлер вслед за

ликвидацией Чехословакии совершит еще одно нападение: либо на Бельгию, либо на Польшу [9, с. 293]. Уже 31 марта он же заявил в палате общин, что правительство Великобритании, вместе с правительством Франции, выступят на стороне Польши, если ее независимость окажется под угрозой [2].

Нацистская Германия, руководствуясь расистской теорией превосходства «немцев-ариев», стремилась к захвату нового жизненного пространства «*lebensraum*». Советский Союз И. Сталина под идеей борьбы с мировым империализмом стремился к экспорту «пролетарской» революции в Европе, стремясь любой ценой столкнуть между собой блок фашистских государств и западные демократии. Цели и методы действия этих идеологически разнящихся тоталитарных государств на данном этапе развязывания мировой войны совпадали, что и стало роковым не только для Польши, но и европейского мира. [10, с. 27].

Пакт Риббентропа – Молотова с его тайными протоколами о фактической передаче в зону влияния СССР значительной части Центрально-Восточной Европы (Финляндия, Эстонии. Латвия, Польша до Вислы и Сана, Бессарабия) позволили Гитлеру без опасения войны на два фронта начать II мировую войну с нападения на Польшу. Войну на два фронта Германия выиграть не могла. Это геостратегическое обстоятельство было ограничением гегемонии Германии еще со времен Бисмарка. А. Гитлер считал, что договором с СССР он, получив фактически «свободу рук» в Западной Европе, и наконец-то сможет развязать этот «гордиев узел» германской геополитики. В свою очередь Сталин, зная о решимости Польши к военному сопротивлению Германии и планах англо-французского блока объявить войну Германии в случае нападения на Польшу, рассчитывал на долгую европейскую позиционную войну. Она, по его расчетам, должна была обескровить обе стороны, вызвать резкое обострение социально-экономического положения большинства населения воюющих стран и дать возможность победить в них социалистической революции при помощи вступающей победоносной Красной Армии [10, с. 28].

Однако военно-политическая ситуация развернулась по-иному: в июне 1940 года Франция была побеждена гитлеровской Германией и, стремясь к единоличному господству в Европе, 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Еще не выдержав мощный удар наступавшего противника, Советский Союз,

в рамках формирования антигитлеровской коалиции, стал добиваться согласия Великобритании на закрепление своих предвоенных территориальных приобретений (согласно договору «О дружбе и границах» от 28 сентября 1939 года – А.К., Э.К.) и расширения военно-политического влияния в послевоенном мире. Достаточно так же вспомнить отказ правительства СССР при подписании союзного договора с Польшей 30 июня 1941 года (договор Сикорский-Майский) признать вопрос границы от 1 сентября 1939 года. Это было сделано при том обстоятельстве, что СССР после 22 июня 1941 года объявил о потере юридической силы всех соглашений с Германией.

Попытка обсуждения вопроса о послевоенных границах Советского Союза с Польшей была предпринята И. Сталиным во время переговоров в Москве 5 декабря 1941 года с премьером польского эмиграционного правительства В. Сикорским. Он заявил польскому премьеру, что надо этот вопрос решить без англичан, «как славяне со славянами» и о том, что «мы вас не обидим». Однако В. Сикорский от этих переговоров уклонился, считая, что Польша должна получить довоенную восточную границу с СССР [22]. Впоследствии, ряд не только польских политиков, но и историков высказывали сожаление, что В. Сикорский не выслушал предложений И. Сталина, считая, что они были бы выгоднее советского предложения 1943 года в Тегеране, и в этом случае советскому вождю сложнее было бы навязать западным союзникам и Польше границу по линии Керзона.

Напомним, что линия Керзона – условное наименование линии, рекомендованной Верховным Советом Антанты 8 декабря 1919 года в качестве временной линии разграничения между Польшей и будущей Россией. Практическое предложение этой линии содержалось в ноте английского министра иностранных дел лорда Керзона от 11 июля 1920 года во время советско-польской войны. Советским войскам, наступающим в Польшу, предлагалось, остановиться в 50 км восточнее этой линии. Линия Керзона проходила по Неману от Гродно, деля его на две половины, затем в направлении Яловки-Немиров до Буга, а затем по нему на Брест-Литовск, Дорогуск, Устилуг, восточнее Гребешева, через Крылов и далее западнее Равы-Русской восточнее Перемышля и Львова до Карпат.

Затем программа реорганизации послевоенных европейских границ, в том числе и польской, была изложена И. Сталиным

министру иностранных дел Великобритании А. Идену во время его визита в Москву в декабре 1941 года. В беседе с А. Иденом 16 декабря 1941 года И. Сталин предложил приложить к советско-британскому договору о разрешении послевоенных проблем секретный протокол, намечавший общую схему реорганизации европейских границ после войны. Схема эта сводилась к нескольким пунктам, в одном из которых обсуждалась проблема польских границ. Вот эта схема: «Польша: Западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и Коридор, причем немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию. Восточная граница Польши (граница с СССР) должна идти по реке Неман, причем Тильзит должен находиться в руках Литвы, составляющей часть СССР, далее к югу эта граница должна идти по линии Керзона, которая может быть в известных пунктах частично модифицирована» [12, с. 85].

Британский министр иностранных дел отказался обсуждать это предложение, он сослался на необходимость обсуждения вопроса о границах с лондонским кабинетом и предварительные консультации с президентом США Ф. Рузвельтом. Однако, несмотря на попытки И. Сталина оказать давление на А. Идена, никакого решения по вопросу о границах принято не было: сказались еще слабая военно-политическая позиция СССР в то время.

Обсуждение вопроса о послевоенных границах Советского Союза, в том числе и о границе с Польшей, возобновилось во время визита наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 года. В. М. Молотов во время переговоров уже настаивал на признании границ СССР 22 июня 1941 года (согласно договору «О дружбе и границах» от 28 сентября 1939 года – А.К., Э.К.) и на «минимальных гарантиях безопасности» для Советского Союза на северо-западе и юго-западе – эти британские обязательства должны были быть зафиксированы в специальном секретном протоколе к политическому договору [12, с. 86]. 23 мая 1942 года А. Иден предложил В. М. Молотову подписать политический договор сроком на 20 лет, который содержал бы двусторонние обязательства и на время войны, и на послевоенный период. Однако вопрос о границах вновь оставался открытым.

Таким образом, советское руководство потерпело поражение во внешнеполитических дискуссиях по вопросу о границах. Однако И. Сталин занял выжидательную позицию и не собирался проигрывать. Военная обстановка на фронтах постепенно из-

менялась в пользу СССР. Опираясь на военные успехи Красной Армии, советский лидер продолжил добиваться признания от руководителей союзных держав советских границ 1941 года, в том числе и с Польшей, на конференции в Тегеране в 1943 году.

Тегеранская конференция в отношении восточной границы Польши была важнейшим переломным моментом. Западные союзники, вопреки своим более ранним обязательствам Польше (а также общему положению Атлантической хартии о сохранении довоенных границ государств подвергшихся агрессии, которую принял и СССР – А.К., Э.К.) не соглашались на изменение ее границ, пошли навстречу территориальным планам Сталина.

Польский вопрос рассматривался на четвертом пленарном заседании 1 декабря. И. Сталин, разъясняя советскую позицию, говорил том, что «украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии», т. е. между СССР и Польшей должна существовать граница 28 сентября 1939 года. Советское правительство, отметил он, «стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным» [14, с. 148].

При этом И. Сталин первоначально настаивал на полной идентичности линии Керзона и советской западной границы 22 июня 1941 года – согласно советско-германскому договору «О дружбе и границах». Однако, когда англичане доказали их значительное отличие, особенно на белорусском участке, он вполне согласился на английскую интерпретацию этой линии, заявив, что ещё готов к некоторым отступлениям в пользу Польши и передвижению её на 5-8 км на восток [22].

Английский премьер-министр У. Черчилль изложил И. Сталину свою позицию по вопросу о польских границах во время беседы после обеда, устроенного делегацией СССР в честь делегаций США и Англии. Он показал на трёх спичках, какими представляет границы между СССР, Польшей и Германией после войны. Одной спичкой он обозначил Германию, другой – Польшу и третьей – Советский Союз. По мнению У. Черчилля, все три спички должны быть передвинуты на Запад с целью обеспечения границ СССР. Он внёс предложение, в соответствии, с которым «... очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер...» [17, с. 147]. Следует отметить, что позиция У. Черчилля по этому вопросу была отражена ещё 1 октября 1939 года. Выступая по радио, он сказал: «То, что русские армии стоят на этой линии

(линии Керзона), было явно необходимым с точки зрения безопасности России от нацистской угрозы».

Согласие У. Черчилля с изменением границ Польши на конференции объяснялось рядом причин. Во-первых – английское правительство стремилось договориться по этому вопросу до того, как Красная Армия приступит к её освобождению от немецко-фашистских захватчиков. Другой причиной была надежда на то, что в Польше установится власть прозападных сил и «линия Керзона» явится границей двух систем. Наконец, передача Советскому Союзу части Восточной Пруссии укладывалась в рамки планов ослабления германского государства, за что ратовали в Тегеране как Ф. Рузвельт, так и У. Черчилль.

Для американца Ф. Рузвельта основным аргументом дать согласие на изменение польской границы в пользу СССР, было заверение Сталина начать войну с Японией не позже трех месяцев после прекращения военных действий в Европе. О том, что в действительности Рузвельта не сильно беспокоила судьба Польши, свидетельствует его фраза, записанная ближайшим окружением американского президента: «Разбудите меня, когда дойдём до германского вопроса» [22]. На этом обсуждение вопроса о границах Польши на заседаниях конференции было закончено.

Подводя итоги вышесказанного, важно отметить, что хотя конкретного решения принято не было, И. Сталину удалось добиться признания советской точки зрения в вопросе о восточной польской границе. Он смог заставить западных дипломатов признать правомерность линии Керзона в качестве советско-польской границы и возвращения Польше ее некоторых земель на западе в качестве компенсации территориальных потерь на востоке. Показательно, что в вопросе о западной польской границе У. Черчилль занимал позицию отказа от чрезмерного ослабления Германии.

В современной польской исторической литературе решения Тегеранской конференции относительно восточной границы Польши оцениваются негативно. Польские историки в своем большинстве отмечают, что У. Черчилль и Р. Рузвельт приступили к обсуждению вопроса о границах польского государства, не учитывая мнения польского правительства [24, с. 124]. Английская делегация, представлявшая интересы польского эмигрантского правительства, шла на уступки в вопросе о восточной границе Польши, одновременно отстаивая минимизацию

тэрытарыяльных потерь Германии на востоке, преследуя свои частные интересы. По мнению поляков, связаны они были с тем, чтобы сделать ставку на послевоенное втягивание Германии в борьбу с Советским Союзом [22].

Кроме этой, существовала и другая точка зрения. Суть ее сводилась к тому, что президент США Ф. Рузвельт не принимал участия в беседе И. Сталина и У. Черчилля. Более того, в июне 1944 года, принимая у себя премьер-министра правительства Польши в изгнании С. Миколайчика, Ф. Рузвельт заявил ему, «что ни я, ни маршал И. Сталин не поднимали вопроса о линии Керзона... и только У. Черчилль заговорил об этом» [22, s. 65]. Однако его обман открылся 13 октября 1944 года на встрече в Кремле между И. Сталиным и С. Миколайчиком в присутствии В.М. Молотова. В.М. Молотов заявил о том, что президент США Ф. Рузвельт на встрече в Тегеране всецело был согласен с границей по линии Керзона, но просил не разглашать об этом, имея в виду предстоящие президентские выборы и те четыре миллиона поляков, которые должна были за него голосовать [22, s. 65].

Все это явственно показывает, что англичане и американцы вели двойную политическую игру в польском вопросе, но при этом все послевоенные обвинения по этому вопросу были направлены в сторону Советского Союза.

О том, что западные союзники Польши проводили собственную линию на конференции в Тегеране, говорит хотя бы еще и тот факт, что ни американцы, ни англичане не проинформировали о решении по восточной границе С. Миколайчика, а также попросили Сталина оставить в тайне их согласие на изменение польской границы в пользу СССР. Хотя в беседах с ним У. Черчилль не скрывал своего одобрения линией Керзона как основой для будущей советско-польской границы. Однако, поскольку личные уговоры на С. Миколайчика не подействовали, У. Черчилль выступил с заявлением по польскому вопросу в парламенте 22 февраля 1944 года. Он заявил, что «Великобритания никогда не гарантировала Польше границы по Рижскому мирному договору 1921 года, и что линия Керзона отвечает всем требованиям здравого смысла и справедливости» [11, с. 20]. Одновременно он открыто поддержал идею расширения территории Польши за счет Германии, как на севере, так и на западе [11, с. 21]. Вскоре после упомянутого выступления У. Черчилля, в марте 1944 года, связанная с лондонским правительством Варшав-

ская Рада народного единства (РЕН) приняла и опубликовала декларацию, в которой признала СССР врагом Польши наравне с Германией и назвала присоединение восточных земель Польши «захватом исконно польских территорий» [11, с. 21].

22 ноября 1944 года С. Миколайчик ушел в отставку и премьер-министром стал Т. Арцишевский. Он занял в отношении к СССР столь бескомпромиссную позицию, что британское правительство даже не пыталось вести с ним переговоры. В интервью для газеты «Санди Таймс» 17 декабря 1944 года он заявил, что правительство желает, чтобы к Польше отошли Восточная Пруссия, – Верхняя Силезия и часть Поморья, но не хочет «перенесения границы на запад», не хочет, ни Вроцлава, ни Щецина [8, с. 21]. Эта позиция объяснялась непринятием в польской эмиграции изменения польских границ на востоке, а также незнанием о согласии западных союзников пойти на предложения Сталина и его рецепта избавления восточных германских территорий, присоединяемых к Польше, от немецкого населения путём полного их выселения на запад. Такова была позиция польского эмигрантского правительства по вопросу о границах зимой 1944 года.

Новый премьер-министр Т. Арцишевский указывал на непринятие в польской эмиграции изменения польских границ на востоке, а также незнание о согласии западных союзников пойти на предложения Сталина. Польские историки считают, все решения были продиктованы Советским Союзом и носили несправедливый характер. Они убеждены в том, что американцы и англичане использовали польский вопрос, как о правительстве, так и о границах, как разменную монету в дипломатических переговорах с Советским Союзом.

В это же время проблемы послевоенного территориального устройства стали активно разрабатываться в Наркомате иностранных дел СССР. Прежде всего это было связано с изменением военно-стратегической обстановки на фронтах. Исходя из этого, советское руководство больше внимания уделяло решению политических задач, для решения проблем послевоенного устройства были созданы три комиссии. Руководитель первой из них И. Майский (заместитель народного комиссара иностранных дел) 11 января 1944 года представил наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову развернутую записку с изложением целей Советского Союза в войне. В одном из разделов записки инте-

рес представляет текст, относящийся к Польше: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши. Однако мы не заинтересованы в не угождении слишком большой и слишком сильной Польше. В прошлом Польша была почти всегда врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР... – никто с определенностью сказать не может... Следует осторожнее формировать послевоенную территорию Польши, проводя принцип этнических границ, граница 1941 года или близко к ней (например, по линии Керзона, причем Львов и Вильно при всех условиях должны остаться в пределах СССР). На западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия или, пожалуй, лучше часть ее, и известная часть Силезии, но с выселением оттуда немцев» [12, с. 88].

Записка И. Майского свидетельствует о том, что позиция Советского Союза в вопросе о границах существенно не изменилась после Тегеранской конференции. Эту точку зрения руководство СССР также собиралось отстаивать на будущих конференциях глав трех правительств в Ялте и Потсдаме. Таким образом, вопрос о восточных границах Польского государства был решен в Ялте и Потсдаме, но его начало было положено в Тегеране.

Вот что писал по горячим впечатлениям по этому поводу известный итальянский журналист Э. Дзелепи: «Если бы У. Черчиллю удалось посадить в Варшаве удобное ему правительство, то вся «польская проблема» приняла бы другой характер. Польша стала бы участницей «западного блока», уже имевшегося в зародыше, и ей ни в чем не было бы отказа. У. Черчилль ссылаясь бы тогда на огромные жертвы, которые понесли поляки во Второй мировой войне, в оправдание новой западной границы Польши, указывал бы на законность присоединения к Польше этих территорий с исторической и экономической точек зрения. С того момента, как Польша ускользнула из-под его влияния и в Варшаве обосновалось «красное правительство», она больше не интересовала У. Черчилля. Он негодовал при мысли о том, что Польша выйдет из войны выросшей территориально и дружественной Советам» [14, с. 65]. Позже У. Черчилль в своих мемуарах утверждал, что, вернись он в Потсдам, не миновать бы Советской делегации «объяснений» в конце конференции, что в случае необходимости он «пошёл бы скорее на открытый разрыв», чем разрешил уступить Польше какую-либо территорию западнее Одера и Восточной Нейсе» [14, с. 66].

Решение вопроса о восточной границе Польши в период с 1919-1945 годы могло иметь, по меньшей мере, восемь возможных вариантов, среди которых была так называемая линия Керзона. Её в конечном итоге и выбрали в качестве восточной границы между СССР и Польшей. В польской историографии отмечается, что она не соответствует первоначальному варианту, который был разработан на конференции в Спа в 1920 году. В результате механической ошибки, допущенной англичанами, город Львов оказался на советской территории. Вот почему, когда данный вариант границы был предложен Советским Союзом в 1943 году, представители польского эмигрантского правительства выступили за передачу города Львова польской стороне. Но советское руководство категорически было против [22, с. 387]. Полякам ничего не оставалось делать, как принять данный вариант восточной границы, которая прошла вдоль линии Керзона. Сделали они это в результате сильного дипломатического давления со стороны Англии и США [18, с. 621].

Таким образом, на Тегеранской конференции было положено начало серьёзному диалогу о восточных границах Польского государства, который был завершён в Ялте и Потсдаме. Тегеранской встрече 1943 года предшествовал ряд попыток советского руководства решить вопрос с восточными польскими границами. Тегеранская конференция в этом отношении стала важнейшим переломным моментом. Западные союзники, вопреки своим более ранним обязательствам Польше не соглашались на изменение ее границ, пошли навстречу территориальным планам Сталина. Хотя конкретного решения принято не было, И. Сталину удалось добиться признания советской точки зрения в вопросе о восточной польской границе. Он смог заставить западных дипломатов признать правомерность линии Керзона в качестве советско-польской границы и возвращения Польше ее некоторых земель на западе в качестве компенсации территориальных потерь на востоке.

Определение восточной границы Польши на Тегеранской конференции 1943 года являлось результатом компромисса как внешнеполитических, так и внутреннеполитических интересов тогдашних великих держав: СССР, США, Великобритании и без учета мнения по этому вопросу польского правительства в изгнании.

Список источников и литературы

1. Бережков, Б. М. Тегеран 1943, новый взгляд / Б. М. Бережков. // США: экономика, политика, идеология. – 1985. – № 7. – С. 51–64.
2. Богатуров, А. Д. Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30-40-х годах. Глава 3. Ликвидация Версальского порядка и установление германской гегемонии в Европе (1938–1939) / А. Д. Богатуров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/bogaturov/03.html>. Дата доступа: 25.02.2021.
3. Гайда, З. Внешняя политика ПНР (1944–1975) / З. Гайда. – Москва: Прогресс, 1977. – 253 с.
4. Заец, С. В. Советско-польские отношения по проблемам границ Польши в период Второй мировой войны: 1939–1945: автореферат диссертации кандидата исторических наук / С. В. Заец. – Ярославль, 2010. – 24 с.
5. Иванов, С. Новые горизонты регионального сотрудничества / С. Иванов // Беларуская думка. – 1997. – № 9. – С. 153–165.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. – М.: Воениздат, 1963. – Т. 3. Том 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.) – 664 с.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. – Москва: Воениздат, 1963. – Том 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.) – 652 с.
8. История дипломатии: В 5 т. – Москва: Политиздат, 1975. – Т. 4: Дипломатия в годы Второй мировой войны / А. А. Громыко, И. Н. Земсков. – 756 с.
9. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – Москва: Ладомир, 1997. – 850 с.
10. Кручковский, Т. Т. Проблемы международных отношений (1918–1945 г.) / Т. Т. Кручковский, Г. В. Васюк, В. А. Хилjuta. – Гродно, 2000. – 244 с.
11. Назаревич, Р. Союз с СССР и возвращение Польше западных и северных земель / Р. Назаревич // Новая и новейшая история. – 1988. – № 3 – С. 17–32.
12. Наринский, Н. Европа проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) / Н. Наринский // Свободная мысль. – 1998. – № 3. – С. 82–93.
13. Парсаданова, Е. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е. С. Парсаданова. – Москва: Наука, 1982. – 280 с.
14. Поволяев, В. Терминал – конечная станция войны / В. Поволяев // Молодой коммунист. – 1985. – № 8. – 116 с.
15. Семиряга, М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. / М. И. Семиряга. – Москва: Высшая школа, 1992. – 303 с.
16. Снапкоўскі, У. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы у 1943–1945 гг. / У. Снапкоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 9. – С. 9–15.
17. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов: В 6 т. – Москва:

- Политиздат, 1978/1984. – Т.2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября –1 дек. 1943 г.). – 198 с.
18. Davies, N. Boze igrzysko. Historia Polski / N. Davies. – Kraków: Znak, 1991.
19. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia (1939–1945) / P. Eberhardt. – Warszawa, 1996. – 223 s.
20. Kowalski, T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945) / T. Kowalski. – Warszawa, 1966. – 746 s.
21. Materski, W. Teheran, Jalta, San Francisco. Pozdam / W. Materski. – Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1987. – 288 s.
22. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski (1939–1945) / W. Pobóg-Malinowski. – Gdańsk: GRAF, 1990.
23. Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945) / Zbiór dokumentów: 6 т. – Warszawa: PIW, 1969. – Т. 1. – 670 s.
24. Roszkowski, W. Najnowsza historia Polski 1914–1991 / W. Roszkowski. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015. – 658 s.

This article focuses on the issue of Poland's eastern border at the Tehran Conference of the Allied Powers in 1943. The Polish question became one of the main and most difficult at this conference. It consisted of two main parts: the problem of the borders of Poland and the Polish government. Despite the differences in interests, the leaders of the «Big Three» countries – the USA, Great Britain and the USSR – agreed on the issue of Poland's eastern border by resolving their own issues, without taking into account the opinion of the Polish government in exile.

Научный руководитель – Т. Т. Кручковский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94(476)

Е. Н. Мацута

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

Развитие института местного самоуправления в Скиделе в XV–XXI вв.

История местного самоуправления – это малоизвестная и малоисследованная страница прошлого. Изучение этой истории является насущной и актуальной проблемой, так как создать современную и эффективную систему органов местной власти и самоуправления просто невозможно без опоры на национальные традиции, на использование богатого опыта организации и функционирования органов местной власти и самоуправления на Скидельщине в предыдущие столетия.

Скидель известен с 1466 года как великокняжеский двор с волостью в Гродненском повете Великого Княжества Литовского, который подчинялся гродненскому старосте [22].

Скидельская волость управлялась великокняжескими наместниками – представителями великого князя. Все местные жители были под дворной юрисдикцией. Это значит, что наместник великого князя, который жил во дворе, следил за хозяйством, собирал налоги, осуществлял над селянами суд, а также защищал их от чужих людей. Но часто урядники дворной администрации использовали свою власть для собственного обогащения.

Ранние упоминания о местечке Скидель говорят, что владельцы земель Скиделя получали права на всю прибыль с этих земель, а также на феодальную власть над местными жителями. Основную часть населения того времени составляли селяне, жившие сельскими общинами. В рамках общины регулировались отношения ее членов, распределялись повинности. По характеру повинностей жители делились на 4 социальные группы: тяглые селяне, осадные, слуги и огородники. В самом привилегирован-

ном положении находились слуги, а в худшем – огородники. К местному обществу относились и боярство. Они несли военную службу великому князю.

Двор Скидель вместе с волостью при великом князе Александре находился под властью особого княжеского наместника Януша Александровича. В архивных документах при разделе земель боярам Скидельщины чаще всего упоминается его имя. [22].

Гродненскому городничему Федцу Гавриловичу Меляшковичу, который заведовал строениями в местечке Скидель, заботился об их состоянии, в 1503 году было дано подтверждение, что великий князь «теждеи дали есмо людей наших Кгодейковецов в Гроденском же повеце Скидельское волости на имя Комлоча и з его детьми, с Шанем а з Матеем, а з Ииком, а Бордила з его детьми, а Миска з детьми ж, и з их землями и с сеножатами, и з их службами, и з дзяклы». Это значило, что названные люди должны были давать пошину и исполнять другие феодальные повинности на пользу Меляшковича, который становился их паном.

В 1520 году Юрий Радзивилл (Геркулес) получил во владение дворы Жарословка и Скидель за 981 копу денег литовских. В листе было написано, что монарх оставил: «ему тот двор наш в Гроденском повете на имя Скидел с дворцомъ Жорословскимъ, со всеми людьми нашими Скидельское и Жорославское волости путъными и данными, и с тяглыми, и с конюхи, и с кухарьми, и с псарцы, и ловцы, и осочники, и сторожи, и со всеми иными людьми тых волостей наших, и зъ их всеми службами, и зъ данными грошовыми и медовыми, и с бобровыми, и куничными, и с дяклами оръжаными и овсяными, и с сеном подяколным, и с колодиною, и с корчомными пенязми, и зъ ставы, и зъмлыны, и пожитки, которие зъ места и зъ волости Скидельское и Жорославское на нас хоживали, и с пашнею дворною, и с землями пустовскими, со всим тым, как тые двор и нашы на насъ деръжаны были, ничога на нас не оставляючи».

Скидель был королевским местечком Гродненского повета, который пользовался Магдебургским правом. В ст. 69 раздела четвертого Статута Великого княжества Литовского 1588 года сказано, что каждый мещанин мог на равных основаниях привлечь к ответственности представителей высших сословий, «если бы кому из мещан наших права магдебургского какая обида произошла от князей, панов и земян и подданных, а они бы добровольно дать удовлетворение не желали или справедливости с под-

данных своих не осуществили, тогда такого каждого мещанин может в земский суд поветовый вызвать и далее поступать против него согласно порядку права и статуту земскому” [21, с. 234].

Местечковцам Магдебургское право обеспечивало равенство юридического статуса с представителями иных сословий; освобождало от государственной юрисдикции воевод и старост; предоставляло свободу выбора профессий и рода занятий, гарантий личной свободы и через выборы участие в осуществлении власти; возлагало перед законом равную ответственность.

К Скидельской волости относилось 3 войтовства: Скидельское, Наднеманское, Поддовжиское. В состав Скидельского повета вошли деревни Большое и Малое Карашево, Некраши, Подлесье (Глиняны), Равковцы (Ревки), Суховляны, расположенные ближе ко двору по берегам речек Скидлянка и Спушанка. В состав Наднеманского повета вошли деревни Капачова (позднее Ковшово), Мазаново, Передняя Пыра, Бируличи и Конюхи, находящиеся на берегах Немана, Котры и Пыранки. В Поддовжицкий повет вошли только Пузево (Пузевичи) и Храпово, расположенные на р.Довжица.

В местечке Скидель был избран из числа местных жителей староста, который представлял государственную власть, руководил сбором налогов, следил за порядком, за деятельностью суда, за выполнением повинностей: военной, дорожной, подводной. Для осуществления надзора за крестьянами старосты избирали сельских войтов. Все селяне подчинялись власти войтов, которые избирались из них. Войт назначался урядником пана. Он собирал налоги, следил за порядком, за выполнением повинностей крестьянами и за тем, чтобы крестьяне не убегали с места жительства, отвечал за состоянием дорог и мостов, за пожарную безопасность. Войт каждую неделю отчитывался перед панским двором. В награду за службу освобождался от повинностей и получал земельный надел от 0,5 до 1 волюки. Чаще всего войты были самыми богатыми землевладельцами волости.

Для решения судебных дел в Скиделе собирали капугу – собрание жителей – с целью поиска преступников и расправы над ними, а также для разбора разных спорных дел жителей.

27 июля 1644 года Скидель получил привилей от короля Речи Посполитой Владислава Вазы. На основании этого привилея на одном из трёх дворовых пашней, которая находилась на противоположном от двора Скидель берегу Скидлянки, закладывалось

новое местечко. Этот проект предполагал, что местечко станет локальным центром ремёсел и торговли и будет приносить королевскому состоянию больше прибыли, чем малоурожайный песчаный участок. Населению давалась четырёхлетняя «воля» от всех повинностей, чтобы могли за это время построить свои дома и хозяйственные строения. Король также подарил местечку право проводить две большие ярмарки в году: первую – на Святую Троицу, вторую – на день Святого Ильи, а также торги на рынке каждый четверг.

В 1650 году местным войтом Павлом Козекою за его же деньги была сооружена деревянная униатская церковь, с колокольной над притвором, в деревянной оgrade, на месте бывшей там прежней церкви на Рынковой площади.

В час правления короля Яна II Казимира Вазы право варить пиво получали только мещане, но не евреи. Мещане обязывались со своего окружения выбирать контрольный орган, который следил за производством и продажей алкогольных напитков. Такой орган самоуправления был только в Скиделе. Так что Скиделю принадлежала особая роль в развитии института местной демократии в нашем крае. [5, с. 56.]

В 1765 году старостой Гродненской королевской экономии стал известный реформатор Антоний Тызенгауз. Он стал активно восстанавливать в деревнях фольварки, а селян с целью повышения доходов королевского двора переводить с чинша на панщину. Скидельчане не смирились с этим и направили на имя короля Станислава Августа Понятовского жалобу. В ней говорилось, что высокие повинности приводят селян к нищете, а тем самым приносят убытки и королевской казне. От имени всех жителей Скидельского ключа эту жалобу подписали Фёдор Правко из Бируличей и Самойло Бедысь из Некрашей. Но они так и ничего не добились. Произошло постепенное закрепощение пользовавшихся ранее широкими льготами мещан.

В 1861 году император Александр II известил об отмене крепостной зависимости крестьян от землевладельцев. Но селяне должны были выкупить свои земельные наделы, величину и стоимость определяла уставная грамота, составленная паном. Во время реформы 1861 года повсеместно стали создаваться местные органы самоуправления и контролирующие органы. Скидель стал центром новой административно-территориальной единицы – волости в Гродненском уезде. В нём имелось правле-

ние Скидельской волости. К Скидельской волости относились деревни имения князей Четвертинских Скидель и Котра, деревни имения князей Друцких-Любецких, деревни имения Ожешко; деревни имения Чечётов; деревни имения Богатков; деревня имения Выгановских Котра; имения Татаровских Тарасюки; государственные деревни Ревки, Горошки, Песчанка, Хвойняны, Бубны, Осники, Ахримовцы, Приступичи и шляхетские околицы Песчанка, Сикорица, Гущицы.

Институт выборов стимулировал активность жителей, рост их правовой осведомлённости, заинтересованности в местных общественных делах, желание отстаивать свои интересы и умение объединяться и активно действовать. Институт волостных старшин был учрежден «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года, и до 1917 года не претерпел существенных изменений. Обязанности старшины были одинаковыми везде, где имелись крестьяне как сословие. Волостной старшина руководил волостным правлением, состоявшим из всех сельских старост. Избирались старшины волости на срок не более трёх лет.

Первые волостные Скидельские выборы были проведены в 1861 году. С 1861 года по 1915 год на должность старшины Скидельской волости было избрано 12 человек из разных населённых пунктов.

Первым волостным старшиной избрали скидельчане Григория Иванова Мозолевого, который был полицейским тысяцким. Ему было 37 лет. Он переизбирался дважды на эту должность с 1861 года по 1869 год. Это был жёсткий руководитель. Он не боялся высказаться в сторону императрицы Екатерины, что она опустошила белорусский край, избавила от привилегий, которыми пользовались скидельчане. Он смело заявил, что манифест 1861 года не принёс улучшения их жизни. За что генерал-губернатор Михаил Муравьев написал начальнику Гродненской губернии письмо и предложил выслать Мозолевого, как неблагонадёжного, в Сибирь. Но за него заступились влиятельные гродненские чиновники, сказав, что Мозолевский самый лучший и нужный старшина, а также скидельский благочинный Антон Будилович. Мозолевский имел исключительно деловые качества. Вскоре он стал самым богатым землевладельцем Гродненщины и оставил пост председателя. Не каждый владел такими способностями, как Мозолевский. К нему обращались скидельчане за

помощью, он умел заступиться, вынести правильное решение, держать волость в «кулаке».

Не всегда выборы проходили спокойно. Имеется архивный факт сопротивления селян против повторного избрания Левона Бубена. Своим стилем управления он был похож на Григория Мозолевого. Скидельчане жаловались, что он незаконно избран старшиной. На что мировой посредник Шахов привёл Гродненскому губернатору факты из протокола избирательного собрания, на котором присутствовало 96 участников голосования: за – 84, против – 12. В оправдание старшины было сказано, что за срок его работы в местечке Скидель была построена общественная баня. Это знаменательный факт для Скиделя и его жителей.

Среди местных жителей проходили волнения против выборов, когда земские чиновники навешивали сидельчанам свою кандидатуру. Так случилось, когда вместо выбранного старшиной в 1905 году Константина Мозолевого, поставили его заместителя Василя Чобота, а 1908 году Якуба Жука. В оправдание было сказано: «Благодаря энергии и деятельности Жука все постановления волостного суда исполнены, в границах Скидельской волости не было никаких волнений, чем ранее характеризовалась эта волость» [11, с.6].

Главным критерием успешности работы волостного старшины в глазах высшей власти было выбивание из селян налогов. Это было нелегко. Тяжело расставались с заработанными деньгами жители, а бедняки и вовсе не могли оплатить налоги. Прибегали тогда к коллективной помощи общины. В архивных документах имеются сведения, как волостные власти выколачивали налоги из семьи Горновских [8, с.15-17].

Из архивных документов можно узнать, как пользовались своим положением старшины волостного комитета и чиновники высшей власти. [9, с.1-10.] Местечковцы написали «Прошение от всех жителей Скидельской волости», в котором выставляли мирового посредника и старшину волости, как противников власти Российской империи, как защитников польских панов, в частности князя Четвертинского, и евреев.

В деятельности волостного управления большую роль играли писари. Их нанимали волостные собрания, но в реальности их назначали мировые посредники для ведения делопроизводства. Так, например, в 1888 году в канцелярию Скидельской волости пришло 772 служебных бумаг, а из волостной управы отправле-

но 1 407 бумаг. Среди неграмотных местных жителей, а порой и председателей, эта должность придавала великую власть. Надо было выдавать множество разных справок и паспортов местным жителям. Это был источник прибыли для волостной канцелярии и самому писарю.

Из архивных документов – что в 1888 году Скидельским волостным судом рассматривалось 41 дело мелких криминальных проступков с 53 виновниками. По итогам судебных постановлений 6 человек наказаны «дубцами», 9 посадили под арест, 29 приговорили денежные штрафы, а 17 оправдали. Было рассмотрено 60 гражданских дел в большинстве земельных. Из них 10 завершилось миром. [9, с.18]. В 1892 году Скидельским волостным судом рассматривалось 39 мелких криминальных дел: один человек наказан «дубцами», под арест посажено 7 человек, денежными штрафами наказаны 31 человек. [10]. В 1914 году Скидельским волостным судом было рассмотрено 274 дела и были осуждены к разным видам наказания 97 мужчин и 15 женщин. [11, с.18.]

29 октября 1887 года Губернская по сельским делам администрация утвердила итоги размежевания земель имения Скидель. 3 декабря волостной старшина Григорий Трусъ созвал жителей Скиделя в волостную управу и вручил им копию постановления, но скидельчане от принятия её «категорически отказались». Так скидельчане и не признали итоги реформы 1860-х годов и продолжали считать своими те земли, которые отобрала княгиня Четвертинская.

Проанализировав архивные документы, следует сделать вывод, что в предвыборной кампании велась политическая, временами жёсткая борьба, потому что должность старшины волостной управы давала немалую власть и обогащение. На длительное время задерживались деспотичного характера люди, жестокие в отношении к землякам, но послушные и угодные вышестоящим чиновникам. Такие лидеры идеально подходили интересам государственной власти.

Сельским органом самоуправления была сельская община (грамада), в которую входили жители одной или двух деревень. Большие функции исполняла сельская община. На своих собраниях она принимала важные для жизни местных жителей постановления. Собрание решало вопросы налогов, состава общины, выборы сельских старост, собирателей налогов. От каждых 10 дворов на собраниях выбирались депутаты в волостное собра-

ние, на котором избирали волостного старшину, его заместителя и волостного судью, также утверждали бюджет волости.

Одной из самой тяжёлой обязанностью сельской общины была поставка рекрутов в царское войско на 7 лет. Это был удар для всей семьи, так как брали как холостяков, так и женатых мужчин физически здоровых в возрасте от 20 до 30 лет. Каждой общине был доведён срок поставки рекрута, а уж сами селяне должны были выбрать. Богатые селяне всякими способами освобождали своих сыновей от службы. Это своего рода тоже был источник обогащения волостных чинов. Таким образом, сельское собрание не всегда отличалось гуманностью и справедливостью.

Сельская община могла принимать постановление об исключении из своего состава асоциальных личностей. Это означало высылку в Сибирь или непринятие на место жительства людей, отбывавших наказание в тюрьме. Этим они очищали своё поселение от нежелательных соседей.

В Скиделе органом местного самоуправления была мещанская управа, которая состояла из одних евреев, так как местные христиане были приравнены к селянскому обществу. Евреи стали избирать своих депутатов в органы местного самоуправления. В 1870-1890 годы старшиной Скидельской управы был еврей Гирш Розенталь. Так же, как и сельские общества, Скидельская управа принимала постановление о принятии и непринятии в своё окружение людей, которые находились в тюрьме. В архивных документах нашли постановление местечкового общества о высылке вора Янкеля в Сибирь. [15, с.1-47.]

Благодаря еврейскому мещанскому обществу, которые обратились к государственной власти с постановлением, а их поддерживали и губернские власти, была проложена дорога Гродно – Волковыск через Скидель и этим самым были отремонтированы дороги и площадь в Скиделе.

9 июля 1876 года был подписан окончательный выкупной акт для селян местечка Скидель. Общая потенциальная собственность селянской общины Скиделя составляла 377 дес.1053 кв.саж. Но для этого надо было до 1914 года платить ежегодно в государственную казну 208 рублей 28 копеек [19, с. 465-466].

В начале 20 века в Скиделе насчитывалось 70 торговых предприятий и 20 промышленных [15]. Кожевенные заводы по гамбургской системе – 12, кожзаводов галантерейных – 3, швейных мастерских – 3, изразцовый завод – 1, гильзовая фабрика – 1, ме-

доварный завод – 1 и завод искусственных минеральных вод – 1. В имении князя Четвертинского действовал пивоваренный завод. На реке Скиделянка была построена водяная мельница с двумя колёсами. Позже там находилась электростанция [16].

В этот период в Скиделе стали процветать торговля и промышленные предприятия. Всё это обеспечивало работой и заработком жителей. На основании показателей того времени Скидель вышел на второе место среди местечек Гродненского повета, уступил только Кринкам.

Во время Первой Мировой войны местечко Скидель находился под оккупацией кайзеровской армии. В это время стало зарождаться белорусское национальное движение. 19 июля 1920 года Скидель был освобождён частями Красной Армии Западного фронта. Впервые советские войска вступили в Скидель. Измученное войной население с восторгом встретили Красную Армию. В Скиделе был создан волостной комитет. Кто входил в состав этого комитета, чем они занимались, сведений нет, так как 27 сентября 1920 года Скидель заняли военные отделы Польши. Новая польская власть арестовала Скидельский волостной комитет в полном составе и вывезла в Краков. [22]

С 1921 по 1939 годы Скидельщина была в составе Польши, а местечко Скидель стал центром гмины в Гродненском повете Белостокского воеводства. Территория Скидельской гмины составляла 206 кв.км. На территории гмины органами самоуправления в соответствии с распоряжением Генерального комиссара Восточных земель от 26 сентября 1919 года о гминном самоуправлении являлись гминная рада и гминное правление во главе с войтом.

Гминная рада устанавливала принципы правления имуществом гмины, всеми предприятиями и учреждениями и проведение их инвентаризации и др. Заседания рады созывал войт раз в квартал. Председательствовал на них войт или его заместитель.

Гминное правление осуществляло подготовку и исполнение решений гминой рады, распоряжение доходами, имуществом гмины, находящимися в ее ведении, распоряжалось недвижимым имуществом, утверждало бюджет гмины, устанавливало размер налогов и оплат в пользу гмины, утверждало штат гминных работников и др.

Правление состояло из войта, его заместителя и одного заседателя. Войта и его заместителя выбирали радные на 3 года (на срок действия полномочий рады). Однако их выбор подлежал

утверждению властями первой инстанции. Войт получал постоянное установленное радой вознаграждение из фондов гмины. Гминное правление являлось распорядительным органом, а войт осуществлял исполнительные функции.

Вспомогательным органом в работе гмины был гминный писарь, который осуществлял свои функции под руководством войта.

Органами Скидельского местечкового самоуправления выступали местечковая рада и магистрат. Местечковая рада являлась распорядительным и контролирующим органом. В состав её входили радные и члены магистрата. Члены рады избирались на 3 года. Исполнение функций радных являлось почетной обязанностью, поэтому вознаграждение радные не получали. К компетенции рады относилось решение следующих вопросов: установление принципов управления и способов пользования имуществом гмины, всех предприятий и учреждений; приобретение и продажа недвижимости; получение займов и кредитов для Скиделя, инвестиций в местечковую экономику и инфраструктуру; утверждение бюджета; утверждение налогов, оплат в пользу гмины; утверждение штатов магистрата и других учреждений; утверждение плана застройки Скиделя; утверждение положений о работе рады и ее комиссий; контроль над деятельностью магистрата; выборы президиума рады, членов магистрата и др.

Исполнительным органом местечковой рады являлся магистрат. Членами магистрата являлись бургомистр, его заместитель и заседатели. Число заседателей составляло 10% от числа радных. Члены магистрата из числа лиц, имеющих польское гражданство, избирались радными на три года (на срок действия полномочий рады). Члены магистрата получали постоянную заработную плату из городской казны, размер которой определяла рада. Бургомистр и его заместитель выбирались большинством голосов. На заседаниях магистрата председательствовал бургомистр или его заместитель. Заседания магистрата были правомочны, если на них присутствовало более половины членов магистрата. Решения магистрата принимались большинством голосов и предоставлялись к сведению городской раде. В компетенцию магистрата входило: исполнение решений местечковой рады; управление местечковым имуществом и проведение его инвентаризации; управление собственными учреждениями и предприятиями; составление проектов бюджета; управление доходами и

расходами гмины, распределение налогов и повинностей, установленных радой; предоставление раде отчетов о деятельности магистрата и подчиненных ему учреждений, отчетов об исполнении бюджета; назначение и увольнение городских работников.

Такая структура и принципы деятельности органов местного самоуправления просуществовали до 23 марта 1933 года, когда был принят закон о частичном изменении устройства местного самоуправления. Срок полномочий поветовых, городских и гминных рад был установлен в 5 лет, а члены городских управлений, гминных правлений стали избираться сроком на 10 лет. Повышались требования к образовательному уровню и профессиональной подготовке кандидатов в бургомистры, войты и их заместители. Кроме того, законом от 23 марта 1933 года устанавливались правила проведения выборов в органы местного самоуправления всех ступеней.

Жизнь в Скиделе не остановилась. В Скиделе и гмине было 12 общеобразовательных государственных школ с обучением на польском языке и 4-классная еврейская школа. Открылась районная больница, длительность лечения в ней составляла 6-10 дней. Действовали в Скиделе гминный суд, участок полиции, банки, почта и телеграф. Продолжали работать предприятия, частные магазины, корчмы. В 1938 году начал работу с организации приемки и первичной переработки молока Скидельский маслосырзавод. Возле него был построен мост через реку Скид-лянка. [17, с.175.]

В Скиделе была сформирована система административного управления и местного самоуправления, аналогичная как в центральных и западных воеводствах Польши. Политика польских властей игнорировала белорусов как нацию. Заниматься политической деятельностью в это время белорусам было опасно, так как у власти находились люди польской национальности.

С 17 по 21 сентября 1939 года в Скиделе произошло восстание против режима польского государства. Был создан революционный комитет из скидельчан: Илья Мышко, Фёдор Бубен, Александр Мозолевский, Борис Олех, Пётр Терешко, Георгий Шагун. Председателем ревкома был избран Михаил Иванович Литвин. 18 сентября он объявил с балкона магистрата собравшимся на площади местным жителям о восстановлении в Скиделе Советской власти, о переходе власти в руки ревкома [19, с.108].

Михаил Иванович Литвин, Борис Менделеевич Олех и Ге-

оргий Иосифович Шагун 22 октября 1939 года были избраны от Скидельского округа депутатами Народного Собрания Западной Белоруссии, где утвердили «Декларацию Белорусского Народного Собрания по вопросу о вхождении Западной Беларуси в состав Белорусской Советской Социалистической Республики», в которой напечатано: «Принята единогласно Белорусским Народным Собранием 29 октября 1939 года.» [1]. С приходом советских войск ревком был преобразован во временное управление.

Оно проводило энергичную работу по переустройству экономики, культуры и общественной жизни в Скиделе. В январе 1940 года был организован Скидельский район с центром в городском посёлке Скидель. В состав района вошли волости: Дубненская, Житомянская, Лунновская, Озёрская, Скидельская и часть Берштовской. Территория района – 857,2 кв.км. Население – 48 878 человек. В городском посёлке Скидель населения было 4 700 человек, жилых строений – 800. Промышленные предприятия: две мельницы, два кирпичных завода, 5 кожевенных заводов, электростанция мощностью 40 квт. На предприятиях установили народный контроль и сторожевую охрану. Создали временные комитеты по руководству производственными процессами и общественной жизни коллективов трудящихся. Стали обеспечивать рабочих товарами первой необходимости. Организовали потребительскую кооперацию, открылась сеть магазинов. Открылась государственная ветеринарная лечебница.

В межвоенный период органы местного управления и самоуправления коренным образом изменили свой облик. Стали действовать Советы депутатов трудящихся.

С 27 июня 1941 года по 14 июля 1944 года городской посёлок Скидель находился под немецкой оккупацией более 3-х лет. В истории Скиделя период фашистской оккупации стал одним из самых тяжелых. К сентябрю 1941 года вся Беларусь была оккупирована войсками группы армий «Центр» германского вермахта. Территория БССР была разделена оккупантами между пятью административными структурами. Скидель входил в Округ Белосток, присоединённый к землям рейха (Восточной Пруссии).

Оккупационная власть на территории Беларуси осуществлялась военной и гражданской администрацией при поддержке военного и полицейского аппарата. Для проведения в жизнь решений военных властей в Скиделе организовалась управа, во главе которой был бургомистр. В местечке действовала военная поли-

ция – жандармерия. Все эти службы комплектовались исключительно немецкими служащими. Управы подчинялись окружным комиссариатам, шефам районов. Деревни Скидельской волости имели в качестве своих представителей старост, которые подчинялись волостным управам. Они не являлись носителями административной власти. Работу управ и старост деревень направляли и контролировали специально назначенные шефы из представителей оккупационных властей – коменданты. Управе подчинялась местная вспомогательная полиция. Она являлась службой охраны порядка и состояла из местных жителей-скидельчан. Её функции были схожи с функциями немецкой полиции поддержания порядка, занимавшейся поддержанием общественного порядка, патрулированием, охранной деятельностью, контролем движения на дорогах и т. д. Формировались она из расчета 1 полицейский на 100 сельских жителей и 1 полицейский на 300 горожан. Они имели стационарные и передвижные посты, дежурные команды.

Уже в первые месяцы оккупации начала функционировать система регистрации и учёта местного населения. На основании распоряжения немецкого военного командования от 17 октября 1941 года все коммунисты были обязаны ежедневно являться на проверку.

Каждый житель старше 16 лет был обязан иметь при себе удостоверение личности (аусвайс), которое выдавалось в Скиделе главой местной администрации – бургомистром. Жителям, которые имели советские паспорта с не истекшим сроком действия, в первый период оккупации аусвайсы не выдавали. Им в паспорте делалась регистрационная отметка на немецком и русском языках. В нашем музее имеется фотография скидельчанки Павловской Нины Станиславовны с такого аусвайса с личным номером.

Деятельность местных Советов в период существования СССР всегда рассматривалось в тесной связи с Коммунистической партией. В системе самоуправления народа партия действовала как политический руководитель, представляя ядро, жизненный центр. Об этом говорилось в Конституции БССР 1978 года. Советы народных депутатов названы главным звеном социалистического самоуправления народа. Народ осуществляет государственную власть через представительные органы – Советы народных депутатов, которые составляют политическую основу БССР. Выборы в Советы депутатов рассматривались как одна из

форм непосредственной демократии, проявление народного самоуправления.

Однако местные Советы народных депутатов не могли действовать в полную силу, не могли целиком реализовать идею самоуправления, идею участия широких народных масс в жизни общества. Это происходило из-за того, что ведущей силой социалистического самоуправления были райкомы Коммунистической партии.

Городской посёлок Скидель стал центром Скидельского района Белостокской, затем Гродненской области. После войны с 20 сентября 1944 года Скидельский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет восстановили свою деятельность и существовали до ликвидации Скидельского района 25 декабря 1962 года.

Заботу о восстановлении Скиделя после войны взяли на себя районные и поселковые власти. Вот что писала Скидельская районная газета «Красное Знамя» № 51 (423), четверг, 30 июня 1949 года, которая имеется у нас в музее:

«В годы Великой Отечественной войны немецкие захватчики на 80 процентов разрушили город Скидель. Они взорвали и сожгли 3 мельницы, электростанцию, больницу, изразцовый завод, аптеку и из жилого фонда около 360 домов.

За пять лет после освобождения от немецких захватчиков трудящиеся под руководством партийных и советских организаций проделали значительную работу по восстановлению города. Восстановлена электростанция, мельница, больница, средняя школа, аптека. Заново открыты и отстроены районная библиотека, клуб пожарников, районный Дом культуры, детский сад, инфекционная больница, родильный дом, женская консультация, баня. Застроены Советская, Фабричная и Гродненская улицы, которые фашистами были превращены в развалины. Всего за этот период в городе отстроено 80 домов и только в этом году будет выстроено ещё 36 домов. В городе построен самый крупный в области механизированный маслосырзавод, оборудован радиоузел. Второй год работает единственный в республике цех точильных изделий. Из предприятий бытового обслуживания работают 3 сапожных и 2 швейных мастерских и другие.

Ведётся большая работа по благоустройству города. На бывшей торговой площади разбит сквер. В сквере и по городу высажено более 1 500 декоративных деревьев: клёны, липы, берёзы,

рябины. Сейчас в городском сквере начато строительство памятника 8 скидельским комсомольцам-подпольщикам, повешенных фашистскими палачами в период немецкой оккупации.

Недалеко от Скиделя строится сахарный завод. На месте стройки уже закончена кирпичная кладка здания главного корпуса. Отстроено известково-моечное и лебёдочное отделение завода, электростанция. Начато строительство теплоэлектроцентрали и других объектов завода. Строится рабочий посёлок. За весенние месяцы этого года там сдано в эксплуатацию 7 жилых домов-коттеджей. Достраиваются и ещё два трёхкомнатных дома для инженер-но-технических работников завода.

Так выглядит сейчас районный центр Скидель после изгнания немецких захватчиков с Белорусской земли».

Кто был во власти в период, когда существовал Скидельский район, нам предстоит ещё выяснить в продолжение этой работы. Одно только известно, что после войны и зачисток в западных областях почти все руководящие должности были заняты не местными кадрами.

Я собрал сведения о председателях Скидельского городского Совета депутатов и одновременно являющихся председателями горисполкома.

После упразднения Скидельского района первым председателем горпоселкового Совета депутатов трудящихся стал коммунист Алейников Павел Архипович, ветеран Великой Отечественной войны, который работал директором совхоза «Скидельский». Пробыл он на этой должности до выхода на пенсию.

Его сменил Милинцевич Владимир Петрович, который родился и жил в Скиделе. Он хорошо знал нужды города и проблемы жителей. Уделял большое внимание ветеранам войны и труда, заботился о молодёжи. Пробыл он один срок. Продолжил трудовую жизнь директором Скидельского маслосырзавода.

Фредерик Антонович Гуца – первый председатель Скидельского городского Совета депутатов трудящихся. Пробыл он в этой должности до 1985 года. Он выпускник нашей школы. Фредерик Гуца – увлечённый человек, филателист с большим стажем. 28 лет возглавляет областной совет филателистов Гродненщины. В сентябре 1978 года лётчик-космонавт Петр Климук, посетив Скидель, ему лично подарил свое фото, побывавшее в космосе, со специальным штампом гашения космической почты.

С 1985 года по 1990 год до ухода на пенсию председателем Ски-

дельского городского Совета депутатов трудящихся был избран Рачинский Фома Иванович, выпускник нашей школы, который до этого был руководителем Скидельской автобазы № 5. Благодаря его стараниям и напряжённым хлопотам в Скиделе был возведён новый автовокзал и построена Скидельская поликлиника.

С 1990 года по 1998 год председателем Скидельского городского Совета депутатов был Козлов Александр Осипович, выпускник нашей школы. Время пребывания в должности мэра города – это период сложных экономических отношений: рушились годами отработанные связи, большие сбои были в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, бытовом обслуживании. Предприятия города составляли 70% бюджета района, а городу возвращался минимум. Но он умел работать с кадрами, ценил и доверял им. Появилась целая плеяда руководителей, настоящих хозяев города. Совместными усилиями в этой сложной ситуации удалось изыскать резервы и сделать центральную улицу Ленина достойной. Благодаря настойчивости была осуществлена газификация посёлка сахкомбината.

В 1998 году председателем Скидельского городского Совета депутатов был избран Витко Александр Иванович, в период работы которого город отпраздновал своё 500-летие. Его слова говорят об этом человеке: «Готовясь к 500-летию юбилею, даже не думали, что за многие годы накопилось столько проблем. Приходилось на ходу переделывать проекты, реконструировать коммуникации. Жители терпеливо относились к временным неудобствам из-за ремонтных работ. Но ведь старались ради родного и любимого города, чтобы с достоинством сказать: есть такой древний, но молодой и красивый, современный и гостеприимный город в Беларуси – Скидель».

С 2015 года и по настоящее время председателем Скидельского городского Совета депутатов является Лозовик Александр Николаевич, на плечи которого легли заботы хозяина города-спутника Гродно, празднование 510-летия родного города.

На основании всего исследованного, можно сделать следующие выводы:

Предоставление Скиделю Магдебургского права было несомненно признанием за ним важной роли центра торговли и ремёсел, свидетельством значительных сдвигов в общественном сознании горожан, стремившихся к установлению демократических форм решения местечковых проблем;

Скиделю принадлежала особая роль в развитии института местной демократии в нашем крае: здесь первыми создали контрольный орган, который следил за производством и продажей алкогольных напитков;

В период нахождения Скиделя в составе Российской империи скидельчане не признали итоги реформы 1861 года и продолжали считать своими те земли, которые отобрала княгиня Четвертинская, но внесли важный вклад в поднятие уровня народного образования, охраны здоровья, в проложении дороги Гродно – Волковыск через Скидель и улучшение санитарного состояния Скиделя;

Скидельский городской Совет депутатов как орган местного самоуправления БССР за советский период своего существования, обладая несомненными положительными качествами, решил важнейшие вопросы местной жизни: восстановил Скидель из пепла, заслужил почётную грамоту и вымпел «За мужество и отвагу в годы Великой Отечественной войны».

В настоящее время актуальным является вопрос о развитии существующей системы местного самоуправления в новом качестве города-спутника Гродно.

Подводя итоги исследования необходимо подчеркнуть следующее. Местное самоуправление в Скиделе имеет глубокие исторические корни. Оно претерпело значительную эволюцию, отличаясь исключительным разнообразием своего проявления. Корни его уходят в эпоху Магдебургского права Великого княжества Литовского, Реформы 1861 года, местных Советов депутатов в XX веке. Практика развития форм самоуправления на протяжении многих столетий подтвердила их востребованность и поддержку со стороны общества. Этот исторический опыт может быть использован при реформировании системы органов местного управления и самоуправления.

Список источников и литературы

1. Народное собрание Западной Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Народное_Собрание_Западной_Белоруссии](https://ru.wikipedia.org/wiki/Народное_Собрание_Западной_Белоруссии) – Дата доступа: 24.09.2018
2. Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республики Беларусь»;
3. Закон Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. «О статусе депутата местного Совета депутатов»;
4. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 г. (с изменениями и

- дополнениями, внесенными в результате республиканских референдумов от 24.11.1996 и 17.10.2004) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (НИАБ в г. Минск). Ф. 1882, оп. 1. д. 1. л. 56.
 6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 10, оп. 7, д. 1525, л. 6.
 7. НИАБ в г. Гродно. Ф. 10, оп. 7, д. 1256, л. 15–17.
 8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 10, оп. 5, д. 817, л. 1–10.
 9. НИАБ в г. Гродно. Ф. 14, оп. 3, д. 72, л. 18.
 10. НИАБ в г. Гродно. Ф. 14, оп. 1, д. 265.
 11. НИАБ в г. Гродно. Ф. 14, оп. 3, д. 72, л. 18.
 12. НИАБ в г. Гродно. Ф. 2, оп. 9, д. 567, л. 1–47
 13. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1, оп. 27, д. 1637, л. 9.
 14. НИАБ в г. Гродно. Ф. 10, оп. 17, д. 598, л. 465–466.
 15. НИАБ в Гродно. Ф. 17, оп. 1, д. 3, л. 33.
 16. НИАБ в Гродно. Ф. 24, оп. 1, д. 18, л. 229.
 17. НИАБ в Гродно. Ф. 24, оп. 1, д. 39, л. 175.
 18. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 20.02.1991 № 617-XII (ред. от 16.05.2001) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 8. – 2/137.
 19. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Гродзенскага раёна. – Мінск: БелЭн, 1993.
 20. Скидель. 500 лет истории / И. Борисов, М. Деленковский, А. Вашкевич [и др.]. – Гродно: Гродн. типогр., 2008. – 248 с.
 21. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведкі. Каментарыі. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
 22. Токць, С. Скідзель і яго ваколіцы: жывая гісторыя / С. Токць, М. Дзесянкоўскі. – Мінск: Тэхналогія, 2014 – 375 с.

This article describes the history of the development of local self-government in the territory of western Belarus on the example of the city of Skidel. Local government in Skidel has deep historical roots. It has undergone a significant evolution, being distinguished by an exceptional variety of its manifestations. Its roots go back to the era of Magdeburg law. The practice of developing forms of self-government over many centuries has confirmed their relevance and support from society.

Научный руководитель – Г. В. Васюк, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

А. В. Сідаркевіч*Установа адукацыі «Гродзенскі**дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»***Спецыфіка гандлю на беларускіх землях
у XVI–XVII стст.**

У дадзеным артыкуле разглядаецца спецыфіка гандлю на беларускіх землях у XVI–XVII стст., а таксама ступень удзелу ў гандлёвых аперацыях асноўных катэгорый насельніцтва купцоў, шляхты, сялянства і дзяржаўная палітыка рэгулявання гандлем.

З развіццём паншчына-фальваркавай сістэмы гаспадарання ў пачатку XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім, у склад якога ўваходзілі беларускія землі, істотна павялічылася вытворчасць таварнага збожжа: жыта, авёс, ячмень і інш. Такое здаралася як ва ўладаннях гаспадарскага дамена, так і ў маёнтках шляхты і спрыяла росту таварнасці феадальнай эканомікі ў цэлым. У пачатку XVI ст. таварныя адносіны істотна пашырыліся, што было звязана з ростам гарадоў і павелічэннем колькасці насельніцтва колькасці насельніцтва. Найбольш буйнымі гандлёвымі цэнтрамі Беларусі тады былі Брэст, Віцебск, Гродна, Мінск, Магілёў, Навагрудак, Полацк.

Актыўна развіваецца рамесная вытворчасць і спрыяе інтэнсіўнаму росту тавараабароту. Змены ў эканоміцы ВКЛ суправаджаліся уздымам ўнутранага і знешняга гандлю. Праз землі ВКЛ і Беларусі праходзілі гандлёвыя шляхі купцоў з Польшчы, Ганзейскіх гарадоў, Рускай дзяржавы, Kryма і г. д. Знешні гандаль вёўся купцамі без пасярэднікаў і шляхціцамі, якія з асабістых маёнткаў вывозілі ўласныя тавары да балтыйскіх партоў і далей у краіны Заходняй Еўропы.

Уся тэрыторыя Беларусі, асабліва яе ўсходнія часткі, была парэзана густой сеткай гандлёвых дарог. Гэта быў гандлёвы цэнтр шырокай акругі, які ахоплівае Верхняе Падняпроўе (уключаючы Барысаў, Оршу, Мсціслаў, Бабруйск, Рэчыцу). Шэраг гандлёвых шляхоў ішоў з Усходу на Захад праз Мцэнск, Пуціўль, Смаленск, Полацк. Для зручнасці вядзення гандлю ў шмат якіх гарадах Беларусі размяшчаліся спецыяльныя двары, дзе жылі замежныя купцы: рускія, немцы, палякі і г. д. Напрыклад, у Брэсце, нароўні з іншымі вуліцамі, згадваецца і Руская. Рускія купцы праяжджалі тэрыторыю Беларусі па дарозе ў Крым і Заходнюю

Еўропу. Штогадовыя кірмашы прыцягвалі на еўрапейскі рынак купцоў не толькі з усёй Беларусі, але і з іншых замежных краін. Паміж гарадамі склаліся шляхі зносін – тракт, якія злучалі таргі ўсёй краіны. Гісторыкі налічылі да 20 гандлёвых шляхоў на тэрыторыі Беларусі. «Вялікі шлях» называлі шлях Смаленск – Орша – Барысаў – Мінск – Нясвіж – Слонім – Ваўкавыск – Брэст; «Гасцінцам вялікім» лічылася дарога Полацк – Віцебск – Ворша – Шклоў – Магілёў [4, с. 50].

Тавары перавозілі на падводах, вазах па сухапутных дарогах, на стругах і плытах па рэках. Хуткасць руху залежала ад якасці дарогі: у XVII ст. для абыездаў яна складала 20-30 км у суткі, для асобных экіпажаў – 40-50 км, для верхавых – да 70-80 км у суткі [5, с. 54]. З тэрыторыі Беларусі вывозілі ў асноўным прадукты земляробства і лясных промыслаў. У адным з дакументаў адзначалася: «Из Литвы вывозятся твердые, сплавленные огнем куски елового, вязового, липового и ивового пепла поташа, на который большой спрос среди суконщиков и мыловаров, коровы и хо-рошей выделки кожи, пшеница, смола, конопля, лен, мед, воск, сало и раз-ные ценные меха – все это делится между пруссаками, шведами, датчанами и немцами. А привозит река Двина в Литву и Москву соль, вино, цельные золотые и серебряные яхимки» [2, с.163]. Яхімки – гэта руская назва талера – срэбнай манеты, якую пачалі выпускаць ў 1518 г. у Чэхіі.

Асаблівасцю развіцця беларускіх зямель у перыяд феадалізму было і тое, што гэты рэгіён спецыялізаваўся ў асноўным на таварах лесапільнага промыслу і сельскагаспадарчай вытворчасці. Гэта ўзмацняла развіццё таварна-грашовых адносін і стала істотным фактарам у эвалюцыі феадальнай гаспадаркі і спрыяла развіццю гандля як унутранага, так і знешняга. Таму ў XVI ст. на тэрыторыі беларускіх зямель багатыя купцы пачынаюць займаць пануючае становішча ў большасці буйных і сярэдніх гарадоў. Як правіла, гэта вярхі гарадскога купецтва, якія называліся «гасцямі». Многія купцы спецыялізаваліся на якім-небудзь адным тавару – ганчарных вырабах, гарбарных, швейных і т. д. У гарадах і мястэчках ствараліся спецыяльныя склады – крамы. Па ўсіх месцах раз'язджалі дробныя качавыя гандляры – карабейнікі. Гарадскія купцы скуплялі ў навакольных вёсках сельскагаспадарчую прадукцыю і вырабы вясковых промыслаў і прадавалі іх на гарадскіх рынках. Ва ўсіх гарадах і мястэчках праводзіліся таргі, у буйных гарадах тры разы на

год праводзілі кірмашы, у якіх удзельнічалі не толькі мясцовыя, але і замежныя купцы.

Парадак гандлю ўсталёўваўся радай або уладальнікам горада – феодалам. За продаж тавару на рынку спаганяўся прымусовая даніна. Існавалі гандлёвыя сувязі, якія звязвалі не толькі горад з вёскамі і мястэчкамі, але і буйныя гарады паміж сабой. Цесная сувязь знешняй і ўнутранай таргоўлі прымушала купцоў шукаць спосабы і сродкі замацавання за сабой манапольнага становішча на мясцовым рынку. Для гэтага купцы, як і рамеснікі, стваралі свае карпарацыі – цэхі. Пастаянная пагроза рабавання па дарозе прымушала купцоў ствараць касы ўзаемадапамогі. Вялікім грузам на купецтва клаліся грашовыя пошліны і натуральныя зборы.

Некаторыя купцы былі звязаны з магнатамі і выконвалі іх гандлёвыя даручэнні. Напрыклад, у пачатку XVII ст. браты Тышкевічы пастаўлялі тавары Янушу Радзівілу. Яны прывозілі магнату сярэбраныя рэчы, сабаліныя мяхі, выдавалі тавары ў крэдыт.

Пры гэтым вектары гандлёвай актыўнасці буйных купцоў былі накіраваныя ў многія краіны свету. Купцы паступова пачынаюць падпарадкоўваць сваёй фінансавай уладзе вядучыя сектары гарадской эканомікі, перш за ўсё экспартныя галіны рамяства. У гэты перыяд найбольш прыбытковымі таварамі беларускай рамеснага экспарту былі розныя вырабы з металаў, апрацаваныя шкуры і скуры жывёл, адзенне, хатняе начынне, ювелірныя вырабы. Пры гэтым цэхавыя статуты гарантавалі дасканалую на той перыяд тэхналогію вытворчасці і якасць гатовай прадукцыі.

Сяляне ў гэты перыяд пачынаюць актыўна фігураваць на ўнутраным рынку. Гандлявалі сяляне прадуктамі сваёй працы, каб атрымаць наяўныя грошы для выплаты падаткаў на карысць феодала і царквы. Улічваючы, што ўсходнія паветы Беларусі падвергліся спусташальнай войнам канца XV – пачатку XVI ст., гандаль тут быў слабейшым, чым у іншых рэгіёнах краіны. Заходнія паветы ВКЛ апынуліся ў больш перспектыўным эканамічным становішчы. Такія гарады, як Вільня, Гродна, Брэст, Коўна, Ашмяны і інш., былі багатымі цэнтрамі рамяства і таргоўлі. Гэтаму ёсць пацвярджэнне: ў 1529 падатак на ваенныя патрэбы – серабшчына збіраўся з Вільні у памеры 1500 коп

грошаў, з Коўна – 300 кап грошаў, з Гродна – 180 кап грошаў [1, с.79].

Паўночныя рэгіёны Беларусі аказаліся ў больш выгадных умовах у збыце розных тавараў. З прыродных рэсурсаў прадметам павышанага попыту былі лес, хлеб і мёд. «Даніна мядовая» уносілася залежным насельніцтвам на карысць феадала. Нягледзячы на войны паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай, прасочваецца імкненне да сумеснага гандлю паміж імі. Так, у 1537 г. урад Алены Глінскай даў распараджэнне аднавіць гандаль з ВКЛ. У першай чвэрці XVI ст. масквічы, цверычы, тарапчане прязджалі ў Віцебск, Полацк і іншыя гарады на гандаль [4, с. 51]. У 1543 г. магілёўскія купцы ездзілі са сваімі таварамі ў Старадуб. У далейшым на працягу XVII ст. гэтыя адносіны ўмацоўваліся.

Хутка арыентуючыся ў новай эканамічнай абстаноўцы, прадстаўнікі службылага саслоўя сталі спрабаваць атрымаць з гандлю для сябе пэўную выгаду. У першай палове XVI ст. гэта магло ў іх атрымацца толькі ўскосным шляхам, бо ўрад не дапускаў шляхту ўдзельнічаць у міжнародным гандлі. Аднак ўладальнікі маёнткаў імкнуліся хоць бы апасродкавана ўключыцца ў гандлёвую сферу. Яны куплялі ў купцоў тавары, прывезеныя з-за мяжы, а наўзамен прадавалі ім па такіх самых цэнах мясцовыя тавары: сыравіну, пушніну, хлеб і іншае [5, с. 103].

У той жа час дзяржава імкнулася ахаваць шляхту на гарадскіх тар-гах ад самавольства купцоў і мяшчан, выдаючы адпаведныя пастанаўленні, падмацаваныя рашэннем вальных соймаў. На Гарадзенскім сойме 1568 г. шляхта просіць гаспадара аб тым, каб на гарадскіх рынках забаранілі прыгнячэнне мясцовай адміністрацыяй. На што быў дадзены адказ: у ста-туце усё сказана, рабіць усё па законе [5, с. 105]. На гэтым жа сойме шляхта звяртаецца да вялікага князя з просьбай разабрацца з пінскімі мяшча-намі, якія забаранілі ёй купляць соль для сваіх патрэб. Гэта супярэчыла жаданням шляхты і ўшчамляла іх вольнасці. Адказ гаспадара утрымліваў зразумелае тлумачэнне: любы шляхціц мае права купляць соль, колькі яму трэба, але толькі для асабістых патрэб, а не для продажу [5, с. 105].

Характэрна, што прадстаўнікі шляхецкага саслоўя за нясенне ваеннай службы сістэматычна дамагаліся ад ўрада свабодных цэн на харчовыя тавары і адмены мытных пошлін. Разглядаючы

гэтыя і іншыя пытанні, вялікі князь у першую чаргу выконваў інтарэсы дзяржавы. На вальных сойме 1563 г. шляхта ВКЛ патрабавала адмены мытных пошлін і ўста-наўлення фіксаваных коштаў на сукно і рамесныя тавары [2, с. 146]. У сваім адказе вялікі князь даў згоду толькі на нармаванне цаны.

Асноўным артыкулам даходаў шляхты была вытворчасць і гандаль спіртным. Вытворчасць спіртных напояў было неад'емнай часткай у развіцці феадальнага гаспадаркі ВКЛ. У дакументах XVI – XVII стст. сучаснікі апісваюць, што пастаянна расце попыт на спіртныя напоі. Вырабляемая прадукцыя прызначалася ў асноўным на продаж у карчмах для заезджых пастаяльцаў. Досыць шмат гарэлкі і піва спажывалася салдатамі. Вытворчасць спіртнога было вельмі выгаднай справай. Велізарныя даходы ад гэтага прадпрыемства вызначаліся амаль двойной розніцай коштаў – на «сыравіну» і на вырабленую з хлеба гарэлку. Пры гэтым выкарыстоўвалася бясплатная праца прыгонных, а галоўным артыкулам «выдаткаў» была вытворчасць і нарыхтоўка дроў. Вялікі размах вытворчасці спачатку піва, а потым і гарэлкі быў адзначаны ў розных раёнах беларускіх зямель у перыяд ВКЛ, а затым і Рэчы Паспалітай.

Права гандляваць ляснымі таварамі атрымалі толькі ўладальнікі лясных угоддзяў і пры ўмове, што яны сваімі сіламі будуць распрацоўваць лесасекі. Такі тавар прапускаўся за мяжу пры выплаце спецыяльнай пошліны і пасля прынясення прысягі асоб, якія суправаджалі тавар. Падобнай льготы шляхта дамаглася па рашэнні Віленскага сойма 1551 г. [1, с. 82]. Барацьба прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя за прыбытковы гандаль лесам была абумоўлена яго высокай коштам на рынках Прыбалтыкі.

Акрамя лясных тавараў, шляхта дамагалася дазволу на гандаль хле-бам без выплаты мытных пошлін. Вялікі князь даў на гэта згоду, але пры ўмове, што гэтыя тавары будуць з асабістых маёнткаў шляхты. З чаго вынікае, што дзяржава імкнулася захаваць сваю манапольную ўлада на прыбытковыя экспартныя тавары. Пытанне аб гандлі лесам быў настолькі складаным, што нават Лівонская вайна не змагла паўплываць на спрыяльнае яго дазвол на карысць шляхты.

Такім чынам, эканамічныя патрабаванні шляхты падрывалі гарадскі гандаль ВКЛ, паколькі бязмытны вываз тавараў тармазіў развіццё гарадскога рынку, скарачаў гандлёвыя абароты. У XVI–

XVII ст. яшчэ канчаткова не склаўся адзіны ўнутраны рынак. Натуральная гаспадарка не садзейнічала развіццю эканамічнай спецыялізацыі рэгіёнаў. Гандлю пера-рашкаджала самаўпраўства магнатаў і шматлікія мытныя зборы. Тым не менш, спецыфіка гандлю ў гэты перыяд складалася ў тым, што паміж гарадамі ўжо склаліся шляхі зносін, якія звязвалі ў адзінае цэлае рынкі гарадоў Беларусі, сфармавалася актыўная праслойка купцоў, у тым ліку і буйных, якія імкнуліся ўзяць пад свой кантроль тавары лесапільнай вытворчасці і сельскай гаспадаркі як асноўныя тавары ў знешнім і ўнутраным гандлі.

Спіс крыніц і літаратур

1. Дмитрачков, П. Ф. Из истории зарождения и развития государственности на белорусских землях (вторая половина XIII–XVI веков) / П. Ф. Дмитрачков // Беларуская думка. – 2008. – № 7. – С. 78–85.
2. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск, 1994 – 307 с.
3. Копысский, З. Ю. Рыночные связи крестьянского хозяйства Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З.Ю. Копысский Б. З. Копысский, М. Ф. Спиридонов // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Тез. докл. и сообщ. / XXII сес. Всесоюз. симп. по изучению проблем аграр. истории, Минск, 11–14 окт. 1989 г. – Москва, 1989. – С. 200–223.
4. Левко, О. Н. Торговые связи Витебска в X–XVIII вв./ О. Н. Левко. – Минск, 1989. – С. 50–51.
5. Błachowska K. Wiele historii jednego państwa: Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. – Warszawa, 2009 – 219 s.

The article examines the specifics of trade in Belarusian lands in the 16th – 17th centuries, as well as the degree of participation in trade operations of the main categories of the population of merchants, gentry, peasants and the state policy of trade regulation.

Навуковы кіраўнік – І. Ф. Кітурка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, рэктар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

А. К. Яворец

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

**Проект унионального соглашения 1670 г.
епископа Могилёвского Феодосия (Василевича)**

В статье анализируется деятельность видного православного религиозно-го и общественного деятеля епископа Могилёвский Феодосия (Василевича), а также проект его унионального соглашения. В условиях жесткой полемики и противостояния в обществе ВКЛ, вызванного заключением Брестской церковной унии 1596 г., рассматриваемый в статье проект соглашения предполагал определенный компромисс между сторонниками унии и сторонниками православия.

Актуальность исследования проблемы церковной унии по-прежнему высока ввиду сохранения интереса к проблеме межконфессионального диалога в христианском мире. В связи чем, уже имевшие место в истории попытки реализации униональных проектов составляют важную область исторического опыта, критическая оценка которого неизбежна в любой дискуссии о перспективах новых предложений в поиске христианского единства.

Православный епископ Могилёвский Феодосий (Василевич) (нач. XVII в. – 1678 г.) практически неизвестен нам как собственно архипастырь, мыслитель, богослов и проповедник. Мы не знаем ни одного его богословского труда или исторического сочинения. Преосвященный Феодосий предстает перед нами как иерарх-администратор, занятый решением церковных задач и проблем. Это обуславливалось как экстремальными условиями жизни Православия в Речи Посполитой, так и характером его обязанностей наместника митрополита Киевского в Великом княжестве Литовском, а также трудностями, связанными с вступлением на Могилёвскую кафедру. Вероятно, все эти факторы в своей совокупности и стали причиной разработки владыкой Феодосием собственного проекта нового унионального соглашения между униатами и православными.

Данный проект стал достаточно неординарным явлением в истории униатско-православных отношений хотя бы уже тем, что инициатива его выдвижения принадлежит православному иерарху, что по определению, казалось бы, невозможно. Тем не менее, имеется предыстория, в свете которой можно более или менее объективно оценить этот шаг владыки Феодосия.

Итак, после нескольких десятилетий противостояния Православия и Римо-Католичества, всеобщей неопределенности и хаоса, обе стороны могли уже сделать для себя некоторые выводы. Для лоббистов Унии было ясно, что, несмотря на все усилия в ее внедрении и насаждении, она не смогла завоевать авторитетных и устойчивых позиций в белорусско-украинском обществе. С другой стороны, приверженцы Православия, словом и делом отстаивавшие свои права, после многих преследований почувствовали крайнюю изнуренность в этой борьбе, приносившей мало реальных результатов. В то же время тотальный религиозный кризис вносил раскол в жизнь общества и разрушал государство, так что уже властям Речи Посполитой не представлялось возможным игнорировать эту проблему.

Поэтому, в начале 20-х годов XVII в. ощущалась общая потребность в прекращении конфессиональных междоусобиц и нахождении некоего нового способа разрешения униатско-православного конфликта. В результате, родилась идея проведения «примирительного» совместного собора униатского и православного духовенства, на котором была бы выработана новая модель сосуществования Православия и Унии в рамках одного государства.

Первый известный конкретный проект такого собора был выдвинут на сейме 1623 г., где главными заинтересованными сторонами выступила Униатская церковь в лице митрополита Иосифа (Рутского) (1613–1637гг.) и польские власти – в лице короля Сигизмунда III. Проект был одобрен Конгрегацией пропаганды веры, и на сеймовую комиссию были приглашены с православной стороны митрополит Иов (Борецкий) (1620–1631 гг.) и архиепископ Мелетий (Смотрицкий) (1620–1627 гг.). Но оба иерарха решительно отвергли предложение о примирении [1, с. 83–88].

Правда, уже в следующем году дискуссии на эту тему возобновились, и православная сторона была готова пойти на признание даже *Filioque*, чистилища и употребление опресноков, но камнем преткновения стало учение о «Примате папы». По последней проблеме был предложен компромисс: опираясь на определения Флорентийского собора, православные были готовы на опосредованное (*mediate*) подчинение Римскому Папе при сохранении непосредственной (*immediate*) юрисдикции Константинопольского Патриарха. Когда же это предложение не нашло понимания у католической стороны, тогда православными, благодаря влиянию некоторых сенаторов, был выдвинут собственный про-

ект образования в Речи Посполитой самостоятельного Киевского Патриархата. Согласно ему Патриарх должен был избираться православным собором и утверждаться Папой и присягать ему. Все епархии предлагалось разделить на две – униатскую и православную, униатский митрополит именовался бы Киевским, а православный патриарх – Галицким [2, с. 35–40].

Однако, последующие инициативы в этом направлении польского короля, сейма, униатских иерархов не были поддержаны Римом, поскольку там, отчасти видимо, после убийства архиепископа Иосафата (Кунцевича) в Витебске в 1623 г., оживились антиправославные настроения и убеждения в том, что «схизма» должна быть искореняема «огнем и мечом». Единственной формой «примирения» могло быть только принятие православными католического вероисповедания. Поэтому, отклик со стороны Рима получили только униональные разработки архиепископа Полоцкого Мелетия (Смотрицкого), перешедшего в 1627 г. в Унию [1, с. 92–93]. Позднее такие жесткие установки Рима относительно идеи новых униональных соглашений с православными были сняты.

Так, в 1664 г. переговоры на тему церковной Унии состоялись во время Собора православного духовенства в Корсуни. С их инициативой выступил коронный канцлер Николай Пращмowski (1658–1666 гг.), который вместе с духовником короля, иезуитом Адрианом Пикарским, пригласил для переговоров епископа Львовского Афанасия (Желиборского), епископа Перемышльского Антония (Винницкого), ректора Киевской Академии Иоанникия Галатовского, архимандрита Гедеона (Хмельницкого) и других важных лиц, находившихся в то время на выборах митрополита в Корсуни. Дискутировались вопросы о церковной иерархии и Примате Папы. После многочасовых переговоров канцлер Пращмowski сделал заявление: «На Флорентийском соборе ваш Киевский митрополит вступил в унию с Римской Церковью, поэтому достойным будет то, что очередная уния Русской Церкви с Римской Церковью в Королевстве замечательно «совершится» [3, s. 212].

Новый униональный проект не отличался принципиально от тех, которые предлагались ранее. Хотя в вопросе о Filioque предполагалось следующее решение: «Всякий из обряда греческого в России пусть называет Духа Святого, Духом Отца; Дух Святой исходит, а именно, проистекает от Отца через Сына» [3, s. 213], но никто их русинов не будет произносить исповедания веры с Filioque. Такое решение вопроса об исхождении Святого Духа от

Отца и проистекающего от Отца к Сыну было новым предложением решения этой догматической проблемы и должно было привести к промежуточному (косвенному) принятию православными *Filioque*. Вопрос о пребывании душ усопших в чистилище не был решен, и был предоставлен свободному выбору верующих.

Наиболее сложным оставался вопрос о Папском примате. Униональный проект предполагал признание православными Папы как «первопрестольника», или предоставление ему первого места среди епископов. Папа должен был председательствовать на соборах, утверждать и наставлять братьев (т.е. епископов) на духовные должности и стать высшей инстанцией, к которой обращалось бы духовенство, как преемнику святого апостола Петра.

По вопросу зависимости Киевского митрополита от Константинопольского патриарха было предложено, чтобы Патриарх принял представленные догматические определения, касающиеся исхождения Святого Духа, чистилища и папского примата. Свое исповедание веры Патриарх должен был выслать королю, Киевскому митрополиту и всем епископам в Речи Посполитой. И только после выполнения этих условий «люди греческого обряда могли непосредственно зависеть от Его Величества патриарха» [3, s. 213]. Конечно, такие варианты Унии не могли быть одобрены ни в Константинополе, ни православными епископами в Речи Посполитой.

В некоторых современных работах, посвященных Унии, митрополиту Петру (Могиле) приписывается некий «праект новага аб’яднання», датировемый 1654 г. [4, с. 45]. Но, как кажется, здесь разумеется изданное митрополитом Петром в 1645 г. в Киеве «Собрание короткой науки об артикулах веры», более известное под названием «Малого Катехизиса», который был составлен по образцу латинского «Катехизиса» Петра Канизия, с исключением только двух однозначно латинских по природе пунктов о Примате папы и *Filioque*. Этот характер творения Могилы стал поводом для предположения о том, что он рассчитывал, опираясь на пролатинскую почву в Константинополе, сам взойти на Вселенский престол и попытаться воссоздать общевосточную, а не только русскую унию с Римом [5, с. 287].

Поэтому, как видим, имел местонекоторый исторический прецедент для владыки Феодосия, и он был, по сути, продолжателем этого направления в униатско-православных отношениях. Конечно, определённый канонический изъян в подобной форме «диалога» присутствует, и здесь есть, что предъявить по части верности

Православию. Несомненно, что епископ Феодосий это понимал, и все же пошел на такой шаг. Что же его к этому побудило?

Он был представителем белорусского общества, которое переживало острый кризис, вызванный столкновением религиозных традиций, и целиком было пронизано поляризацией мнений и взглядов. Будучи уроженцем Вильны, где острота конфликта была обнажена до предела, он с самого детства был погружен в атмосферу борьбы, ведущейся, главным образом, посредством полемики. Естественно предположить, что во время обучения в Виленской братской школе, когда там активно действовала целая плеяда известных защитников Православия, он мог ясно видеть плоды и результаты их деятельности. Эта борьба для самих апологетов оборачивалась либо репрессиями и уходом из школы, либо сдачей своих позиций и обращением в Унию, как это случилось с Мелетием Смотрицким.

Другим фактором, который мог повлиять на мировоззрение епископа Феодосия, было знакомство с таким значительным общественным движением, как казачество, которое в борьбе за свои права отстаивало и позиции Православия против Унии. В свою бытность архимандритом одного из главных киевских монастырей Василевич, оказавшись в гуще событий, мог видеть и слабые стороны этого движения, его неоднородность, подверженность анархии и деспотизму гетманов. Во время своих восстаний казаки атаковали Польшу, действуя во имя религиозной и гражданской независимости своего народа, но не имели сил добиться изменений в лучшую сторону. Наоборот, по следам казацких походов шли карательные экспедиции, которые окончательно разоряли людей и усиливали польский элемент помещиков и католических ксендзов, что оборачивалось еще большим порабощением. Безвыходность этой борьбы за свободу совести и самоуправления действовала угнетающе. Чувствовалась всеобщая усталость и истощенность долгим противостоянием. Возможно, под влиянием таких настроений, могилёвским преосвященным и был предложен собственный униональный проект как средство к умиротворению конфликтов и раздоров. Сам епископ Феодосий в это время не мог получить королевского привилея, подтверждающего его епископские полномочия, что также могло повлиять на предпринятие такого шага.

Во время сейма 1670 г. произошла встреча нунция Гальятерия Марескотти (1668 – 1670 гг.) с владыкой Феодосием (Василевичем).

чем). По отзывам нунция, это был «человек начитанный, особенно хорошо знал историю Церкви и имел большой авторитет среди схизматиков» [3, с. 38]. Содержание их беседы, нам известно из отчета нунция Конгрегации пропаганды веры от 17 мая 1670 г. Владыка Феодосий утверждал, что религиозного единства можно достичь только во время совместного съезда униатского и православного духовенства. Марескотти отговаривал Василевича от организации собора по проблеме Унии. Нунций мотивировал это тем, что если базисные проектные положения будущей Унии будут приняты Римом, то любые мнения собора в расчёт уже не будут приниматься.

Владыка решительно запротестовал против такой позиции. Марескотти, настаивая на своём, указал, что имеет письма из Конгрегации пропаганды веры, обращенные к православным и униатам, в которых они приглашаются в Унию на тех принципах, которые были определены в булле Папы Климента VIII. Из высказываний нунция следовало, что Рим, отвергает всякие предложения диалога по догматическим и обрядовым вопросам, которые разделяют две Церкви. Чтобы, однако, дело не дошло до срыва разговора с Василевичем, нунций попросил своего оппонента изложить свою позицию письменно, с той целью, чтобы они были рассмотрены в Риме. Марескотти заверял владыку Феодосия в своем умении хранить тайны и быть конфиденциальным, так как понимал, что православные иерархи должны были демонстрировать перед лицом своих верующих антиуниатскую позицию.

Во время дискуссии также была затронута проблема названия будущего союза. Владыка Феодосий решительно отвергал название «Уния», потому что среди православных оно вызывало неприятные ассоциации. Белорусский епископ допускал определение: католики греческого обряда или древние греки. Нунций, в свою очередь, убеждал своего оппонента, что Рим не даст согласия на изменение названия униатов, так как оно «больше отличает схизматиков и лучше выражает веру, которую приняли греки, армяне и другие народы, соединенные единством с Римской церковью». По мнению нунция, люди должны верить, что Папа не осуждает название «Уния» и что без единства с Римской Церковью невозможно спасение. Нунций категорически не согласился на придание нового названия Унии, потому что «желание приходящих в Унию – искреннее, и никто не будет их отвергать, так как униаты

сейчас искренни и поступают подобно тому, как поступали первые христиане» [3, s. 40].

Согласно отчету нунция, епископ Феодосий по данному вопросу больше не высказывался и выехал в ВКЛ, решительно отвергнув позицию Рима. Перед отъездом он оставил Марескотти собственный проект универсальной (т.е. повсеместной) Унии между православными и униатами: «*Mediauniversalis Concordiae Graecae et Romanae Ecclesiae*». Он содержал восемь базовых условий. В двух наиболее важных и значимых вопросах данный проект шел на компромиссные решения.

В вопросе догмата об исхождении Святого Духа допускалось определение II Флорентийского собора: «Об исхождении Духа Святого: так пусть верят греки, как научили святые Отцы Восточной и Западной Церкви – святые Кирилл, Василий Великий, Афанасий, Иоанн Златоуст, Августин и Григорий Великий. Обе Церкви пусть проповедуют согласно своим установлениям, однако пусть греки римлян, а римляне греков не называют еретиками, как постановил собор Флорентийский» [3, s. 40–41]. Проблему Папского примата Могилёвский владыка предлагал разрешить через непосредственное подчинение митрополита Киевского от Константинопольского Патриарха, и опосредованное – от Папы. Условием для такого решения проблемы должно было быть составление исповедания веры патриархом и информирование о нем короля, митрополита и русских епископов.

Принципиальным отличием данного проекта от всех предыдущих было строгое соблюдение церковной дисциплины и обрядов Восточной Церкви. Одними из главных были собственно вопросы обряда: «Богослужение, молитвы утренние, вечерние и ночные пусть будут в греческом обряде и обычае Восточной Церкви. Должно сохраниться использование в действительности трех Литургий: святителей Василия и Иоанна и богослужения Великой Пятницы, а также всех иных церемоний, которые соблюдаются у греков. Греческая Литургия может быть совершаема только один раз на одном престоле, согласно с 10 правилом Антиохийского Собора. Все духовенство греческого обряда пусть поет Литургию, а не совершает чтение, так как это отвращает верующих от своей единой древней Церкви. В греческом храме Литургия может быть совершаема только в ее греческом обряде, как в римском храме – на латыни. Греческие престолы должны быть покрыты согласно обрядам этой Церкви, а храм должен иметь алтарь, направлен-

ный на восток. Алтарь должен быть ориентирован согласно методу, описанному отцом Гоаром в молитвослове «Евхологион или греческий обряд». В греческих храмах чтение и пение должно остаться. И ничего нельзя от них отнимать, и ничего не должно быть использовано Греками в молитвах, гимнах, композициях, что взято из Римского костела. Никто из обряда римского пусть не говорит, что в Церкви греческой нет настоящих таинств и спасения. Формы и образы совершения таинств Греками должны быть неизменными. Святая Евхаристия должна быть в греческом храме под двумя видами, соответственно обычаю своей Церкви. Кто-либо из Церкви Греческой вступающий в брак, обязан при этом соблюдать степень духовного и телесного родства между восприемником и восприемницей в таинстве Крещения. Браки священников и иных представителей клира, заключаемые перед хиротонией должны быть под-тверждаемы согласно с 7-м правилом V Вселенского собора (...). Употребление греками мяса в субботу не может быть им запрещено, согласно с их традицией и постановлениями Флорентийского собора (...). Совершение коленопреклонений греки пусть соблюдают согласно своим обычаям, а в праздничные дни коленопреклонения запрещаются (...). Все праздники подвижные и неподвижные греки будут отмечать согласно своему календарю, и не будут склоняемы греческие священники к совершению праздников Римской церкви и к смене календаря» [3, s. 258].

Вопрос о пребывании душ усопших в чистилище не был решен. По мнению Василевича, «все представители греческого обряда будут верить, что души святых находятся на небесах (...) и молятся за нас Богу».

Свои предложения по вопросам норм и правил веры и обрядов владыка Феодосий связал ссылкой на постановления Флорентийского собора и буллу папы Пия V (1566–1572г.), где гарантировалось греческому и латинскому духовенству сохранение обряда своей Церкви. Также должно было быть запрещено всякое обращение из обряда в обряд, что также предписывалось Конгрегацией пропаганды веры в декрете от 2 мая 1625г. [3, s. 258].

Из данного проекта вытекает, что епископ Феодосий (Василевич) придавал особенное значение соблюдению церковной дисциплины и обрядов Православной Церкви. Иерарх решительно осудил все бывшие до того времени церковные Унии, так как, по его оценкам, ни одна из них не сблизила христиан, а скорее раз-

делила. Предложенный им проект новой церковной унии должен был быть обсужден во время переговоров в Остроге в мае 1670 г.

Поводом для них стали изменяющаяся политическая ситуация и угроза войны с Запорожским войском и татарской ордой, что вынудило власти Речи Посполитой к поиску договора с гетманом Петром Дорошенко. Дискуссии проводились и по вопросам религиозного характера. Чтобы не допустить принятия невыгодных для униатов решений нунций Марескотти приказал митрополиту Гавриилу (Коленде), епископу Холмскому Якову (Суше) и архимандриту Лещинскому Киприану (Жоховскому) разработать свой проект «религиозного договора» униатов с православными. После совещания униатских иерархов, в середине мая в Острог прибыл Жоховский, который представил условия религиозного соглашения в инструкции под названием «*Disponentaad Concordiam Generalem*». Инструкция содержала два варианта зависимости Киевского митрополита от Папы:

1. Митрополит будет молиться во время Литургии сначала за Папу, а затем за Патриарха и представит исповедание веры согласно установленной формуле. Каждые шесть лет митрополит будет писать Патриарху о своей вере и, таким образом, останется в его подчинении.

2. Митрополит, поставленный на эту должность, представит исповедание веры нунцию, а символ епископства, омофор, вышлет в Рим, и когда вступит в Католическую церковь, каждые шесть лет будет составлять отчет о своем управлении.

Если Патриарх, по причине позиции Турции не согласится на такое предложение, то должен будет перенести свою резиденцию на Русь или отречься от своей власти над Западной Русью, «так, как совершил это в отношении Москвы» [3, s. 259].

Но вопреки ожиданиям, переговоры с посланниками Дорошенков Остроге, не принесли никаких результатов. Условия, выдвинутые Жоховским, были отвергнуты православными делегатами. Казаки по-прежнему выступали за ликвидацию Унии в ее существующем виде, к обсуждению проекта епископа Феодосия даже не приступали. Более того, осталось неизвестным, – были ли казацкие послы осведомлены о существовании такового вообще. Но, судя по их поведению в ходе переговоров с королевскими комиссарами, – нет.

Ввиду такого исхода Острожских переговоров, не приведших к заключению договора с Петром Дорошенко, власти Речи Поспо-

литой в очередных выборах провели на гетмана пропольски настроенного уманского полковника Михаила Ханенко. В сентябре 1670 г. новый гетман подписал соглашение, в котором ничего не упоминалось ни о ликвидации Унии, ни о каком-то ином способе разрешения униатской проблемы.

Надо сказать, что нунций Марескотти свое слово сдержал, и предложения Василевича дошли до Рима, где рассматривались Конгрегацией пропаганды веры 21 июля 1670 г. Видимо, проект был одобрен, так как новому нунцию Франциску Нерлиему (1670–1671гг.) поручалось продолжение переговоров по униональному вопросу [6, s. 44]. Нунций после получения инструкции спустя месяц написал кардиналу Франциску Барберини (1660–1679 гг.) письмо, в котором информировал, что не теряет из вида предложения Могилевского епископа и сделает все, чтобы уменьшить число схизматиков на Литве, о чем печется Рим. Но предпринятые нунцием переговоры закончились полным провалом – Василевич отказался от дальнейшего участия в этом проекте.

Таким образом, не располагая никакими личными объяснениями епископом Феодосием своих действий, приходится лишь догадываться о возможных причинах, побудивших его к составлению приведенного выше проекта унионального соглашения. Что это было – шаг к измене Православию, вынужденный тактический жест для получения королевского привилея на кафедру в Могилеве или итог какого-то внутреннего надлома, ощущения безвыходности и бесплодности известных уже методов преодоления противостояния?

Утверждать что-то определенно и однозначно здесь трудно. Скорее всего, данный шаг был действительно продиктован острой необходимостью получить королевское подтверждение своего епископства, чтобы не находиться вне закона и не позволить занять Могилевскую кафедру униату. Конечно, при этом нельзя отрицать, что проект отображал на каком-то этапе реальное видение владыкой Феодосием пути к преодолению конфессионального конфликта, когда уже известные в его жизненном опыте методы выхода из кризиса не оправдали себя. Но уже в разговоре с нунцием Василевич понял, что и его идея нового союза тоже не станет, и в принципе не может стать решением проблемы. Потому что позиция Римской курии и Конгрегации пропаганды веры в подобных вопросах носит характер диктата и отрицает возможность дискуссии по догматическим вопросам. «Новая» уния со сто-

роны Рима могла быть принята не иначе, как на тех же началах, которые были провозглашены на Флорентийском и Брестском соборах, о чем недвусмысленно заявил Марескотти. Это для владыки Феодосия было неприемлемо, поэтому он, хотя и отдал рукопись проекта нунцию, но нисколько не обнаруживал в дальнейшем стремления к продолжению дискуссий на эту тему. Разве что, когда вновь пришлось хлопотать о привилегии у короля Яна Собеского, но это уже была чистая тактика. Факты же открытого преследования владыки Феодосия (Василевича) в последние годы архиепiscopства и смерть в единстве с Православной Церковью прямо свидетельствуют о твердости его православной веры и взглядов.

Список источников и литературы

1. Голубев, С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: Опыт исторического исследования. – Киев, тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883 – 1898. – Т.1, 1883. – 576 с.
2. Шмурло, Е. Ф. Римская курия на русском православном востоке в 1609–1654 годах / Е. Ф. Шмурло. – Прага: Орбис, 1928. – 255 с.
3. Mironowicz, A. Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza / A. Mironowicz. – Białystok: Orthdruk, 1997. – 326 s.
4. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С. В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
5. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. / А. В. Карташев. – Москва: Наука, 1991. – Т. 1. – 685 с.
6. Mironowicz, A. Teodozy Wasilewicz – archimandryta słucki, biskup białoruski / A. Mironowicz. – Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2005 – 72 s.

The article analyzes the activities of the prominent Orthodox religious and public figure, Bishop of Mogilev Theodosius (Vasilevich), as well as the draft of his union agreement. In the conditions of tough polemics and confrontation in the society of the Grate Duke of Lithuanian, caused by the conclusion of the Brest Church Union in 1596, the draft agreement considered in the article presupposed a certain compromise between supporters of the union and supporters of Orthodoxy.

Научный руководитель – А. Н. Загидулин, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Н. І. Станкевіч

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

Стаенная служба пры двары Станіслава Аўгуста Панятоўскага

Артыкул распавядае пра дзейнасць стаеннай службы пры двары Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Аўтар раскрывае ролю і значнасць службы, вызначае ўплыў яе служачых на рашэнні, прымаемыя гаспадаром двара.

Стаенная служба – асобная частка каралеўскага двара, якая забяспечвала гаспадара, членаў яго сям’і і слуг сродкамі камунікацыі. Пры мабільным ладзе жыцця прыдворных менавіта дзякуючы стаеннай службе кароль, члены яго сям’і і слугі розных катэгорый маглі бесперапынна рухацца па краіне па службовых і прыватных справах. Стаенная была найбольш шматлікая сярод прыдворных служб [4, с. 224]. У артыкуле прааналізуем структуру дадзенай службы, абавязкі і паўсядзённае жыццё яе служачых, а таксама значэнне пры двары.

Коні, як вядома, былі асноўным сродкам для перамяшчэння. Яны з’яўляліся не проста неабходным элементам традыцыйнага ладу жыцця, але і прадметам гонару, элементам раскошы. За коньмі пэўнай пароды і “палявалі”, і замаўлялі за мяжою. Яны становіліся адным з найбольш каштоўных падарункаў, сродкам замацавання прэстыжу. А калі ўлічваць і тое, што Станіслаў Аўгуст Панятоўскі быў часта вандраваў і быў гарачым прыхільнікам коней, можна з упэўненасцю гаварыць аб тым, што памеры прыдворнай стайні былі вялікія [5, с. 189]. Па прыездзе Станіслава Аўгуста ў Гродна ў 1795 г. пры ім і яго свіце знаходзілася 184 каня [3, с. 32]. Гэта былі коні верхавыя каралеўскія, ад’ютанцкія, падканюшыя і пажоўскія, машталерскія і розных прыватных асоб, маршалка двара, шамбелянаў і інш [6, с. 63].

Дык вось, менавіта праз вялікае значэнне коней пры двары нагляду за імі надавалася вялікая ўвага. Даверыць такую каштоўнасць было немагчыма абы-каму. Стаеннай службай кіраваў вялікі надворны канюшы А. Кіцкі – чалавек сталага ўзросту, давераны, адказны і памяркоўны, які карыстаўся павагай як манарха, так і іншых прыдворных. На ім ляжала адказ-

насць размеркавання абавязкаў паміж конюхамі і нагляд за імі і станам коней ва ўсёй стайні. Пад яго кіраўніцтвам знаходзілася ўся стаенная чэлядзь. Менавіта канюшы нёс адказнасць за падрыхтоўку коней да падарожжа і за іх стан падчас яго. У яго кампетэнцыі таксама ўваходзілі кантакты з прадаўцамі коней, агульнае кіраванне стайняй і вазоўняй. Вялікі надворны канюшы А. Кіцкі распараджаўся фінансавымі сродкамі, якія манарх выдзяляў на стаенную службу.

Акрамя вялікага надворнага канюшага, стаенная служба складалася са шматлікіх асоб, кожная з якіх таксама адказвала за сваю справу. Асабісты паж Станіслава Аўгуста Ян Сагатынскі піша, што пры каралі знаходзіліся 4 падканюшых [6, с. 79]. Дык вось, яны з'яўляліся так званымі намеснікамі А. Кіцкага. Канешне, яны рэдка займаліся фінансавымі пытаннямі, але кіруючыя функцыі выконвалі – усе конюхі і стаенная чэлядзь ім падпарадкоўвалася так жа, як і вялікаму канюшаму.

Падканюшыя карысталіся большым даверам, чым звычайныя конюхі. Калі конюхі займаліся звычайным даглядам за коньмі, то падканюшыя выконвалі больш адказныя функцыі, напрыклад, наглядалі за каралеўскім абозам. Дадзены факт падцвярджае асабісты прыстаў караля ў 1795 – 1797 гг. І. А. Безбародка, пішучы, што 13 студзеня 1795 г. з Гродна ў Варшаву быў адпраўлены каралеўскі абоз, наглядчыкамі за якім прызначылі падканюшага Кавецкага і падпаручыка Васільява [3, с. 44]. Да іх жа абавязкаў адносілася выездка маладых коней. Яны, як і вялікі надворны канюшы, сачылі за іх станам і здароўем. Аб дастаткова высокім статусе падканюшых сведчыць той факт, што яны, як і А. Кіцкі, мелі сваіх коней на стайні.

Таксама стайні былі патрэбныя людзі, якія б вялі дакументацыю – улік колькасці людзей, працуючых на стайні, улік фінансавых затрат і звычайнае афармленне дакументаў, напрыклад, справаздачы. Гэтую ролю выконвалі рээстравыя сакратары.

Найбольш у каралеўскай канюшні было конюхаў, ці машталераў – асоб, якія займаліся непасрэдна коньмі. Іх колькасць залежала ад колькасці коней на стайні. Пры Станіславе Аўгусце Панятоўскім, па дадзеных расійскага гісторыка XIX ст. М. Ф. Дэ-Пуле, знаходзілася прыкладна 13 конюхаў [2, с. 22]. Яны былі абавязаны ў першую чаргу даваць коням корм, паіць іх, прыбіраць стойлы і ажыццяўляць нагляд. Яны ж сачылі за іх

станам і здароўем [1, с. 174]. Магчыма, сярод конюхаў было размежаванне абавязкаў: хтосьці гадаваў коней, хтосьці выязжаў, а хтосьці прыбіраў за імі.

Вядома, што ў караля і прыдворных высокага рангу былі свае коні. Дык вось, іх даглядалі асобныя конюхі, бо, як піша Ян Сагатынскі, былі машталеры і каралеўскія, і ад’ютанцкія, і падканюшыя, і пажоўскія [6, с. 62].

Звычайна конюхі, як і рээстравыя сакратары (гл. ніжэй) жылі пры стайні ў прыбудаваных бакавых ізбах ці спалі ў самой стайні, каб і ўначы пільнаваць коней. Жылыя памяшканні, магчыма, ацяпляліся [4, с. 229].

Аб конюхах Станіслава Аўгуста, дакладней кажучы, аб іх звальненні, упамінае І. А. Безбародка: “25 января отпушчаны от короля из служителей 8 конюхов” [3, с. 19]. Таксама, прааналізаваўшы запісы графа, можна сцвярджаць, што конюхі зачастую выконвалі і пасыльныя функцыі. Аб гэтым сведчыць наступны факт: “11 февраля Его Величество отправил двух служителей королевской свиты за королевским вином, оставленным по причине худой дороги. И, сверх того, послан был еще конюх взять там же и лошадь королевскую” [3, с. 92].

Пры стайні таксама працавалі сядзельнікі, рымары і кавалі. Першыя з’яўляліся спецыялістамі па вырабу сёдзел, кавалі выконвалі ўсе працы па апрацоўцы метала, а рымар вырабляў і наглядаў за конскай вупражжу. На думку К. М. Дарагастайскага, было б пажадана, каб каваль зранку аглядаў усіх коней, ці не захварэў які з іх і ці не страціў падкову [1, с. 124].

На ніжэйшая ступеньцы стаеннай іерархіі размяшчалася чэлядзь – тыя, хто выконваў найбольш брудную працу: рамонт вазоў, выраб колаў і вупражы, ачыстка канюшні ад канюшага памёту. М. Ф. Дэ-Пуле піша, што са Станіславам Аўгустаму Гродна прыехаў 1 каваль і 22 стаенных чарнарабочых [2, с. 22].

Вялікай часткаю стаеннай службы была вазоўня. Яна мела асобныя памяшканні, дзе захоўваліся разнастайныя транспартныя сродкі (вазы, калясы, паўкарэткі і карэты, сані). Вазоўня знаходзілася ў падпарадкаванні вазніц – фурманаў, кучараў [4, с. 224]. Пры Панятоўскім іх было прыкладна шасцёра. Менавіта кучары кіравалі коньмі ў паездцы. Таксама пры вазоўні працавалі так званыя пагоншчыкі, якіх было 22. Асноўная функцыя пагоншчыкаў заключалася ў падгоне і кіраванні коньмі падчас

паездкі, але пры двары Панятоўскага яны, па сцвярджэнню М. Ф. Дэ-Пуле, хутчэй за ўсё, былі чарнарабочымі [2, с. 96].

Такім чынам, стаенная служба была найбольш вялікая сярод іншых прыдворных служб. Тут працавалі вялікі надворны канюшы, падканюшыя, конюхі (машталеры), сядзельнікі, кавалі і стаенная чэлядзь. Кожны з іх выконваў асабістыя функцыі. Пры стайні знаходзілася вялікая вазоўня на чале з вазніцамі – яна мела асобныя памяшканні, дзе захоўваліся разнастайныя транспартныя сродкі. Стаенная служба сапраўды выконвала адну з найважнейшых і неабходных функцый. Яна забяспечваоа Станіслава Аўгуста, членаў яго сям’і і слуг сродкамі камунікацыі, што было вельмі важным аспектам у тых часы.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Гіпіка, альбо Кніга пра коней / Крыштаф Монвід Дарагастайскі; уклад. Святлана Ішчанка, В. Дубоўскі, пер. з польскай С. Ішчанка, Г. М. Брэгера. – Мінск: Юніпак, 2007. – 216 с.
2. Де-Пуле, М. Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 годах / М. Ф. Де-Пуле. – СПб.: Тип. Майкова, 1871. – 255 с.
3. Журнал пребывания Его Величества Короля Польского, Станислава Августа в Гродно 1795 – 1796 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских, при Московском университете. Июль-сентябрь. – 1870. – Кн. 3. – С. 1–157.
4. Скеп’ян, А. А. Арганізацыя стаеннай службы пры магнацкіх дварах у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI–XVII стст. / А. А. Скеп’ян // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. нав. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А. А. Скеп’ян. – Мінск, 2017. – С. 224–237.
5. Павач, А. Под крылом Коложи. Карманная история Гродно / А. Павач. – Гродно: «ЮрСаПринт», 2014. – 222 с.
6. Pamiętnik bylego pазia Stanisława Poniatowskiego, przy którym zostawał aż do śmierci / Sagotynski Jan – Poznań, 1845. – 175 s.

The article tells about the activities of the military service at the court of Stanisław August Poniatowski. The author reveals the role and significance of the service, determines the influence of its members on the decisions made by the owner of the yard.

Навуковы кіраўнік – С. В. Марозава, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы

К. Д. Ананька

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

ДУА «Гімназія № 7 г. Гродна»

**Разгортванне эканамічнай эміграцыі з
тэрыторыі Беларусі ў ЗША ў другой палове
XIX – пачатку XX стст.**

Артыкул распавядае аб прычынах і ўмовах эміграцыйных працэсаў з тэрыторыі Беларусі ў Злучаныя Штаты Амерыкі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. Абгрунтоўваецца праблема падліку беларускіх эмігрантаў у ЗША ў разглядаемы перыяд. Аўтар зрабіў спробу рэканструіраваць працэс падрыхтоўкі да пераезду звычайнага беларускага эмігранта таго часу. Робіцца выснова аб тым, што масавая эканамічная эміграцыя мела часцей за ўсё часовы характар, а былыя эмігранты, якія вярталіся з Амерыкі, былі больш адукаванымі і развітымі ў маральным плане.

Пачатак разгортвання масавай эміграцыі з зямель сучаснай Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. звязаны з імклівым ростам колькасці насельніцтва. Зыходзячы з дадзеных ўсеагульнага перапісу 1897 г. на беларускіх землях пражывала 6 млн. 424 тыс. чалавек. Праз практычна 10 гадоў, да 1909 г., колькасць насельніцтва павялічылася крыху больш, чым на 1 млн.чалавек. Такім чынам, да 1909 г. колькасць насельніцтва на тэрыторыі Беларусі складала 7 млн. 443 тыс. чалавек [7, с. 19]. У першую чаргу гэта звязана з высокай нараджальнасцю і частай міграцыяй ўнутры Расійскай імперыі. Адназначна большую частку насельніцтва (больш 86%) складалі жыхары сельскай мясцовасці. Сукупнасць гэтых фактараў пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г. пагаршала сітуацыю з малазямеллем у сялян і іх эканамічнага дабрабыту. Даследчык С. М. Токць, спасылаючыся на савецкага гісторыка К. І. Шабуню, сцвярджае, што на тэрыторыі больш за 80% (або $\frac{3}{4}$) сялянскіх двароў у перыяд пасля рэформаў адчувалі праблему малазямелля і адсутнасці магчымасці атрымліваць заробак для задавальнення патрэбаў [19, с. 16]. Канкрэтызуючы, можна вылучыць наступныя прычыны з'яўлення працоўных мігрантаў у Расійскай імперыі: перанасяленне ў сельскай мясцовасці; высокая ўдзельная вага памешчыцкага землеўладання (асабліва было характэрна для беларускіх губерняў); малазямелле сялян; слабое развіццё або

адсутнасць прамысловасці ў рэгіёнах; неўрэгульвальнасць і нізкі заробак рабочых; падатковы прыгнёт; частыя неўраджаі [19, с. 18]. Гісторык А. Ціхаміраў сцвярджаў, што гэта было звязана з захаваннем прыгонніцкіх перажыткаў у беларускай вёсцы – сэрвітутная сістэма, цераспалосіца, неразмежанасць памешчыцкіх і сялянскіх зямель. У дадатак цяжарам на плечы сялян клаліся стала падатковая сістэма, якая перашкаджала шляху інтэнсіўнага эканамічнага развіцця. Эканамічныя праблемы прыводзілі да вымушанага збавення ад сваіх зямельных участкаў і перахода да працы па найму. Акрамя таго, беларуская рэгіянальная эканоміка мяжы XIX–XX стст. характарызавалася павольным развіццём фабрычна-завадской прамысловасці, а вёскі і горада не маглі прымаць такую вялікую колькасць свабодных работнікаў. Таму частка беларускага насельніцтва была вымушана шукаць працоўныя месцы ў іншых рэгіёнах Расійскай імперыі, іншая – у краінах Еўропы ці за акіянам [17, с. 20].

Адной з нагодаў масавага адтоку за мяжу таксама стала нежаданне сялян несці службу ў царскай арміі [20, с. 22]. Афіцыйныя справаздачы мясцовых уладаў датычна эміграцыі называюць ухіленне ад вайскавай павіннасці як адну з прычын, але толькі ў рэдкіх выключэннях. Пры гэтым адзначалася нізкая сувязь паміж эміграцыяй і ухіленнем ад арміі сярод сялян, а вось сярод яўрэяў, наадварот, высокая [9, арк. 9, арк. 79]. Часцей за ўсё такая тэндэнцыя прасочвалася ва ўскраінных валасцях заходніх губерняў і Польшчы.

У беларускіх сялян з'явілася неабходнасць дадатковага заробку. Адным з такіх спосабаў стала працоўная міграцыя ўнутры Расійскай імперыі і за яе межы. Працэсы перасялення з сельскай мясцовасці ў беларускія гарады не атрымаў вялікага распаўсюджвання аж да Першай сусветнай вайны. Унутраная міграцыя ў большай ступені закранула ўсходнія землі Беларусі (Віцебскую і Магілёўскую губерні). Сяляне-мігранты гэтых зямель у асноўным перасяляліся ў Сібір, а таксама пакаралі Далёкі ўсход Расійскай імперыі. У сваю ж чаргу важным спосабам заробку ў Гарадзенскай і Віленскай губернях стаў выезд за мяжу, асабліва ў Злучаныя Штаты Амерыкі [18, с. 6]. Пачынаючы з 1860-х гг. на беларускіх землях Расійскай імперыі з'яўляецца феномен працоўнай ці эканамічнай эміграцыі.

Масавы характар працоўная эміграцыя пачынае набываць на мяжы XIX–XX стст. Даследчык Я. Калубовіч называе перыяд

з 1897 па 1914 гг. пятай хваляй масавай эміграцыі з тэрыторыі Беларусі. Прычынай такой з’явы стала ўжо згаданае сацыяльна-эканамічнае становішча. Пятая хваля эміграцыі характарызуецца свядомым перасяленнем на тэрыторыю Паўночнай Амерыкі – Злучаных Штаты і Канаду [4]. Па дадзеных амерыканскай статыстыкі ў перыяд з 1820 па 1917 гг. з Расійскай імперыі ў ЗША прыбыло каля 3,3 млн. чалавек, але па сваім паходжанні яны не былі рускімі. На першае дзесяцігоддзе ХХ ст. прыйшлося практычна палова прыезджых ад гэтага ліку (каля 1,6 млн. чалавек). Па сваім этнічным паходжанні 44% склалі яўрэі, 27% – палякі, больш за 9% – літоўцы, больш за 8% – фіны, каля 6% – немцы і толькі каля 5% – рускія [11]. Зыходзячы з гэтага можна смела сцвярджаць пра тое, што ў ЗША выязджалі габрэі, а ўжо за імі цягнуліся і сяляне і рабочыя. Па розных падліках з канца ХІХ ст і да Першай сусветнай вайны з тэрыторыі Беларусі за мяжу выехала ад 300 да 800 тыс. чалавек. Я. Калубовіч, спасылаючыся на даследчыка А. Смоліча, называў лічбу ў 300-500 тыс. чалавек. У. Снапкоўскі сцвярджаў, што з Беларусі выехала каля 500-800 тыс. чалавек. Асноўнымі краінамі, у якія ад’язджалі беларусы, былі ЗША, Канада, Аргентына, Бразілія, Германія, Чэхія, Фінляндыя, Турцыя, краіны Прыбалтыкі [4; 15]. З 1899 г. па 1913 г., калі амерыканцы ў сваёй статыстыцы сталі весці ўлік нацыянальнасці імігрантаў, у ЗША было дапушчана 165 тыс. «рускіх»: вялікаросаў, маларосаў і беларусаў, у тым ліку 100 тыс. у 1910–1914 гг., прычым толькі 5.3% з іх з сабою мелі больш за 50 даляраў, а многія прыехалі літаральна без гроша ў кішэні [11]. Пры складанні статыстыкі і падчас правядзення перапісу ў 1910 г., 1920 г. і 1930 г. амерыканцы ўключалі ў катэгорыю «рускія» не толькі беларусаў, украінцаў, але і тых, хто лічыў роднай мовай рускую – яўрэі, літоўцы, латышы, палякі і г. д. [1, р. 885]. Даследчык В. Кіпель, спасылаючыся на В. Сеховіча, сцвярджае, што ў перыяд з 1899 па 1908 гг. з Расіі ў ЗША прыбыло 666,5 тыс. яўрэяў і 370 тыс. палякаў, сярод якіх было цалкам магчымая доля беларусаў каталіцкага веравызнання. У амерыканскіх статыстычных дадзеных выхадцы з Беларусы праваслаўнага веравызнання часта траплялі ў адну групу з літоўцамі і латышамі, якіх у гэты ж перыяд прыбыло каля 132 тыс. чалавек. Той жа В. Сяховіч лічыць, што колькасць беларусаў, якія прыбылі ў ЗША, за гэты перыяд склала ад 60 да 80 тыс. чалавек [6, с. 136]. Асобнай графы «беларусы» у амерыканскай статыстыцы не было. Вы-

хадцы з тэрыторыі Беларусі былі вымушаныя адносіць сябе да іншых этнасаў па моўнай або рэлігійнай прыкмеце. Расійская статыстыка тым больш не мела такой графы.

Праблема дакладнага падліку беларускіх эмігрантаў у ЗША ў разгляданы перыяд дагэтуль з'яўляецца Актуальнай. Даследчык М. і. Старавойтаў ставіць пад сумнеў прапанаваную А. Смолічам яшчэ ў 1924 г. лічбу 300–500 тыс. [13, с. 184–185; 14, с. 54] выхадцаў з Беларусі, якія з'ехалі ў ЗША. Ён сцвярджае, што сярод гэтай лічбы прыкладна 3/4 ад агульнага ліку былі сезоннымі рабочымі або, як іх яшчэ называлі, отходнікамі. Часцей на заробкі з'язджалі жыхары Гродзенскай і Віленскай губерні, радзей за ўсё – Віцебскай і Магілёўскай. Улічваючы той момант, што пераважнай большасцю прыезджых з Расейскай імперыі, а тым больш з тэрыторыі Беларусі, былі бедныя сяляне, а міграцыйныя службы ЗША ставілі высокія патрабаванні да імігрантаў, то лічба ў 500 тыс. беларусаў у ЗША на 1914 г. з'яўляецца відавочным перабольшаннем [16, с. 44]. Гаворачы аб высокіх патрабаваннях амерыканскіх міграцыйных службаў, важным крытэрыем пры адборы прыбылых была адукаванасць. У перыяд з 1898 па 1910 гг. у ЗША прыбыло 26,7% прыезджых ва ўзросце да 14 гадоў. Працэнт неадукаваных літоўцаў у дадзены перыяд склаў 48,9%, рускіх – 38,4%, палякаў – 35,4%, габрэяў – 26%. Гэтыя дадзеныя навязваюць лагічную думку аб тым, што не ўсім дазвалялі паўнаважна ўступіць на амерыканскі кантынент. Пасля 1910 г. міграцыйныя службы ЗША пачалі праводзіць тэставанне на адукаванасць сярод імігрантаў. Па выніках тэстаў 79% італьянцаў, 80% венграў, 83% яўрэяў і 87% рускіх былі прызнаныя прыдуркаватымі. У дадзеным выпадку ўзнікала праблема валодання мовай, і вынікі тэстаў безумоўна залежалі ад гэтага. Каля 95% прыехаўшых з Беларусі не ведалі англійскай мовы. Як сцвярджаў А. Смоліч, беларусы былі вымушаныя сяліцца сярод габрэяў і вучыць іх мову [13, с. 185–185; 16, с. 43]. Статыстычныя дадзеныя 1916 г. прыводзяць у 1 млн. 852,8 тыс. чалавек, якія з'ехалі ў 1901–1911 гг. з Расійскай імперыі ў ЗША. Паводле свайго нацыянальнага складу габрэі склалі 43,5%, палякаў – 27,1%, літоўцаў – 9,6%, фінаў – 8,2%, немцаў – 5,6%, шведаў – 0,7%, іншых – 0,2%. Колькасць чалавек у катэгорыі «іншыя» склала каля 2,8 тыс. чалавек. У гэтай катэгорыі маглі апынуцца рускія і беларусы. Адпаведна можна сцвярджаць толькі пра некалькіх сотняў беларусаў, якія эмігравалі ў ЗША [16, с. 45].

Палітыка царскіх уладаў у дачыненні да эмігрантаў зыходзіла з непрызнання беларусаў як асобнай этнічнай адзінкі. Выезд за мяжу на пастаяннае месца жыхарства разглядаўся ўладамі як адзін з фактараў паслаблення «карэннага рускага насельніцтва», таму дзяржаўны ўрад спрабаваў стрымліваць масавы адток насельніцтва шляхам складанай працэдуры атрымання сялянамі замежных пашпартаў [15; 20, с. 23]. Заканадаўства Расійскай імперыі не прызнавала эміграцыю за межы дзяржавы на пастаяннае месца жыхарства. Пад забаронай знаходзілася і адмова ад расійскага грамадзянства. Законным прызнавалася толькі часовае знаходжанне за мяжой тэрмінам да 5 гадоў, пры гэтым была магчымасць падоўжыць гэты тэрмін [5, с. 4]. Гэтае пытанне рэгламентавалася артыкуламі 325 і 326 расійскага Збору законаў. Першае дакладнае заканадаўства, якое рэгламентавала міграцыйныя працэсы, было прынята ў 1892 г., але яно тычылася толькі яўрэяў [6, с. 136]. З іншага боку мясцовыя ўлады ў заходніх губерніях бачылі ў гэтым нейкую выгаду. Так, напрыклад, гродзенскі губернатар Д. М. Бацюшкаў у 1892 г. звярнуў увагу на тое, што людзі, якія выехалі на працу ў Злучаныя Штаты, дасылаюць сваім сваякам або аднавяскоўцам вялікія сумы грошай. Акрамя таго, губернатар ставіў станоўчым прагноз далейшай масавай эміграцыі, якая дазволіла б вырашыць дэмаграфічную праблему ў сельскай мясцовасці [18, с. 16–17]. Легальнага выезду за мяжу папярэднічала доўгая і дарагая па кошце працэдура атрымання замежнага пашпарта. Селяніну, напрыклад, неабходна было спачатку атрымаць у валасным кіраванні даведку аб адсутнасці падатковых запазычанасцяў. Далей у прыстава трэба было атрымаць даведку з інфармацыяй аб тым, што будучы эмігрант не мае за сабой крымінальных пераследаў, а таксама для яго не настаў час службы ў войску. Затым неабходна было зрабіць прашэнне ў губернскую канцылярыю, куды трэба было ўнесці адпаведную грашовую суму, якая складала прыкладна трэць ад кошту квітка на параход у ЗША [5, с. 5] (у 1900-я гг. сярэдні кошт квітка эмігранцкага класа маршруту Лібава – Нью-Ёрк Рускага Усходне-Азіяцкага Пароходства складаў каля 85 руб. [12]). Дадзеная працэдура займала некалькі месяцаў (у сярэднім ад 3 да 6). Таму нярэдкамі былі і з’явы, калі падобнага роду працэсы становіліся спекуляцыямі з боку дзяржаўных чыноўнікаў. Царскім уладам было добра вядома аб масавым адтоку насельніцтва за мяжу. Аднак спробы

глабальнага ўрэгулявання сутыкаліся з дзейнасцю мясцовых уладаў, якія не перашкаджалі гэтаму. Для таго, каб выехаць за акіян, неабходна было мець некалькі сотняў рублёў для набыцця білета і паўнаўартаснай арганізацыі выезду. Набыць квіток можна ў спецыяльных агентаў-пасярэднікаў, чые фірмы знаходзіліся ў Гамбургу, Брэмене, Ратэрдаме і Аместэрдаме. Так, напрыклад, у Гродне офісы такіх кампаній знаходзіліся на сучасных вуліцах Савецкая і Паўлоўскага. Цяжкасці з афармленнем дакументаў і атрыманнем дазволу на выезд прыводзілі да розных нелегальных махінацый. Падобнага роду махінацыя магла заключацца ў тым, што выхадцы з Беларусі, якія ўжо пражывалі ў ЗША, высылалі свае ўжо непатрэбныя дазволы сваякам, каб тыя, у сваю чаргу, змаглі эміграваць. Нярэдкамі былі выпадкі, калі маладыя людзі прызыўнога ўзросту нелегальна перасякалі мяжу з Германіяй, каб там сесці на параход да берагоў Паўночнай Амерыкі [8]. Усё ж такі праблема масавага адтоку насельніцтва Амерыку востра стаяла на парадку дня. Міністэрства ўнутраных спраў зацікавілася пытаннем аб урэгуляванні эміграцыйнага руху сялян у Амерыку. Для поўнага асвятлення гэтага пытання Міністэрства дало распараджэнне мясцовым чыноўнікам сабраць дадзеныя па наступных пунктах пунктах [10, арк. 87a]: ступень распаўсюджанасці адыходу асоб сельскага стану на часовыя зямлевладальчыя заробкі ў Амерыку; ўмовы, пры якіх гэтыя перасяленцы ў цяперашні час працякаюць; меры, якія могуць унесці паляпшэнні ў гэтай справе; ці носіць эміграцыя ў Амерыку характар канчатковага перасялення ці ж сыходу толькі на часовыя заробкі; ці адлюстроўваецца адыход у Амерыку на пслабленне рабочай сілы землеўладальніцкага класа; які кантынгент земляробчага класа сыходзіць на заробкі; ці мае эміграцыя непасрэдную сувязь з ухіленнем ад вайскавай павіннасці; у якой прыблізна суме выяўляецца гадавы заробак перасяленца; які маральны ўплыў аказвае знаходжанне перасяленцаў на працах у Амерыцы [9, арк 77–79].

Цікавым з'яўляецца той факт, што мясцовыя чыноўнікі ўсё ж такі прапаноўвалі некаторыя меры па паляпшэнню сітуацыі з эмігрантамі. Так, чыноўнікі прапаноўвалі якім-небудзь чынам пазбавіць сялян ад уплыву таемных агентаў-адпраўнікоў. Прапаноўвалася стварыць спецыялізаваныя ўрадавыя ўстановы, якія маглі б прадастаўляць інфармацыю аб магчымасці рабочай эміграцыі, а таксама палегчыць атрыманне замежных

пашпартоў. Напрыклад, з 1906 г. у мястэчке Дзятлава было прадстаўніцтва Добраахвотнага флоту, якое займалася выраб-кай замежных паспартоў і адпраўкай у Амерыку [9, арк. 78]. Тое ж прапаноўваў і Пружанскі павятовы спраўнік, а таксама зрабіць таннейшым кошт замежных пашпартоў [9, арк. 131]. Слонімскія чыноўнікі прапаноўвалі заснаваць і ўпарадкаваць зразумелыя параходныя шляхі, даць ільготныя праезды па чыгунках і на параходах, а таксама выдаваць спецыяльныя праходныя сведчанні, якія можна было б атрымаць у земскіх начальнікаў або іх намеснікаў [9, арк. 80]. У справаздачы Гродзенскаму губернатару Гродзенскі павятовы спраўнік у якасці меры па паляпшэнні ў справе адтоку насельніцтва на заробкі прапаноўваў забараніць параходным таварыствам прымаць на службу і прадастаўляць працоўныя месцы яўрэям, якія раней падазраваліся ў тайнай эміграцыі або проста няўхвальных паводзін. Што азначала «няўхвальныя паводзіны» – невядома. Цалкам верагодна, што пад такую катэгорыю мог трапіць любы чалавек яўрэйскай нацыянальнасці [9, арк. 131об]. Аднак праблему чыноўнікі бачылі не толькі ў масавым адтоку. Як ужо сцвярджалася, большасць людзей выязджала за мяжу нелегальна без афармлення пашпарта. Па-першае, гэта стварала істотныя праблемы з вядзеннем статystыкі. Па-другое, масавы адыход наносіў адчувальны фінансавы ўдар па мясцовай эканоміцы ў выніку павышэння коштаў на працоўную сілу і адсутнасці афармлення замежных пашпартоў, што ў тэорыі магло б скласці значную пазіцыю даходу ў дзяржаўную казну. Чыноўнікі сцвярджалі, што сяляне з'язджалі ў Амерыку пры садзейнічання таемных агентаў, якія ездзілі па вёсках, вербавалі і адпраўлялі праз свае канторы і арганізацыі. У такіх дзеяннях абвінавачвалі перш за ўсё яўрэяў [9, арк. 78].

У журнале адміністрацыйнай прысутнасці Сакольскага павятовага з'езда ад 20 верасня 1907 г. гаворыцца пра тое, што перавоз рабочых праз Прускую мяжу складае для яўрэяў значны даход, таму ў іх ёсць фінансавая зацікаўленасць у гэтым. За правоз без пашпарта праз Гамбург яўрэйскія кампаніі бралі ад 130 да 150 руб., у той час, як праезд ад Лібавы да Нью-Ёрка на параходах Рускага Добраахвотнага флоту каштаваў 70 руб. Чыноўнікі лічылі, што ўзаконьванне выезду на заробкі ў Амерыку не дазволілі б паменшыць колькасць працоўных рук у Расійскай імперыі таму, што на заробкі будуць выязджаць толькі па сваёй уласнай

ініцыятыве, а не з дапамогай вярбоўкі [9, арк. 87а]. Пружанскі павятовы спраўнік у рапарце Гродзенскаму губернатару ад 30 кастрычніка 1907 г. сцвярджаў, што эміграцыя ў Амерыку суправаджаецца пры пасярэдніцтве таемных яўрэйскіх агентаў без замежных пашпартоў, а таксама з дапамогай канторы «Кни Фалькъ и Ко», якая знаходзіцца ў Пружанах [9, арк. 143]. Прымаючы пад увагу гэты факт можна казаць аб тым, што ў маёмасным суадносінах пераважалі не толькі малаземельных сяляне, але і члены заможных сямействаў. Патэнцыйныя эмігранты цалкам спакойнай аддавалі ад 150 да 300 руб. агенту за нелегальны, але хуткі перезд за мяжу.

Праблема заканадаўства цвёрда стаяла перад сялянамі, якія збіраліся з'ехаць за мяжу. Менавіта таму паўстаў феномен нелегальнай эміграцыі ў абыход расійскага заканадаўства. Царская палітыка і наяўнасць эмігрантаў-нелегалаў ставіць пад сумненне дакладнасць расійскай статыстыкі. З аднаго боку была неабходнасць у памяншэнні колькасці эмігрантаў для таго, каб зрабіць бачнасць стабільнага развіцця. А з іншага боку вялікая колькасць тых, хто выехаў у абыход афіцыйнай расійскай статыстыкі.

Злучаныя Штаты Амерыкі прыцягвалі простых рабочых менавіта зароботнай платай. Так, напрыклад, сярэдні памер месячнай зароботнай платы чорнарабочага ў ЗША на мяжы XIX–XX стст. у эквіваленце складаў каля 71 руб., у той час, як у Расійскай імперыі – 15 руб; будаўнічага рабочага – 150 руб. і 50 руб. адпаведна, шахцёра – каля 300 руб. і 50 руб, настаўніка ў горадзе – 125 руб. і 50 руб. [5, с. 4; 11]. Зыходзячы з аналізу дадзеных мясцовых валасных праўленняў, які вырабіў гісторык С. М. Токць, дадатковыя ня гаспадарчыя заробкі сялян складалі значныя грашовыя сумы. У Дубноўскай воласці, якая знаходзілася на беразе ракі Нёман, каля 600 сялян, якія працавалі на сплаве, у сукупнасці зараблялі каля 6 тыс.руб. у год, гэта значыць па 10 руб. на чалавека (па інфармацыі на 1911 г.). У той жа самы час 52 селяніна, якія выехалі на заробкі ў ЗША, дасылалі каля 10 тыс. руб. у год, або па 192 руб. на чалавека. У суседняй Каменкаўскай воласці падчас вывазу лясоў зімой сяляне зараблялі каля 1200 руб. у год., праца на памешчыцкіх угоддзях і маёнтках – да 1500 руб. у год. Тыя ж мясцовыя сяляне, якія працавалі ў Амерыцы, дасылалі сваякам да 5 тыс. руб. у год. Такого кшталту сітуацыя суправаджалася ў Мастоўскай, Гожскай, Берштоўскай і некаторых іншых

валасцях Гарадзенскай і Віленскай губерняў [18, с. 19]. У справаздачы Гродзенскай павятовай землеўпарадкавальнай камісіі Гродзенскаму губернатару ад 7 верасня 1907 г. сцвярджаецца, што сярэднегадавы заробак аднаго перасяленца ў Амерыцы складае прыблізна ў 1000 руб. дадзеныя звесткі камісія ўзяла з роспытаў набліжаных да перасяленцаў асоб. акрамя таго, мясцовыя ўлады збіралі статыстыку па грашовых перакладах з Амерыкі праз паштова-тэлеграфныя ўстановы з мэтай аналізу прыблізнага гадавога заробку ў ЗША [9, арк. 9, арк. 79].

Часцей за ўсё на заробкі ў ЗША выязджалі мужчыны ва ўзросце ад 20 да 45, прабыўшы там у сярэднім ад 2 да 5 гадоў. У Гродзенскай губерні, напрыклад, узрост тых, хто з'ехаў вагаўся ад 15 да 40 гадоў. Узрост непасрэдна тых, хто ад'язджаў на заробкі складаў ад 20 да 30 гадоў. Часцей за ўсё за мяжу выязджалі мужчыны, якія ў расійскіх справаздачах называлі «другароднымі членамі сямействаў» – браты або сыны хатніх гаспадынь. Гэта тлумачыцца тым, што эмігрантамі становіліся члены шматдзетных сем'яў, якія выязджалі на заробкі за мяжу, у тым час як іх бацькі і больш старэйшыя сваякі заставаліся на радзіме. Відавочна, што ў складзе беларускіх эмігрантаў пераважалі ў асноўным сяляне, але неадукаваныя і некваліфікаваныя. У палавым дачыненні пераважалі маладыя мужчыны. Сярод эмігрантаў былі і жанчыны. Па падліках ўжо згаданага А. Ціхамірава на 1 жанчыну прыходзілася каля 4-5 мужчын. Папрацаваўшы і назапасіўшы пэўную суму грошай яны вярталіся дадому. З 1908 г. у эміграцыйныя службы Злучаных Штатаў сталі весці статыстыку зваротнай эміграцыі або рээміграцыі. Яе аналіз паказаў, што найбольшая доля эмігрантаў з Расеі, якія разглядалі сваё знаходжанне ў ЗША толькі як часовае знаходжанне ў якасці заробку, складалі людзі з катэгорыі «рускія» – беларусы, вялікаросы і маларосы [2, с. 45; 17, с. 21].

У рапарце Сакоўскага павятовага спраўніка Гродзенскаму губернатару ад 7 верасня 1907 г. пазначана, што эміграцыя ў Амерыку прымала дастаткова шырокі характар у заходніх валасцях Гродзенскай губерні. Часцей за ўсё людзі эмігравалі таемна пры дапамозе асоб, якія займаюцца адпраўкай за мяжу. Нягледзячы на тое, што эміграцыя насіла ў асноўным характар часовых заробкаў, адыход у Амерыку ўсё ж такі адбіваўся на паслабленні рабочай сілы. З-за таго, што на заробкі ў Сакоўскім павеце выязджала ў асноўным моладзь ва ўзросце ад 16 да 30 гадоў, такая

акалічнасць павышала кошт на працоўную сілу, што было нявыгадна для землеўладальнікаў. Гадавы заробак працоўнага эмігранта, як паказваў павятовы спраўнік, складаў каля 700 даляраў або 1400 руб., ад якіх каля 150 даляраў ён дасылаў сваёму абаімаму або аднавяскоўцам [9, арк. 10].

Асаблівую ўвагу губернская адміністрацыя надавала змене паводніцкіх якасцяў асобы пасля знаходжання ў Амерыцы. Чыноўнікі заўважылі, што перасяленцы, якія вярнуліся з Амерыкі, адрозніваюцца не толькі больш свядомай працаздольнасцю і больш высокай прадуктыўнасцю працы, але і лепшай павагай да закона, улады, чужой уласнасці і да чужой працы. Таму, як адзначала Гродзенская павятовая землеўпарадкавальная камісія, урэгуляванне эміграцыйнага руху сялян у Амерыку і іх вяртання на радзіму з'яўляецца неадкладнай і вельмі пажаданай неабходнасцю [9, арк. 9]. Па вяртанні з замежжа сяляне ўліваліся ў сваю звычайную паўсядзённае жыццё. У справаздачы ўсё той жа камісіі «... аб сялянах Слонімскага павета, эмігрантаў у Амерыку» адзначалася, што сяляне, побывшыя на заробках у Амерыцы, выраблялі ўражанне людзей больш развітых, разумных, яны маюць ґрунтоўнае паняцце пра законы і ўвогуле не толькі ў маральным, але і ў разумовым дачыненні да стаялі значна вышэй за сваіх аднавяскоўцаў.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups / editor S. Themstorm. – Cambridge, Massachusetts, 1981. – 1104 p.
2. Бондаренко, О. А. Иммиграция в США как один из аспектов, связанных с развитием эмиграционного движения из Российской империи в конце XIX – начале XX века / О. А. Бондаренко // Актуальные проблемы современной науки : Сборник тезисов научных трудов XXXI Международной научно-практической конференции, Москва-Астана-Харьков-Вена, 29 июня 2018 года. – Москва-Астана-Харьков-Вена: Общество с ограниченной ответственностью «Финансовая Рада Украины», 2018. – С. 22–52.
3. Как на рубеже 19-20 веков белорусы из Гродненской губернии уплывали работать в США и Аргентину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pruzhany.net/belarusy-v-usa.html>. – Дата доступа: 04.03.2021.
4. Калубович, Е. Восемь волн белорусской эмиграции [Электронный ресурс] / Е. Калубович // Неман. – 1992. – № 2. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/kalubovich/08/Восемь_волн_белорусской_эмиграции.html. – Дата доступа: 18.03.2020.
5. Кахановіч, А.Г. Працоўная эміграцыя насельніцтва Беларусі ў канцы

- XIX – пачатку XX стагоддзя / А.Г. Каханоўскі // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2016. – № 4. – С. 3–9.
6. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель; навук. рэд. Н. Гардзіенка. – 2-е выд. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 632 с.
7. Латышева, В.А. Демографическая динамика и социальные преобразования в Беларуси (конец XIX – 1-я четверть XX в.) / В.А. Латышева // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – № 2. – С. 18–25.
8. Мяцельскі, А. За акіяны! Як гродзенцы ехалі ў эміграцыю ў пачатку XX ст. / А. Мяцельскі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://hrodna.life/articles/za-akiyan-yak-grodzentsyi-ehali-u-emigratsiyu-u-pachatku-hh-st/>. – Дата доступу: 04.03.2021.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у Гродна). Ф. 18, воп. 2, спр. 6.
10. НГАБ у Гродна. Ф. 957, воп. 1, спр. 5.
11. Нитобург, Э.Л. Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. – 2002. – № 5. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/RUHIST/EMMI.NTM>. – Дата доступа: 01.03.2021.
12. Русско-американская линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1981dn.livejournal.com/19214.html>. – Дата доступа: 04.03.2021.
13. Смоліч, А. Геаграфія Беларусі. Выд. 3, перапрац. і дапоун. / А. Смоліч. – Вільня: Віленскае выдавецтва Б.А. Клецкіна, 1923. – 307 с.
14. Смоліч, А.А. Эканамічнае становішча Беларусі перад вайной і рэвалюцыяй / А.А. Смоліч // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. – рэдкал.: А. Сташэўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Выд. ЦВК БССР, 1924. – С. 22–77.
15. Снапковский, В. Е. Белорусская эмиграция [Электронный ресурс] / В. Е. Снапковский // Белоруссия и Россия: общества и государства. – 1998. – Режим доступа: http://www.gulevich.net/statiy.files/belorus_emigrated.htm. – Дата доступа: 19.03.2020.
16. Старовойтов, М. И. Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (конец XIX в. – 1917 г.) / М. И. Старовойтов // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 3. – С. 41–48.
17. Тихомиров, А. В. Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. – 1917 г. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Тихомиров. – Акад. наук Беларусі, Ин-т истории. – Минск, 1994. – 26 с.
18. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. : аўтрэф. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / С. М. Токць ; Бел. Дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – 48 с.
19. Токць, С. М. Эміграцыя ў Амерыку сялян Гродзенскай і Віленскай губерняў у канцы XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2015. – № 1. – С. 16–20.
20. Трудояну, Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода

империализма : автореф. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. Л. Трудояну. – Гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1988. – 39 с.

21. Эйдинтас, А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. : автореф. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. Эйдинтас ; Акад. наук Литов. ССР, Ин-т истории. – Вильнюс, 1989. – 31 с.

The article tells about the reasons and conditions of emigration processes from the territory of Belarus to the United States of America in the second half of the XIX – early XX centuries. The article substantiates the problem of counting Belarusian emigrants to the United States in the period under review. The author made an attempt to reconstruct the process of preparing for the move of an ordinary Belarusian emigrant of that time. It is concluded that the mass economic emigration was most often temporary, and the former emigrants who returned from America were more educated and morally developed.

Навуковы кіраўнік – А. С. Горны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

УДК 94(476)

Н. С. Каспер

*Учреждение образование «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

Гродненцы на «Титанике»

«Титаник» – великий корабль XX века, которому суждено было стать одним из лучших кораблей в истории. 10 апреля 1912 года «Титаник» покинул Саутгемптон и направился в Нью-Йорк в свой первый и единственный рейс. В день крушения «Титаника» на борту находились 2224 пассажира, из которых 16 – уроженцы Гродненщины.

Утром 15 апреля 1912 года весь мир потрясло известие об одной из самых ужасных и грандиозных морских катастроф в истории – гибели лайнера «Титаник», унёсшей жизни более полутора тысяч человек. Среди них были и уроженцы Гродненщины. Уже на следующий день после крушения многочисленные газеты по всему миру откликнулись на это событие, а за более чем столетие появилась масса художественных и документальных фильмов, публикаций научно-популярных исследований, воспоминаний тех, кому удалось выжить во время кораблекрушения.

На гибель «Титаника» откликнулись художники, музыканты, поэты и драматурги – многие их произведения поражают и се-

годня. Несмотря на всю грандиозность события и массовый интерес к его изучению, к сожалению, и по сей день в нём остаётся много «белых пятен». Одно из них – участие уроженцев Гродненщины в трансатлантическом плавании корабля-легенды.

Уже через месяц после крушения «Титаника» в мае 1912 года широкой общественности стали известны имена 16-ти уроженцев белорусского края, принявших участие и погибших в ходе этого легендарного плавания. Небольшая заметка «Погибшие на «Титанике» в газете «Минское слово» содержит скупые строки: «Опубликован список русских подданных, погибших при крушении «Титаника» [11].

Как известно, в ходе расследования обстоятельств гибели трансатлантического лайнера был создан специальный фонд помощи пострадавшим и их родственникам [5, с. 517]. Безусловно, касался он и уроженцев наших земель. В последующих заметках прессы стали появляться уточняющие обстоятельства: «для получения родственниками погибших вознаграждения из фонда, собранного лордом-мэром Лондона, необходимо предоставить названному лицу сведения, устанавливающие право получения, на особом бланке, заполненном городским головой, мировым судьёй, священником, доктором или адвокатом. Подобные бланки могут быть получены в Императорском Генеральном консульстве в Лондоне» [8].

Анализ личных данных этих лиц, представленный в материалах «Комиссии по расследованию дела «Титаника»», а также сопоставление их с местными справочными материалами того времени, позволяет утверждать, что это были действительно уроженцы Гродненщины и других белорусских земель. Так, справочник минских домовладельцев «Весь Минск или Спутник по г. Минску» подтверждает личность трёх из погибших на лайнере «Титаник» [2]. Данные двух других пассажиров корабля совпадают с материалами «Адрес-календаря и справочной книжки Гродненской губернии на 1912 год» [1, с. 420, 431], «Памятной книжки Гродненской губернии на 1910 год» [10, с. 371, 381]. Это некий г. Грудик, история спасения которого, весьма эксцентрична.

Также на борту лайнера находился известный бизнесмен из Гродно, владелец крупной мастерской готового платья Соломон Банивур. Из Гродно в Америку он отправился по делам своей фирмы. Плавание на «Титанике» оказалось для него роковым.

Правда, стоит отметить несколько важных обстоятельств, препятствующих выявлению реальных лиц-жертв кораблекрушения. В первую очередь – это обычная ошибка транскрипции английского перевода. Так, 6 июня 1912 года в заметке «Русские подданные, погибшие на «Титанике» появился ряд уточнений. В ней утверждалось, что русский консул в Лондоне донёс министерству внутренних дел Российской империи уже новые сведения. По результатам уточняющего перевода написание целого ряда фамилий изменилось: Самуил Гринберг уже был назван как Самуил Гиндберг, Иосиф Онтвила – стал Иосифом Мантвила, Насан Гольдшмидт – как Натан Гольдшмидт, Симон Литман превратился в Симона Ситмана [12].

Существует и другое обстоятельство, по которому родственники погибших не спешили обращаться в Министерство иностранных дел за помощью в получении вознаграждения из Лондонского фонда. Многие из них не имели необходимых документов, оформление которых было весьма затратным. Это существенно, если учесть, что эмигрировали, как правило, в поисках лучшей доли, часто они прибегали к нелегальному пути. Довольно часто все сбережения уходили на покупку билета, организацию отъезда, и были прихвачены с собой для дальнейшего обустройства на новом месте, а значит – затонули при кораблекрушении.

Стоит учитывать и другую причину массового отъезда жителей белорусских земель. Часто эмиграция была одним из способов уклонения от воинской повинности, создавала заметные трудности для социального и экономического развития. Как отмечает Н. Головин, прежний Устав о воинской повинности от 1874 г. «создавал социальную несправедливость... прежний порядок превращался в «беспорядок», вместо закономерной справедливости царил произвол случая» [4, с. 42]. В этой связи закономерным выглядит ряд изменений в новом Уставе, принятом 23 июня 1912 года [14, № 37417].

Голод, нехватка пахотных земель, невозможность заработать – одни из основных причин массовой эмиграции в Америку жителей Гродненщины. Как отмечают исследователи, всего с конца XIX века до начала Первой мировой войны выехало около 450 тысяч наших соотечественников [7, с. 50–52].

Проанализировав этно-национальный состав уроженцев Гродненщины и других белорусских земель, которые находились на корабле, автор пришёл к выводу, что большинство из

них – были представителями еврейской национальности. Данные анализа собственности показали, что многие накануне своего отъезда, массово начали распродавать собственность. Это убедительно говорит о том, что они не собирались возвращаться и свою дальнейшую жизнь связывать с обстоятельным обустройством на новом месте.

Исследователи белорусской эмиграции называют период конца XIX – первых двух десятилетий XX века – началом массовой эмиграции населения с территории белорусских земель. В первую очередь на территорию американского континента – в Канаду, Соединённые Штаты Америки и Аргентину [7, с. 7–9]. В основном это были представители рабочего класса, более или менее зажиточного состояния, еврейской национальности. Связано это было не только с вышеизложенными обстоятельствами (царским режимом, желанием избежать воинской повинности, нищетой и отсутствием видимости в дальнейшем хоть каких-либо перспектив), но и социально-экономическим положением в Соединённых Штатах Америки.

Обычно уроженцы белорусских земель, в том числе и Гродненщины, отправлялись к американскому континенту на пароходах из Германии и Голландии. «Титаник», как известно, убыл из британского Саутгемптона 10 апреля в 12.00, а уже в 17.30 совершил остановку во французском Шербуре. Именно там, по показанию выживших, а также материалов «Следственной комиссии по делу «Титаника»», на борт лайнера поднялись русскоговорящие пассажиры. В основном, это были пассажиры третьего класса, которые расположились на нижних палубах, плыли за океан в поисках лучшей доли.

Желающие отправиться в Америку обращались к специальным агентам, среди которых часто попадались аферисты. Один из подобных случаев, произошедших со 130 горожанами из города Лиды, подробно описан в одном из выпусков «Нашай нівы»: «Из Беларуси и Литвы. (От наших корреспондентов). Из-под Лиды, на самые пасхальные праздники, вернулась домой целая группа людей, которая собиралась уехать в Америку. А вернулись они вот по какой причине: наши агенты подрались доставить их в Америку по цене 120-140 рублей от человека. Желающих набралось 130 душ. Агенты перевели их через границу на прусскую сторону, купили билеты на железную дорогу аж до Амстердама (город у моря в Голландии) и оттуда уже собирались

морем доставить эмигрантов в Америку. В Амстердаме эмигрантов должен был встретить агент и выдать всем шифкарты (билеты на проезд морем). Но ни агента, ни шифкарт, эмигранты не нашли, и погибли бы с голода в чужой сторонке, если бы не российский консул в Амстердаме, который всех отослал за казенные деньги в Лиду. Этой аферой агенты содрали с народа 17 тысяч рублей (130 душ по 130 рублей), и неизвестно, сыщут ли кто свои деньги назад. При этом приходится удивляться темноте наших мужиков: если едут в Америку через Либаву – тогда паспорт стоит около 18 рублей, доехать до Либавы – 5 р. и шифкарта из Либавы в Америку – 65 рублей, значит всего 88 руб. А агенты сдирали по 120, а то и по 140 рублей с души. Это уже явное надувательство» [6].

Среди пассажиров трансатлантического лайнера был известный бизнесмен из Гродно, владелец крупной мастерской готового платья Соломон Саулович Банивур. Купец первой гильдии плыл пассажиром второго класса. Известно, что он выехал из Гродно в Америку по делам своей фирмы.

В компании с Банивуром плыла молодая чета Кантор, которые тоже были выходцами из белорусских земель. Мириам и Синай Кантор поднялись на борт «Титаника» в Шербуре купив билет под № 244.367 в каюту второго класса. Путешествие Канторам обошлось в 26 фунтов стерлингов (примерно 3600 долларов США по современному курсу). Оба окончили университет. Синай был скорняком и после прибытия в Бронкс, собирался продать чемоданы мехов, чтобы оба получили возможность выучиться на врача и дантиста. Его 24-летняя жена пока контурных планов не имела, хотя мечтала стать стоматологом. После столкновения с айсбергом, в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года, девушку провели на спасательную лодку номер 12 [15; 5, с. 360–363]. Мужчинам в неё садиться было запрещено, поскольку действовало правило «женщины и дети в первую очередь». Впрочем, как выяснилось после, это не помешало сесть в неё одному из мошенников. В лодке оказалось 30 пассажиров, однако они потеснились, чтобы принять ещё три десятка людей. Шлюпка под №12 стала последней, которую подобрало судно «Карпатия» [9, с. 12; 5, с. 374–375]. Тело Синая Кантора было обнаружено спасательной экспедицией спустя восемь дней [Приложение 4] и было похоронено в Нью-Йорке. Мириам обратилась в «Комиссию по делу «Титаника»» с просьбой о возвращении ей обнаруженных

после кораблекрушения вещей семьи [Приложение 6]. Однако дело затянулось на месяц. Лишь 24 мая молодой вдове вернули одежду, российский паспорт, записную книжку, деньги, бумажники, карманный телескоп и штопор [Приложение 8]. А также швейцарские карманные часы, которые были проданы на международном аукционе в США в августе 2018 года за 57500 долларов [15] [Приложение 8].

В компании с Соломоном Банивуром плыл другой его соотечественник – уроженец Гродненщины г. Грудик. Об этой личности известно гораздо меньше. Неизвестно даже, насколько правдива та информация, которую он послал на Родину спустя месяц после своего чудесного спасения. Ежедневная газета «Мариупольская жизнь» со ссылкой на свой источник в Белостоке, сообщала о некоем выходе из Гродненской губернии, чудом спасшимся в результате кораблекрушения [Приложение 5]. Издание опирается на телеграмму этого «героя», присланную им из Нью-Йорка. Ниже приведём её полностью:

«На днях в Белостоке получена пространная телеграмма от одного из спасшихся пассажиров «Титаника», некоего г. Грудик. Грудик телеграфирует своим родственникам из Нью-Йорка подробности своего «геройского» подвига. Когда гибель стала неизбежной и на пароходе поднялась паника, Грудик был в числе мужчин, стремившихся первыми попасть в лодки. Их расстреливали, но Грудик не только не был убит, но даже не ранен. Поняв, однако, что судьба не всегда бывает милостива и что он в одну минуту может уйти к праотцам, Грудик пустился на хитрость. Вбежав в одну из кают II класса и найдя там забытое кем-то женское платье, Грудик быстро переоделся «дамой» и бросился к спасательным лодкам.

– Ещё одна женщина... Дорогу! – закричал кто-то из офицеров. Цепь разомкнулась, и Грудика посадили в лодку.

Дорогой одна дама открыла обман (это вполне могла быть и вышеупомянутая Мириам), но Грудик упросил её молчать, иначе бы его немедленно выбросили за борт.

Когда к этой последней лодке подошла «Карпатия», Грудик бросился в море и был принят матросами на пароход. В общей суматохе, поднявшейся на пароходе в момент принятия на борт потерпевших аварию, Грудик вновь переоделся мужчиной и благополучно доехал до Нью-Йорка». [17].

О дальнейшей судьбе Грудика ничего не известно. Кроме того,

стало известным о гибели многих эмигрантов-евреев – жителей Гродненской губернии. [3].

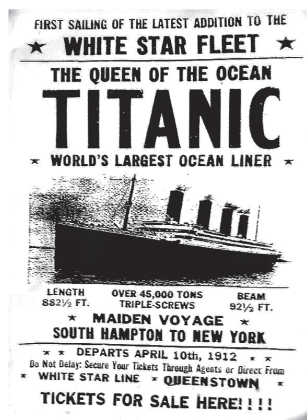
Вместе с гродненцем, на борт «Титаника» во французском Шербуре, вечером 10 апреля 1912 года поднялись два десятка других уроженцев белорусских земель [Приложение 3]. Лишь некоторым из них суждено было выжить. Среди них – 24-летняя могилевчанка Евгения Дробкина, которая собиралась добратся до Нью-Йорка и начать там новую жизнь. После катастрофы в холодных водах Северной Атлантики, девушка добралась до Нью-Йорка, вышла замуж и родила четверых сыновей. Умерла она там же в 1951 году.

Всего на борту «Титаника» находилось 2224 человека, из них 908 – членов экипажа. Спасти удалось лишь 711 пассажирам, 1513 – погибло. Как показали результаты «Следственной комиссии по делу «Титаника»», пассажиры III класса (большинство из двух десятков наших соотечественников плыли именно на нижней палубе), имели меньше всего шансов на выживание – выжило всего 25 %, против 60% I класса и 44% II класса [5, с. 385]. Так, из 710 пассажиров третьего класса до Нью-Йорка живыми добрались лишь 174.

Таким образом, подводя полученную информацию к итогу, можно смело говорить, что гродненцы были на «Титаники». Каждый из них плыл со своими причинами и проблемами, на поиски лучшей жизни, и кто знает может быть они и достигли бы успеха если бы нестрашная катастрофа. У немногих выживших, получилось устроить личную жизнь, завести семью, вырастить детей и дожить остаток лет спокойно. Однако они уже никогда, не смогут забыть страшную апрельскую ночь. Этой статьёй автор хотел показать, что мы должны знать и помнить, наших земляков и чтить их память.

Список источников и литературы

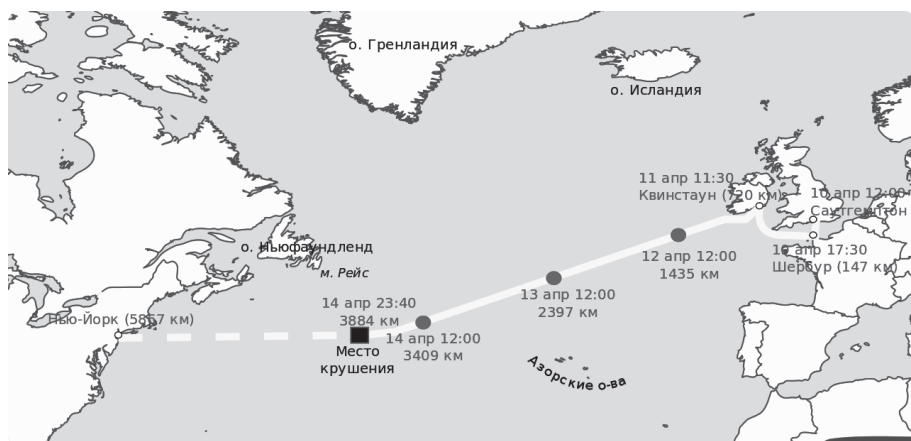
1. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1912 год / издание Гродненского губернского статистического комитета. – Гродна: Губернская типография, 1911. – 476 с.
2. Весь Минск или Спутник по г. Минску. – Минск: типография С.М. Яхимовича, 1911. – 160 с.
3. «Герой» с «Титаника» // Мариупольская жизнь. – 25 апреля 1912 года. (8 мая по н.ст.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starosti.ru/archive.php?y=1912&m=05&d=08>. – Дата доступа: 14.05.2019.

*Приложение 1 –
Реклама рейса «Титаник»*

Приложение 2 – «Титаник» отплывает из британского порта Саутгемптон, около 12.00 10 апреля 1912 года. Фото очевидцев

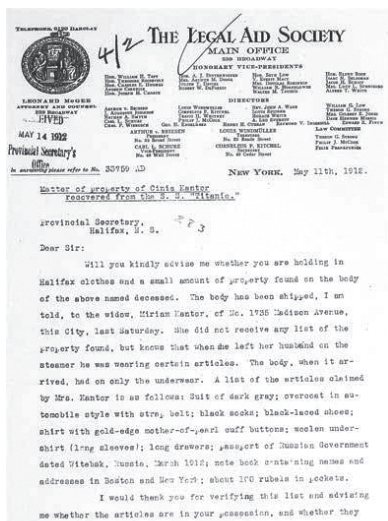
Приложение 3 –
Примерная схема путешествия
трансатлантического лайнера «Титаник»

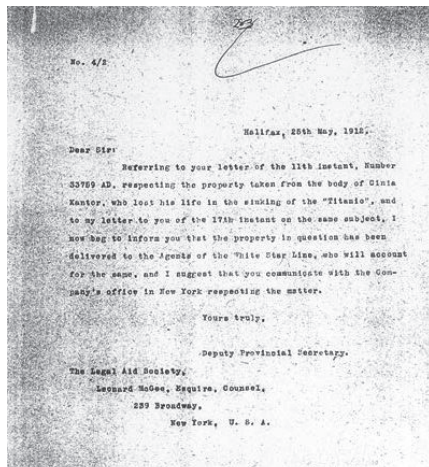
Приложение 4 –
RMS Titanic Titanic Resource Guide (спасательные работы). Фото из мате-
риалов «Следственной комиссии по делу «Титаника»

Приложение 5 – Титульный лист газеты «Мариупольская жизнь» за 25 апреля 1912 года. (8 мая по новому стилю), в которой сообщалось о «герое» Грудике

Приложение 6 – Обращение Мириам Кантор с просьбой о возвращении ей вещей покойного мужа. 11 мая 1912 года. Из материалов «Следственной комиссии по делу «Титианика»

Приложение 7 – Ответ председателя The legal Aid Society Леонарда Мак Ги (Leonard McGee) на обращение Мирам Кантор, 25 мая 1912 года. Из материалов «Следственной комиссии по делу «Титианика»

[illegible]

Приложение 7 – Ответ председателя The legal Aid Society Леонарда Мак Ги (Leonard McGee) на обращение Мирам Кантор, 25 мая 1912 года. Из материалов «Следственной комиссии по делу «Титианска»

Приложение 8 – Фото карманных швейцарских часов (внизу), а также подтверждающее письмо о передаче всех вещей уроженке Российской империи Кантор, май 1912 г. Из материалов «Следственной комиссии по делу «Титианика»

А. С. Ларин

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет им. Янки купалы»*

Памятная книжка Гродненской губернии как источник по истории развития промышленности в 1880–1889 гг.

Памятная книжка Гродненской губернии как издание губернской управы и статистического управления частично отображает на своих страницах промышленное развитие г. Гродно и всей губернии в целом.

Все выпуски Памятных книжек Гродненской губернии были напечатаны в губернской типографии (при губернской центральной управы). В 1867 г. издание называлось «Адрес-календарь служащих в Гродненской губернии лиц гражданского, военного и духовного ведомств», а в 1911–1915 гг. – «Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии». В большинстве библиографических источников, в том числе в каталогах библиотек, это издание отражено в многоуровневых библиографических записях под общим заглавием «Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии» [1, л. 2–3]. На страницах Памятной книжки Гродненской губернии, особо отчетливо предоставляется информация в начале издания – в содержании самой Памятной книжки.

Памятная книжка Гродненской губернии за 1880 г., не показывает всю информацию о промышленном развитии региона, однако больше всего в книжках представлена информация о сельскохозяйственной деятельности в губернии. В издании Гродненской губернской управы упоминание о фабриках и заводах присутствует непременно в главе «Статистические сведения Гродненской губернии», но присутствие информации в разделе «Адреса» показывает все нахождение тех или иных фабрик и заводов.

В Памятной книжке Гродненской губернии за 1881г. присутствует информация в разделе «Адреса», о главнейших фабриках и заводах г. Гродно. Так карандашная фабрика купца Элиашева, располагалась на ул. Новой, дом Богатыревича №25. Табачная фабрика «Прогресс» – площадь Дворцовая, д. Малина и Вейса [2, с. 82]. К 1883 г. Появляется еще одна табачная фабрика «Про-

гресс» располагалась она на ул. Замковой, дом Галифельда [3, с. 83]. Нужно отметить, что в Гродно мало было улиц со зданиями, которые имели свой номер.

Табачная фабрика Шерешевского располагалась на нынешней Мостовой улице в Гродно. Расположение фабрики было по тому же адресу, как и в нынешнее время. Шерешевскому помимо Табачной фабрики, принадлежал также пивоваренный завод. Что же примечательно, это то, что некоторые фабрики купца Шерешевского располагались в Занеманском форштадте. Так пивоваренный завод Шерешевского находился на ул. Мещанской № 7,8 [2, с. 12]. В Гродно появляется первая мукомольная мельница, которая позволяла всей Неманской части потреблять много муки. Мукомольная мельница располагалась в Занеманской части г. Гродно, то, есть в Занеманском форштадте. Из этого следует, что Занеманский форштадт на то время был общегородской промышленной зоной.

В разделе Памятной книжки Гродненской губернии, а именно в таблице «Приложения», показывает статистические сведения губернии по числу фабрик и заводов в регионе. Примечательно, но в Гродно было 2 табачных, 1 гильзовая и 1 карандашная фабрика, а сумма их деятельности особенно Табачной фабрики на 1883 г., составляла менее 585.578 рублей, а сумма примерной выручки гильзовой и карандашной фабрики был намного меньше [3, с. 50]. Исходя из этого, следует такой факт, то, что прибыльной в регионе на тот момент времени, была лишь табачная фабрика, которой в Гродно было уделено по материалам Памятной книжки Гродненской губернии, лишь два места: в Неманской части города и Занеманском форштадте. Востребованность табачными изделиями фабрики Шерешевского имела довольно большой успех, не раз его фабрика занимала золотые медали на торговых выставках. Число рабочих было больше на табачной фабрике – 561 [3, с. 50]. Из этого следует, что табачные изделия востребованы были, как на конец 70-х, так и на конец 80-х гг. XIX в.

В Гродненском уезде самым востребованным были суконные фабрики, тем больше их насчитывалось 6 штук. Сумма денежного оборота фабрик составлял 15.750 рублей. Среди заводов, большое расположение было в Гродно. В губернском центре располагалось больше пивоваренных, медоваренных заводов, оборотом более в 20 тыс. рублей. [3, с. 50]. Кирпичный завод получал намного больше выручки, чем гончарный завод. Тем более

исходя из статистических данных Памятной книжки Гродненской губернии мы видим, что среди распространенности заводов и фабрик, в Гродно преобладали эти виды производства. В Гродненском уезде кирпичных заводов было больше, чем в Белостокском и Брестском уезде. Оборот представленных заводов в двух уездах составлял: Брестский – 1400, Белостокский – 9654 руб. [3, с. 54]. Это доказывает, то, что тем ближе до центра губернии, тем больше количество заводов и больше денежный оборот.

Памятная книжка приводит также упоминает о деятельности заводов и в лесной отрасли. Так смолокурение было представлено в Слонимском уезде. Впрочем, смолокурение, за исключением Слонимского уезда и завода господина Крузенштерна в Белостокском уезде, производился везде в незначительных размерах. «С одной кубической сажени смольняка получается 16 пудов смолы, стекающий в чан паров и собираемому через холодильник и 16 четвертей угля. [3, с. 10]. Исходя из выше перечисленной процедуры, нужно утверждать, что Памятная книжка, отчетливо и с интересом описывает способ производства данного материала, его и поэтапного распределения. Далее мы видим: «Обыкновенно завод состоит из двух печей, пока одна печь остывает, другая находится в действии. [3, с. 10]. Очень интересный факт, приводится о работе цеха завода, но очень интересным является технология процесса другой разновидности смольняка и стоимости процесса производства: «В печь кладут 2 ½ кубических сажени смольняка, которого цену вместе с корчеванием и доставкой можно положить 20 руб. 75 к. Дрова для отопления стоят – за сажень 8 рублей, рабочим – 8 рублей. Итого: 36 рублей 75 копеек. Топка печи, зарядка ее, выгрузка и остывание продолжают-ся от 3-х до 4-х недель, так можно положить в завод при двух печах от 12 до 15 выходов в год, что составляет рублей 600 чистого дохода. Устройство такого завода стоит около 1150 рублей, но его нужно возобновить каждые 3 или 4 года, потому, что от сильного и постоянного жара печи разрушаются после этого времени» [3, с. 10]. Далее по материалам раздела Памятной книжки мы видим, как продолжается процесс изготовления технической смазки для каретных колес и телег: «При перегоне смолы получается ворвань, а в котле остается вар. Из 700 пудов смолы добывается 470 пудов ворвани и 120 пудов вару. На топку для этого издерживается около 10 куб. саж. дров. Из ворвани, с примесью поташа и мыла, делается колесная мазь.» [3, с. 11]. Инте-

ресен факт, что изготовление в окончательном виде дегтя проводилось в имении Пусловских – в Косово, Слонимского повета. Приводится короткая графа об изготовлении дегтя и при этом в сжатом виде. Далее демонстрируется информация об одном занимательном деле – изготовлении кожи. В основном, приводится факт о процессе дубления кожи и составе веществ для дубления. «Для дубления кожи применяется кора еловая, которую добывают с леса, срубленного на продажу, уплачивая 10-15 коп. за пуд корья. Дубовая кора используется редко» [3, с. 11]. Так можно представить, что Гродненщина имела свое кожевенное производство и при этом способ дубления не был скрыт в тайне и был передан в материалы Памятной книжки Гродненской губернии.

На 1885 г. в Памятной книжке Гродненской губернии приводится упоминание о фарфоровом и фаянсовом деле. Так, фарфоровые фабрики располагались в Белостокском уезде. По производству фаянса (то есть тонкого фарфора) и фарфора в основном, сумма годового оборота составляла 10.200 рублей, а число рабочих превышала 14 человек. В Бельском уезде фарфоровая фабрика получала в годовой оборот примерно 35.000 рублей при количестве рабочих в 91 человек [4, с. 62].

А вот Памятная книжка губернии за 1888 г. приводит отдельный раздел по фабрикам и заводам губернии. Так, в Гродно на 1888 г. было 11 заводов и фабрик, с суммой производства в 8760 рублей. В Гродненском уезде было фабрик и заводов больше, чем в Гродно, но сумма годового оборота производства, составляла в год примерно 102.003 руб. Зато самая большая сумма производства была у Белостокского уезда. Настолько больше суммы, чем все взятые уезды и города губернии в целом превышала за предельную сумму в 1.886.362 руб. [5, с. 3]. В таблице, по производительности губерний Российской империи приводилась короткая информация о том, что Гродненская губерния заметно отставала от других губерний России в сумме, набранной примерно в 9971 руб. и то что, по денежному обороту шерстяных изделий выходила губерния на 3 место, с суммой в 6153 рубля [5, с. 7]. Что же касается табачных фабрик и пивоваренных заводов, то тут сумма производства заметно увеличивалась.

Памятная книжка Гродненской губернии за тот же год, не только отображает реальные статистические данные на своих страницах, но и отдельной своим разделом, вводит информацию о истории промышленного дела на Гродненщине и его подроб-

ному описанию в историческом контексте. Так в начале своего раздела, описывается промышленный потенциал Гродненской губернии. Начиная раздел с исторического очерка о магнатах Великого княжества Литовского и заканчивая их мануфактурами, Памятная книжка Гродненской губернии выделяет отдельно очерк о состоянии мануфактур в конце XVIII в. и начинает свое описание первых фабрик на Гродненщине в первой трети XIX в.: «Вместе с наплывом иностранных капиталистов, начинается изменяться характер промышленности, переходя мало по малу от типа промышленных заведений, занятых обработкой местных сырых материалов и удовлетворением местных потребностей к типу фабричного производства, выступающего со своими фабрикатами на отдельные рынки, где приходится отвечать более разнообразным требованиям многочисленных потребителей и вести борьбу с конкурентами из разных стран» [5, с. 2]. Следуя из данных принципов Памятная книжка уже начала использовать факты о конкурентно-способности местного промышленного потенциала, что заложило признаки мелкого бизнеса. Далее мы видим: «Для успешного ведения такого дела необходим постоянный прогресс в улучшении качества своих произведений и удешевлении стоимости их, что для мелких фабрик не представляет такой настоятельной необходимости. При том же издержки на покупку лучших сортов сырого материала и искание более искусных мастеров и постоянное усовершенствование технических приспособлений стоит дорого и не под силу местным фабрикантам, которые с каждым годом все более и более должны отставать от прогрессивного движения, необходимого в больших фабриках, а потому должны и уступать им место в производстве предметов одного и того же рода» [5, с. 2–3]. Исходя из выше приведенной цитаты, опубликованной на страницах Памятной книжки Гродненской губернии мы видим, что конкуренция в те времена была намного выше, чем к концу 80-х годов XIX в. Но стоит отметить тот факт, что многие элементы из ведения бизнеса на промышленном производстве на сегодняшний день актуальна и по ныне.

В основных документах статистического управления, которые публиковались на страницах разделов Памятной книжки присутствуют сведения об экономическом состоянии в различных системах промышленности.: «По сведениям Статистического Комитета общая сумма производства в Гродненской гу-

бернии была: в 1884 году – 9.065.484 руб., в 1885 году – 7.737.837 руб., в 1886 году – 8.255.092 руб., а считая мелкие заводы, имеющие преимущественно кустарный характер – 8.470.493 руб. В колебании суммы производства за эти три года, оказывается следующая особенность: число фабрик, обрабатывающих волокнистые вещества (шерсть и шелк) увеличилось, а сумма их производства уменьшилась; тогда как, наоборот, число винокуренных заводов уменьшилось, а сумма производства увеличилась» [5, с. 7–8]. Судя по приведенной информации больше всего в губернии располагалось производство волокнистых веществ и также немного винокуренное производство.

Приводятся сведения о производстве и экспорте спирта из Гродненской губернии. Так, по материалам Памятной книжки Гродненской губернии до 1884 года вывоз спирта из Гродненской губернии вовсе отсутствовал. «В 1884 же году вывезено 795.895 градусов, в 1885 году вывоз поднялся до 3.130.747 градусов, а в 1886 году – 4.841.631 градуса. Все это количество спирта было отправлено через Либавский порт в Гамбург» [5, с. 9-10]. Показанное, только доказывает тот факт, что производство спирта было поставлено на поток, на экспорт за пределы границ Гродненской губернии и также за границу Российской империи.

Интересный факт приводит Памятная книжка Гродненской губернии на счет участия в работе совершенно малолетних детей и женщин. «Что касается до числа малолетних по отдельным производствам, то наибольшее абсолютное число их находится на табачных фабриках, где работает, почти вся половина всех малолетних работников; заняты они в укупорочном и упаковочном отделениях» [5, с. 12]. Далее меж строк мы видим, что малолетние работники были в большинстве: «И в этом производстве большая половина промышленных заведений пользуется трудом малолетних, больше или меньше участие которых зависит от относительных размеров прядильных отделений и рода выделяемого в ткацкой товара » [5, с. 12]. Конечно реже упоминаются малолетние в промышленном производстве, но это лишь доказывает тот факт, что на владельцев фабрик в Гродно и Гродненской губернии использовался труд малолетних детей.

Таким образом памятные книжки Гродненской губернии отображают все аспекты промышленного развития Гродненской губернии и создают представления о промышленном производ-

стве и повседневности в различных промышленных сферах как в Гродно так и в уездах губернии.

Список источников и литературы

1. Грядовкина И. В. Структура и содержательный аспект Памятных книжек Гродненской губернии / И. В. Грядовкина – Режим доступа: http://infobelar-us.nlb.by/7n_4150cd/data/menu/5.pdf. – Дата доступа: 12.02.2021
2. Памятная книжка Гродненской губернии за 1881 г. / Издание Гродненского губернского статистического комитета – Гродно: губ. тип., 1881.
3. Памятная книжка Гродненской губернии за 1883 г. / Издание Гродненского губернского статистического комитета – Гродно: губ. тип., 1883.
4. Памятная книжка Гродненской губернии за 1885г. / Издание Гродненского губернского статистического комитета – Гродно: губ. тип., 1885.
5. Памятная книжка Гродненской губернии за 1888 г. / Издание Гродненского губернского статистического комитета – Гродно: губ. тип., 1888.

This article is devoted to the development of production in the Grodno province in the early 80s of the XIX century. And tells about the mention in the Memorial Books of the Grodno province of certain information concerning the formation of factories and plants, both in Grodno and in the Grodno province.

Научный руководитель – И. Ф. Китурко, кандидат исторических наук, доцент, ректор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

В. А. Лісоўская І. В. Жураўская

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

Забойства ў Гродзенскай губерніі ў канцы XIX – пачатку XX стст.

Артыкул прысвечаны забойстваў, якія здзяйсняліся ў Гродзенскай губерніі. Аналізуюцца прычыны росту злачыннасці, а таксама матывы здзяйснення забойстваў. Прыводзяцца некалькі прыкладаў найбольш вядомых забойстваў у Гродна. Адказнасць за здзяйсненне забойстваў назначалася з улікам палажэнняў Улажэння пра пакаранні крымінальныя і папраўчыя 1845. Тыпам забойстваў з'яўляецца самагубства, прававой аналіз і прыклады якога таксама змяшчацца ў артыкуле.

Мяжа канца XIX – пачатку XX ст. у гісторыі Беларусі была вызначана маштабнай грамадскай трансфармацыяй, якая закранула ўсе сферы жыцця – эканамічную, палітычную, сацыяльную і культурную.

Пераломным момантам для злачынцаў у XIX ст. стала адмена прыгоннага права – менавіта тады злачынцы ў вялікай колькасці перамясціліся ў гарады. Раней жа разбой часцей за ўсё ажыццяўляўся на дарогах [1].

У другой палове XIX – пачатку XX стагоддзяў у Расійскай імперыі, у склад якой уваходзіла ў гэты перыяд тэрыторыя Беларусі, адбыўся значны рост злачыннасці. Па падліках расійскага даследчыка Н. Б. Міронава, у 1897 годзе ў Расійскай імперыі з пункту гледжання крымінагеннасці прадстаўнікоў розных прафесій і саслоўяў асобы вольных прафесій, гандляры і прадпрымальнікі, і прадстаўнікі прывілеяваных саслоўяў – купцы, дваране і чыноўнікі – пераўзыходзілі па крымінагеннасці сялян. Гэта сведчыць, як мяркую Н. Б. Міронаў, пра тое, што беднасць сама па сабе не аказвала вырашальнага ўплыву на рост злачыннасці.

Гарадская злачыннасць ў другой палове XIX ст. не мела лінейнай дынамікі. У гарадах губерніі, дзе пражывала каля 10% насельніцтва, здзяйснялася крыху больш за 20% цяжкіх злачынстваў. Характар такіх злачынстваў на працягу 70-90-х гадоў XIX ст. істотна не мяняўся. Больш за 70% злачынстваў здзяйсняліся супраць уласнасці прыватных асоб – крадзяжы,

рабаванні, разбойныя напады, а таксама супраць асобы – забойствы, нанясенне пабояў і абраз.

Злачыннасць пранікла ва ўсе сферы жыцця, мела розныя формы. Але адным з самых цяжкіх злачынстваў было забойства, якое складала 5,5% па колькасці.

У адрозненне ад злачынстваў маёмнага характару, у якасці падстаў супрацьпраўных дзеянняў, ляжаць матывы асабовага характару, што адносяцца да пачуццёвых сфер індывіда. Яны ўключалі ў сябе любоў і рэўнасць, крыўду і зайздрасць. Часта прычынай былі па-за шлюбныя палавыя сувязі і, як вынік, імкненне пазбыцца незаконнанароджанага дзіцяці і г. д

Разгледзем гэта на прыкладзе Гродна.

Працэсы урбанізацыі і мадэрнізацыі гарадской асяроддзя Беларусі ў апошнія трэці XIX – пачатку XX стагоддзя вызначылі перад гараджанамі шэраг складаных праблем. Шматгадзіннай працоўны дзень і цяжкае нестабільнае матэрыяльнае становішча маламаёмных і немаёмных груп гараджан, асабліва жанчын, адсутнасць даступнай усім сляям жыхароў горада сістэмы грамадскага выхавання і цэлы шэраг іншых пытанняў абвастрае праблему нагляду і выхавання дзяцей.

Таму былі вельмі частымі факты, калі маці забівалі сваіх жа дзяцей [2, с. 6]. Яны з самага нараджэння станавіліся цяжкім цяжарам, і жанчыны імкнуліся пазбавіцца ад сваіх нежаданых дзяцей самымі рознымі спосабамі. У лепшым выпадку дзяцей пакідалі на вуліцы, дзе быў шанец, што хто-небудзь іх падбярэ. Асабістая прыслуга характарызавалася параўнальна высокай доляй злачынстваў супраць маральнасці, а таксама на яе прыходзілася большасць выпадкаў дзетазабойства [2, с. 7-8].

Маленькія дзіцячыя трупікі знаходзілі ў самых розных месцах горада – на лесвіцах і каля брамы дамоў, у дварах, садах і агародах гарадскіх сядзібаў, на гарадскіх могілках, ў грамадскіх садках і на плошчах горада, на тэрыторыі прамысловых прадпрыемстваў, на маставых, у ренштоках вуліц.

У Гродне ў снежні 1897 г. трупік нованароджанага быў знойдзены на габрэйскіх могілках. А ў чэрвені 1898 г. – «на праваслаўных могілках у адтуліне адной з магіл» [2, с. 6].

У сакавіку 1898 г. трупік нованароджанага быў знойдзены ў калодзежы ў двары аднаго з гродзенскіх мяшчан, а ў жніўні 1899 г. – проста ў адной з гарадскіх лужын. Вельмі часта дзяцей тапілі ў гарадскіх рэках [2, с. 6].

Але часцей за ўсё дзяцей тапілі ў гарадскіх туалетах. Маленькая чалавечае жыццё сканчалася там, дзе і пачыналася. Жанчыны нараджалі ў туалетах і там жа сваіх дзяцей пазбаўлялі жыцця. Маці тапілі сваіх дзяцей у чалавечых спаражненнях.

Пачуццёвыя матывы здзяйснення злачынства былі ўласцівы не толькі жанчынам. Гэтым можна растлумачыць паводзіны губернскага сакратара І. Аглобліна, які перарэзаў горла сваёй утрыманцы А. Цыбульскай 30 жніўня 1877 года. [3, с. 138].

Сярод 9 выпадкаў забойстваў, звесткі аб якіх утрымліваюцца ў паліцэйскіх рапартах, толькі адно, верагодна, мела карыслівы матыў. Менавіта яно з'яўляецца найбольш рэзанансным за ўвесь азначаны перыяд. Яго ахвярамі сталі дзве асобы – тытулярны саветнік Мадзялеўскі і яго кватарант адстаўны паручнік Кітляш. Ім абодвум былі нанесены несумяшчальныя з жыццём траўмы галавы. Акрамя таго злодзеі не пашкадавалі служанку Ганну, якая з аналагічнымі пашкоджаннямі ў цяжкім стане была дастаўлена ў акруговую лячэбніцу

Адно з самых рэзанансных забойстваў Гародні XIX стагоддзя так і не раскрылі, нягледзячы на тое што ў ім падазравалі сем чалавек. Цела ксяндза Любавецкага без галавы, рук і ног знайшлі ў туалете ў лютым 1843 года. Сярод падазраваных быў мужчына, які першы натыкнуўся на труп, асобы, якія нешта пазычалі ў святара або канфліктавалі з ім [4].

Найбольш верагодным забойцам з'яўляўся пажарны Антон Забельскі: супраць яго знайшлі больш за дзесяць абвінавачванняў. Чулі, як ён раней пагражаў ксяндзу, што яго «варта забіць ды на кавалкі пасекчы». У дзень забойства ён, напужаны, зранку прыбег у паліцэйскі ўчастак і запытаўся, што новага чуваць. Каля яго дома знайшлі сляды крыві. Аднак гродзенскі суд абвясціў такую пастанову: «Смерць ксэндза паследовала от убийства с отсечением от тела головы, рук и ног. По неоткрытию в том виновных по статье 1177 Свода уголовных законов представить воле Божией, пока впредь открыться не может». Пры гэтым суд пакінуў Забельскага «ў моцным падазрэнні». За пажарнага паручылася гродзенская хрысціянская грамада, інакш яго выслалі б у Сібір [4].

Яшчэ адно гучнае забойства адбылося ў красавіку 1816 года. Малая дзяўчынка Мар'яна Адамовіч выйшла на падворак і не вярнулася дадому. На наступны дзень яе цела знайшлі ў кіламетры ад дома з адрэзанай рукой. Вінаватых не знайшлі. Падазравалі, што забойства ўчынілі жыды і яно насіла рытуальны характар.

Аднак менавіта пасля гэтай справы Сенат, вышэйшая судовая ўстанова Расійскай імперыі, вырашыў больш не абвінавачваць жыхдоў у забойстве дзяцей хрысціян. У 1980 годзе ў Маскве выйшла кніга пра гісторыю Гродна ў мастацкім стылі, дзе ўзгадваецца забойства малой Мар’яны [4].

На тэрыторыі Гродзенскай губерніі дзейнічала Улажэнне пра пакаранні крымінальныя і папраўчыя 1845 года. Паводле дадзенага Улажэння, асноўнымі відамі крымінальных пакаранняў былі пазбаўленне ўсіх правоў стану і смяротнае пакаранне; пазбаўленне ўсіх правоў стану і спасылка на катаржныя работы; пазбаўленне ўсіх правоў стану і спасылка на пасяленне ў Сібір. Пазбаўленне ўсіх правоў стану азначае пазбаўленне асобы грамадзянскіх правоў, г.зн. маёмасных, сямейных, палітычных, саслоўных, службовых правоў. Улажэнне выдзяляе некалькі ступеняў катаржных работ (ад 4 да 6 гадоў, ад 6 да 8 гадоў, ад 8 да 12 гадоў, ад 15 да 20 гадоў і г.д.) [5].

Такім чынам, галоўным тыпам пакарання за здзяйсненне цяжкіх злачынстваў (забойства, разбой, буйны крадзеж, падпал, адсяканне рэкрутам пальца і т.п. уключаючы сюды распаўсюджаную ў тым ліку і на Гарадзеншчыне да 1861 г. практыку высылкі сялян па жаданню памешчыка) на працягу ўсяго XIX ст. з’яўлялася высылка (у Сібір на пасяленне, у крэпасць, на катаржныя работы, на заводы, у арыштанскія роты і г.д.) [6, с. 300]. Статыстычныя звесткі адносна ссыльных тычацца пераважна тэрыторыі ўсёй губерні і маюць адрывачны характар.

Разгледзім больш падрабязна адказнасць за некаторыя віды забойстваў.

За наўмыснае забойства аднаго з членаў сям’і (бацькі / маці) асоба несла адказнасць у выглядзе пазбаўлення ўсіх правоў стану і спасылкай на катаржныя работы без указання тэрміну.

Асоба, якая наўмысна пазбавіла жыцця цяжарную жанчыну, ведаючы пра яе становішча, будзе несці пакаранне ў выглядзе пазбаўлення ўсіх правоў стану і спасылкай на катаржныя працы ад 15 да 25 гадоў альбо без указання тэрміну.

Жанчына, якая наўмысна пазбавіла жыцця свайго пазашлюбнага дзіцяці (пакінула яго без неабходнай дапамогі), каралася пазбаўленнем усіх асаблівых і асабіста прысвоеных правоў і зняволеннем у турму.

У выпадку забойства асобы наўмысна, але без загадзя абдуманнага плана, асоба будзе падвяргацца пазбаўленню ўсіх правоў ста-

ну і спасылкай на катаржныя работы ад 15 да 20 гадоў. Калі забойства было здзейснена ў стане запальчывасці або раздражняльнасці ў адказ на цяжкае абразу пацярпелага, катаржныя работы будуць складаць ад 8 да 12 гадоў або ад 4 да 8 гадоў.

Забойства асобы памылкова замест іншага таксама прадугледжвала крымінальную адказнасць.

Падрыхтоўка да здзяйснення забойства, напрыклад, набыццё або выраб зброі прадугледжвала турэмнае зняволенне ад 8 месяцаў да 1 года.

Асоба, якая наўмысна нанесла іншай асобе цяжкія цялесныя пашкоджанні (без намеру на пазбаўленне яго жыцця), ад якіх гэта асоба памерла, нясе адказнасць у выглядзе турэмнага зняволенне ад 8 месяцаў да 2 гадоў з пазбаўленнем некаторых правоў. Акрамя гэтага, калі злачынец з'яўляецца хрысціянінам, то ён аддаецца царкоўнаму пакаянню.

У выпадку бойкі са смяротным зыходам адказнасць удзельнікаў была наступнай:

1) Калі дакладна вядома, кім менавіта былі нанесены смяротныя ўдары, то такая асоба ці асобы будуць прысуджаны да турэмнага зняволення ад 8 месяцаў да 1 года і 4 месяцаў з пазбаўленнем некаторых правоў;

2) Калі дакладна невядома, кім менавіта былі нанесены ўдары, якія прывялі да смяротнага зыхода, то завадатары бойкі нясуць адказнасць у выглядзе турэмнага зняволення ад 4 да 8 месяцаў, а ўсе астатнія ўдзельнікі бойкі – зняволенне ў турму ад 2 да 4 месяцаў.

Калі асоба без усякага намеру і неасцярожнасці пазбавіла жыцця іншую асобу, то злачынец не будзе несці ніякай адказнасці.

Асоба не будзе несці адказнасць за забойства ў наступных выпадках:

1) у выпадку самаабароны, абароны цноты або гонару жанчыны;

2) у выпадку забойства карантыннай вартай або прыватнай асобай чалавека, які ўцёк з карантыннай зоны (калі іншага спосабу спыніць яго не было);

3) у выпадку забойства лясной, памежнай або мытнай вартай асобы ў ходзе выканання сваіх абавязкаў;

4) у выпадку забойства каравульнымі або дазорнымі асобамі, якая напалп на іх або на маёмасць, якая знаходзіцца пад іх аховай;

5) калі забойства было наступствам выкарыстання зброі

ваеннымі, закліканымі для садзейнічання грамадзянскаму начальству, пры ўмове дакладнага і строгага выканання імі сваіх абавязкаў і без усялякага адступлення ад правілаў.

Самагубства, наўмыснае пазбаўленне сябе жыцця ці гвалт, накіраваны супраць сябе, таксама лічылася злачыннасцю і каралася [8, с. 315; 9, с. 69].

Згодна з артыкулам 1472 Улажэння 1845 года, асоба, якая наўмысна пазбавіла сябе жыцця і не ў стане вар’яцтва, а таксама не па прычыне якой-небудзь хваробы прызнаецца не маючай права рабіць перадсмяротныя распараджэння. Адпаведна, завяшчанне ў дачыненні да маёмасці прызнаецца нікчэмным. Калі ж асоба была хрысціянінам, то яна пазбаўляецца права хрысціянскага пахавання. Асоба, спроба якога пазбавіць сябе жыцця не ўдалася і пра гэта стала вядома, аддаецца царкоўнаму пакаянню.

Варта адзначыць, што самагубства не цягнула адказнасці калі асоба пазбавіла сябе жыцця, каб захаваць дзяржаўную тайну або ў іншых падобных выпадках, а таксама калі жанчына пазбаўляла сябе жыцця, каб захаваць цнатлівасць і гонар.

Скланенне асобы да самагубства таксама прадугледжвала крымінальную адказнасць. Бацькі або апекуны, якія шляхам злоўжывання сваёй уладай, заахвоцілі даручаную ім асобу да самагубства неслі адказнасць у выглядзе турэмнага зняволення ад 8 месяцаў да 1 года і 4 месяцаў.

Суіцыд стаў прадметам навуковага цікавасці ў Расійскай імперыі ў другой палове XIX стагоддзя. Ім зацікавіліся шматлікія навукоўцы: юрысты, статыстыкі, сацыёлагі, педагогі. Але найбольшы ўклад у даследаванне праблемы самагубства ўнеслі медыкі.

Беларускія землі (Віленская, Віцебская, Гарадзенская. Мінская. Магілёўская, Смаленская губерні), ставіліся да ліку рэгіёнаў з высокім паказчыкам самагубстваў. Аднак гэты паказчык не быў стабільным на працягу ўсяго перыяду пачатку XX стагоддзя.

Асаблівасю беларускай рэчаіснасці з’яўляўся высокі паказчык самагубстваў. На адзін жаночы суіцыд прыпадае 3-4 мужчынскіх суіцыда. [7, с. 240].

У гэты перыяд адбываліся важныя змены ў дынаміцы сялянскіх самагубстваў. У сярэдзіне перыяду іх адноснае колькасць значна зменшылася, але да яго завяршэння зноў ўзрасла.

Трэба адзначыць спосабы самагубства. Традыцыйна найбольш даступным спосабам суіцыду лічыцца павешанне. На беларускіх

землях яно выкарыстоўвалася ў палове выпадкаў. Папулярнасць гэтага спосабу лёгка растлумачыць наяўнасцю ў любым доме вяроўкі і месцы, куды можна яе прывязаць.

Кожнае пятае самагубства здзяйснялася з дапамогай агнястрэльнай зброі, даступнага ў той час розным катэгорыям насельніцтва. У першую чаргу ім карысталіся ваенныя і дваранства, аднак сярод сялян і мяшчан яно таксама не было рэдкасцю.

За дзесяцігоддзе з 1903 па 1912 год узрасла выкарыстанне ядаў як спосабу самагубства. Калі ў 1903 годзе такі спосаб выбіраў кожны дзесяты, то ў 1912 – ужо кожны чацвёрты самазабойца. Да гэтага дадамо, што атручванне з'яўлялася адным з самых ненадзейных спосабаў. Так, у Мінскай губерні ў 1912 годзе з 87 зафіксаваных атручванняў толькі 25 (28,7%) прывялі да смерці [7, с. 241].

Да катэгорыі «Іншыя спосабы» адносяцца, у асноўным, выпадкі наўмыснага падзення з вышыні і траплення пад цяжнік.

Перадсмяротныя пасланні пакінуў кожны чацвёрты гарадзенскі самагубца. Адзначым, што за гэты час не было зафіксавана аніводнага выпадку суіцыду сялян у горадзе. Габрэі фігуравалі ў падобных звестках двойчы. Дадзеная тэма патрабуе далейшага даследавання шляхам супастаўлення статыстычных звестак з іншымі гарадскімі цэнтрамі, а таксама правядзення параўнаўчага аналізу з дадзенымі папярэдняга і наступнага перыядаў. Магчымыя вынікі дазваляць казаць аб ступені «камфортнасці» пражывання ў горадзе, сацыяльных ды іншых «хваробах», уласцівых часу і рэгіёну, узростава-палавых і нацыянальных адметнасцях самагубцаў ды інш. [3, с. 144].

Такім чынам, вялікая колькасць забойстваў і самагубстваў здзяйснялася на тэрыторыі Гродзенскай губерніі. Галоўнай прычынай гэтага стала адмена прыгоннага права, а адпаведна большасць забойстваў здзяйснялі менавіта сяляне. Немалая колькасць забойстваў здзяйснялася ў дачыненні да нованароджаных – трупы дзяцей знаходзілі ў самых розных месцах. Жанчына, якая забіла свайго дзіцяці, прыцягвалася да крымінальнай адказнасці (у выглядзе турэмнага зняволення). Што тычыцца самагубстваў, то беларускія землі (Віленская, Віцебская, Гарадзенская. Мінская. Магілёўская, Смаленская губерні), ставіліся ды ліку рэгіёнаў з высокім паказчыкам самагубстваў. Большасць самагубстваў здзяйснялі менавіта жанчыны, якая нават магла не несці крымінальную адказнасць, калі яна забіла сябе, каб захаваць цнатлівасць і гонар.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Радзюк, А. Как выглядел криминальный мир в XVI и XIX веках / А. Радзюк // Белсат. – Режим доступа: <https://belsat.eu/ru/news/kak-vyglyadel-kriminalnyj-mir-v-xvi-i-xix-vekah/>. – Дата доступа: 12.02.2020.
2. Вароніч, Т. У. Дети в городской среде Беларуси последней трети XIX-начала XX в. / Т. У. Вароніч // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2017. – №2. – С. 5–8.
3. Гарадзенскі соцыум. Чалавек у прасторы горада. XV–XX стст. : Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гародня, 7–8 лістапада 2014 г.) / Пад рэд. А. Ф. Смаленчука і А. К. Краўцэвіча. – Мінск: Зміцер Колас, 2015. – 380 с.
4. Радзюк, А. Цікавыя факты пра злачыннасць у XIX стагоддзі: кантрабандысты хадзілі ў Ласосна, а вайскоўцы – ў публічныя дамы / А. Радзюк // Вечерний Гродно. – Режим доступа: <http://vgr.by/2016/02/07/tsikavyya-fakty-pra-zlachynnasts-u-khikh-stagoddzi-kantrabandysty-khadzili-lasosna-a-vajsko-tsy-publichnyya-damy/>. – Дата доступа: 12.02.2020.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: издание 1885 // Свод Законов Российской Империи: издание неофициальное. В 16 т. Т. 15. – С. Петербург: Деятель, 1912. – С. 1–202.
6. Радзюк, А. Чалавек за кратамі (гарадзенскія турмы і людзі ў іх у XIX ст.) / А. Радзюк // Гарадзенскі палімсест 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры. XVI–XX ст. – Мінск: Выдавец Зміцер Колас, 2011. – С. 295–328.
7. Гатальская Ксения. Самоубийства на белорусских землях в начале XX века / Ксения Гатальская // Деды. – 2011. – № 8. – С. 237–249.
8. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 646 с.
9. Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20-го ноября 1864 года. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 896 с.

The article is dedicated to the murders committed in the Grodno province. The reasons as well as the motives for the murders are analyzed. It also contains some examples of the most famous murders in Grodno. Responsibility for the killings was assigned in accordance with the provisions of the Criminal and Correctional Penal Code of 1845. The type of murder is suicide, the legal analysis and examples of which are also contained in the article.

Навуковы кіраўнік – С. У. Сілава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы; В. М. Козел, магістр юрыдычных навук, старшы выкладчык кафедры крымінальнага права і крыміналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

П. П. Мишкун*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»***К вопросу определения национальной
идентичности эмигрантов из Беларуси в США в
XIX – начале XX вв.**

В статье рассмотрена проблема определения национальной принадлежности белорусов-эмигрантов в Соединённые Штаты Америки в XIX – начале XX вв. Подробные выявлены причины регистрации белорусов под иной национальностью. Сделаны попытки определить на конкретных примерах и общих статистических данных основные тенденции определения и отношение североамериканских стран к национальности мигрантов из Российской Империи в этот период.

XIX и XX начало века на территории Беларуси был очень непростым периодом для населения. Принудительная ассимиляция, тяжелое экономическое положение, войны и революции, всё это способствовала тому факту, что большое количество жителей нашего края отправлялись в поисках лучшей доли в другие страны. Популярными для эмиграции страны из Российской Империи были: Франция, Германия, Болгария. После первой мировой и гражданской войн волны эмигрантов направлялись в Чехословакию, Китай, Финляндию, Германию, Швейцарию и ряд других стран. Но конечно главным местом куда направлялись мигранты, не только из Российской Империи, но и со всего старого света, в исследуемый период была Северная Америка и в особенности Соединённые Штаты Америки.

Миграция в США была обусловлена множеством факторов: Во-первых – практиковалось довольно легкое получение гражданства, так как в начале XIX века, когда президентом США стал Томас Джефферсон, был отменён закон, принятый в следствии страха перед французской революцией и повторении её в США «О праве президента депортировать представлявшего угрозу для США» [4, с. 29]. И не смотря на ужесточение миграционной политики в связи с экономическим кризисом в 1819-1820 гг, условия для получения гражданства и права гражданина были всё ещё куда либеральнее чем в большинстве стран старого света. Следующий фактор экономическая выгода, также важными факторами являлись социальная мобильность в США, относи-

тельная стабільнасць у краіне і абиліе грамадзянскіх прав як на федэральным, так і на ўзроўні асобных штатаў.

Ряд гэтых пераваг наряду з цяжэлай эканамічнай і палітычнай сітуацыяй на беларускіх землях падстрэкнуў не мала людзей эміграваць. Амерыканскі даследчык Томас Арчдыкон у сваёй кнізе «*Becoming American: An Ethnic History*» указваў лічбу ў 3,4 мільёна ўсходніх славян, прыехавшых у штаты ў перыяд 1899-1924. Там жа ён указваў на тое, што аб’яднаць усіх славян ў адну групу непраўльна з-за культурных, тэрытарыяльных і рэлігійных адрозненняў» [1, с. 125]. В. Кіпель, ссылаючыся на Руско-Амерыканскі вестнік 1914 года, называў лічбу ў 200.000 чалавек за перыяд з 1902-1914 год, усе з якіх былі прыняты і запісаны як рускія, хоць гісторык падкрэпліваў, што ўваходзілі гэты імігранты з велікоросаў, малоросаў і беларусаў [2, с. 31]. Гэта толькі некаторыя з многіх прыкладаў, сустракаемых як у амерыканскіх, так і рускіх крыніцах.

Із гэтага і выцякае разглядаемая мною праблема: чаму мноства беларускіх эмігрантаў якія гаворылі на беларускім і жылі на тэрыторыі Беларусі запісваліся як рускія? На гэты пытанне нельга даць адназначны і дакладны адказ, але ўсё жа можна выдзяліць групу фактараў, якімі гэта было ўзбуджана.

Першым фактарам можна назваць рэлігію. Большасць мігрантаў з Расійскай Імперыі ісповедавалі дзве асноўныя рэлігіі – Хрысціянства і Іудаізм. Касальна другой групы эмігрантаў пытанняў не ўзнікае, т.к. гэта былі евреі, спасавшыся ад пагромаў, якія ў тое час часта ўспыхвалі, як у Расійскай Імперыі, так і, напрыклад, у Аўстро-Венгрыі. Католіцтва на еўрапейскіх тэрыторыях Расійскай Імперыі ісповедавалі полякі, беларусы, літоўцы, латышы і невялікі працэнт украінцаў [3]. Агульная лічбаснасць прыхільнікаў Рым-католічнай царквы была 11.467.994 чалавек. Праваслаўе ісповедавалі таксама рускія, беларусы, украінцы, іх лічбаснасць была 87.123.604 чалавек. І пры вызначэнні этнічнай прыналежнасці мігрантаў у ЗША, та рэлігія якую яны ісповедавалі іграла не малае ролю, так як бюракратычны апарат ЗША запісваў тых славян, якія ісповедавалі католіцызм, як полякаў. Гэта магло быць выклікана сур’ёзнай хвалой польскіх эмігрантаў-католікаў у ЗША з усходніх тэрыто-

рий Пруссии в 1890-е гг [1, с. 126]. Ссылаясь на это, чиновники США, встретив волну эмиграции поляков из западных губерний Российской Империи, массово начавшихся при Александре III и Николае II, ввиду близости регионов и того факта, что большая часть иммигрантов действительно были поляками, записывали почти всех славян, исповедующих католицизм как поляков, хотя среди них было не мало белорусов и украинцев. Аналогичное положение было и у исповедующих православие жителей Российской Империи, только они записывались как русские.

Вторым фактором будет являться язык на котором говорили эмигранты. Для этого также важно упомянуть, что в исследуемый период шли активные действия по русификации регионов Беларуси, Украины и Польши, ставшие особенно жёсткими после подавления восстания 1863-64 гг. А не малая часть белорусских и украинских земель уже долго находились в составе Российской Империи и были частично русифицированы. Из этого можно сделать вывод о том, что помимо подавляющего религиозного вытеснения, мы встречаем ещё и языковую ассимиляцию, что давало ряд оснований чиновникам и бюрократам США ставить эмигрантов из западных земель в один культурный ряд с русскими, отчасти благодаря владению общим языком. Тогда же как близкие к Польше и отчасти католические западные губернии были населены и не малым процентом польскоговорящего или владеющего польским языком населения в совокупности с описанным выше религиозным фактором они не редко попадали в список поляков.

Третьим фактором является слабое национальное самосознание в исследуемый период. Несмотря на то, что уже и в исследуемый период у белорусского народа были предпосылки к формированию национального самосознания, идентичность белорусов оставалась на очень низком уровне. По данным переписи 1897 года родной язык 44% опрошенных в Гродненской губернии – белорусский, что создавало фундамент для развития национальных процессов в белорусском регионе[3]. Однако по сравнению с русским или польским национальным проектом, которые к этому времени уже имели многовековую традицию, зарождающееся национальное самосознание белорусов, в условиях отдалённости от родины, не могло выдержать конкуренцию.

Четвёртый фактор – региональный. Он также играл свою немалую роль в определении этнической принадлежности белорус-

сов. В зависимости от того откуда выехал человек зависела его национальная принадлежность. Так, например, мигранты из восточной Беларуси помечались как русские, тогда как мигранты из пограничных западных губерний, например, Виленской, имели высокий шанс быть принятыми как поляки.

Эти четыре основных фактор оказали ключевое влияние на то, почему этнически белорусов отмечали как русских или поляков, что имеет очень большие последствия и по сей день. Так, например, эта особенность очень сильно влияет на изучение белорусской диаспоры сегодня. Белорусская диаспора в США насчитывает около 600.000 белорусов, однако точно определить это невозможно как раз по той причине, что огромное белое пятно на белорусской иммиграции до сих пор не позволяет точно определить сколько белорусов въехало в США в первый период становление белорусской диаспоры. Так же это оказывает влияние и на белорусскую историческую науку – исследователи судьбы белорусов в США часто сталкиваются с тем фактом, что следы человека, покинувшего Российскую Империю обрываются, при въезде в США. Конечно всё ещё актуален поиск по фамилиям, однако многие эмигранты принимают решение о смене имени или фамилии при въезде в другую страну, таким образом след нашего соотечественника теряется, и причина тому долгое отсутствие самого термина «белорус» при ведении миграционной статистики в США в первой половине XX века.

Таким образом можно отметить, что не смотря на сложность определения национальной принадлежности первых белорусских эмигрантов до сих пор скрывает от исследователей ряд ответов, тем не менее в последнее время проводится ряд исследований, и всё больше учёных из США и Беларуси интересуются темой белорусской эмиграции и её истории. Это без сомнения даёт надежду на то, что в ближайшие годы будут появляться новые исследования в этой области и шаг за шагом нам удастся составить полную картину эмиграции в Соединённые Штаты Америки, изучить культурное и социальное влияние белорусов в США, как на саму страну, так и на свою родину из-за рубежа.

Список источников и литературы

1. Archdeacon, T. J. Becoming American: An Ethnic History / T. J. Archdeacon. – Б.и.: 1984. – 297 p.
2. Кіпель, В. Беларусы у ЗША / В. Кіпель; навук. рэд. Н. Гардзіенка; прадм. Л. Юрэвіча. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 632 с.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н. А.Тройницкого. т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – С.-Петербург, 1905. Таблица XII. Распределение населения по вероисповеданиям.
4. Филиппов, С. В. США. Иммиграция и гражданство / С. В. Филиппов. – Москва: АН СССР. Ин-т Соедин. Штатов Америки, 1973. – 203 с.
5. Прачана, Л. Беларуская Амерыка / Л. Прачана. – Мінск: Полымя, 1994. – 415 с.

In this article I'd like to review the problem of determination of the nationality of Belarussian emigrants in the United States of America. Examine the reasons for registration Belarussians under different nationality. Also using specific examples the consequences of that registration in the field of Belarussian science and history of Belarussian emigration.

Научный руководитель – А. С. Горный, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94(476)

І. Д. Савельева

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

Грунвальд у творчасці Яна Матэікі

Дадзены артыкул прысвечаны тэме Грунвальдскай бітвы ў творчасці Яна Матэікі. Разглядаецца ўнікальнасць карцін польскага мастака на тэму Грунвальда і змест яго палоген.

Польскі мастак Ян Матейка вядомы перш за ўсё сваімі шматлікімі карцінамі на гістарычныя тэмы. І гэта не выпадкова. Узмоцненая цікавасць да гістарычнага жанру наогул характэрна для жывапісу амаль усіх усходнееўрапейскіх народаў, якія ў XIX стагоддзі вялі мужнюю барацьбу за сваю дзяржаўнасць і нацыянальную незалежнасць. Польшча, Чэхія, Балгарыя, Венгрыя, Румынія, Сербія вылучаюць цэлую плеяду выбітных летапісцаў іх гістарычнага мінулага. Гэта не было ўцёкамі ад рэчаіснасці, сыходам ад надзённых пытанняў бягучага дня. Нагадваючы аб гераічных, велічных падзеях нацыянальнай гісторыі, мастакі абуджалі ў сваіх сучаснікаў патрыятычныя пачуцці, умацоўвалі іх нацыянальную самасвядомасць, гонар

за сваіх продкаў і свой народ. Гістарычны жывапіс становіўся ідэалагічнай прыладай прыгнечаных народаў. У карцінах пра “ўчора” становіліся і вырашаліся самыя хваляючыя і актуальныя праблемы “сёння” і “заўтра”.

Радзіма Матейкі – Кракаў, тут, на Фларыянскай вуліцы, ён нарадзіўся 24 чэрвеня 1838 года; тут прайшло ўсё яго жыццё, тут ён і памёр. Яго бацька, Францішак Матейка, чэх па нацыянальнасці, быў сціплым настаўнікам музыкі; маці памерла, калі Яну было ўсяго сем гадоў [2, с. 5].

З ранніх гадоў Матейка выходзіў у атмасферы дэмакратычных і патрыятычных ідэалаў. Два яго старэйшыя браты – Эдмунд і Жыгімонт – актыўна ўдзельнічалі ў рэвалюцыйных падзеях 40-х гадоў і былі вымушаныя эміграваць. У 1849 годзе Жыгімонт загінуў, змагаючыся на баку венгерскіх паўстанцаў. Трэці брат, Францішак, быў па адукацыі гісторык і шмат спрыяў абуджэнню цікавасці будучага мастака да мінулага яго радзімы [2, с. 6].

З першых свядомых крокаў у мастацтве Матейка выбірае жанр гістарычнага жывапісу. І ўжо тады ён закладвае падмурак сваёй фэнаменальнай эрудыцыі ў галіне гісторыі і побыту даўняй Польшчы. З дзіўнай настойлівасцю вывучае ён дзясяткі і сотні кніг, гістарычных хронік і летапісаў, цэлыя дні праводзіць у багатейшай бібліятэцы Ягелонскага ўніверсітэта. Альбом адзін за адным пакрываюцца хуткімі, але вельмі дакладнымі і падрабязнымі замалёўкамі. Мастак пакінуў нам велічэзны (больш за дзве тысячы лістоў) сход такіх дакументальных замалёвак, які ён называў сваім «слоўнікам» або «Малой скарбніцай».

Гады фармавання творчай індывідуальнасці Матейкі супалі з вельмі складаным, напружаным і супярэчлівым перыядам у гісторыі Польшчы і яе нацыянальнай культуры.

Асабліва цяжкая і складаная абстаноўка склалася ў польскім гістарычным жывапісу. Калі ў партрэце, пейзажы і бытавым жанры рэалістычныя тэндэнцыі так ці інакш прабівалі сабе дарогу, то ў галіне гістарычнага жывапісу, які лічыўся найбольш высокім і годным жанрам выяўленчага мастацтва, панавалі састарэлыя, выхалашчаныя каноны псеўдакласіцызма, сюжэты і антычнай і хрысціянскай міфалогіі, вобразы і тэмы, бясконца далёкія ад рэальнага жыцця і надзённых патрэбаў сучаснасці. Больш за тое, не толькі ў польскім але і ва ўсім еўрапейскім мастацтве не было тады сапраўды буйных гістарычных жывапісцаў.

У гістарычным жывапісу даўжэй, чым у іншых жанрах, панавалі рамантычная эстэтыка і акадэмічныя каноны. Сапраўдная гісторыя – гісторыя народных мас і сацыяльных рухаў – падмянялася праслаўленнем “герояў” і выдатных асоб ці ж плоскім гісторыка-бытавым анекдотам.

Эскізную працу над «Грунвальдам» мастак пачаў яшчэ ў 1874 годзе. Гэты твор цалкам паглаціў Матейку на працягу некалькіх бліжэйшых гадоў. Карціна была скончана і выстаўлена ў 1878 годзе і менавіта гэты год стаў пачаткам найбуйнейшага трыумфу мастака ў сваёй Айчыне і за яе межамі. Мастак у ходзе падрыхтоўкі да працы над карцінай пачаў цікавіцца канямі, прадстаўленымі ў моцным руху і ў складаных эвалюцыях. Адначасова, Матэйка рабіў партрэтныя замалёўкі, маляваў дэталі розных відаў узбраенняў і інш. У пошуках трапнага рашэння кампазіцыі Матэйкі зачытывалася гістарычнымі творамі, нярэдка крыніцамі і, перш за ўсё «летапісам» Бельскага, вывучаў Апісанне Грунвальдскай бітвы, складзенае гісторыкам Янам Длугашам. Для таго каб цалкам авалодаць гістарычнай праўдай, мастак асабіста наведаў поле бітвы пад Грунвальдам і Танненбергам. Ужываўся ў атмасферу бітвы і не стамляўся ў пошуках чалавечых тыпаў, якія адказвалі яго бачанню грунвальдскіх герояў: Вітольда, Завішы Чорнага, або Жыжка з Троцнова. Яе памеры 426 × 987 см. Знаходзіцца ў Нацыянальным музеі ў Варшаве [2, с. 15].

Няма іншай гэтак моцнай па ўражанню карціны вялікай гістарычнай бітвы. На аснове традыцый батальнага жывапісу позняга рэнесансу і барока, Матэйка стварыў карціну са сваеасаблівым падыходам да тэмы, ўзятай з гісторыі свайго народа. “Грунвальд” не з’яўляецца апафеозам адных толькі асобна ўзятых герояў і правадыроў. Герой карціны – гэта агульнае намаганне чалавечых мас, невядомых герояў з гушчы народа. Простыя войны на гэтай карціне ўвасабляюць пышную маніфестцыю неадольнай моцы славянскіх народаў, аб’яднаных у барацьбе за агульную справу.

На вялікім палатне дзесяткі фігур. Кіпіць лютая бітва; сапраўды «змяшаліся ў кучу коні людзі». Адным поглядам цяжка ахапіць гэтую каласальную панараму. Глядач як бы трапляе ў самую гушчу бітвы; з усіх бакоў абступае яго пешыя і конныя войны, намалёваныя ў натуральную велічыню. Карціна Мацейкі дзівіць і дзівіць сваімі маштабамі. Мастак прадставіў

не які-небудзь асобных эпизод бітвы, а менавіта ўсю бітву пад Грунвальдам. Ствараецца ўражанне, што ёй няма канца, што яна працягваецца далёка і направа, і налева, і наперадзе гледача, і ззаду яго. Ваеначальнікі змяшаліся з радавымі ваярамі. У цэнтры – вялікі князь Вітаўт з высока паднятым мячом і шчытом. Ледзь правей – магутная фігура спешанага чэшскага палкаводца і палітычнага дзеяча, з бяднелай шляхты з мястэчка Троцнаў (Паўднёвая Чэхія), які правёў шмат гадоў наймітам за мяжой, нацыянальны герой чэскага народа, будучага героя гусіцкіх войнаў – Яна Жыжка і харунжы кракаўскі Марцін з Вроцімовіц, рыцар герба Полукозы. А ў другім баку люта адбіваецца Вялікі магістр Ордэна Ульрых фон Юнгінген. Двое воінаў-адзін з баявой сякерай, а другі з пікай у руцэ – вазнеслі над ім сваю зброю; у вачах магістра застыў перадсмяротны жак. Цікавы факт : чалавек у львінай скуры, які б’е магістра, трымае ў руках Дзіду Лонгіна – адно з гармат Мукі, піка, якую рымскі воін Лонгін ўсадзіў у падрабынні Ісуса Хрыста, укрыжаванага на Крыжы. Далей па левым баку спяшаецца яму на дапамогу князь шчэцінскі Казіміж Імчыцца ён на чорным кані, у шлеме з паўлінавымі пёрамі. Абаронцу, аднак, атакуе польскі рыцар з дзідай – Якуб Скарбік – пасол караля Ягайлы. Лучнік схопіў за лейцы каня, на якім сядзіць князь Казіміж. У верхнім правым вуглу можна ўбачыць Ягайла са світай.

Збоку ля загінуўшага крыжацкага магістра можна ўбачыць барадатага старца. Гэта камандор эльблонгскі Вернер Тэтынген. У сярэдзіне, унізе карціны ляжыць вялікі камандор Конрад Ліхтэнштэйн – вялікі комрут і адзін з пяці намеснікаў у правінцыях Ордэна, які памірае [1, с. 49].

З левага боку ўверсе, за князем Вітаўтам ідзе барацьба за нямецкую харугву, якую паляк выдзірае ў немца. Затое па правым баку можна ўбачыць рыцара з польскім штандарам. Гэты сцяг горда лунае на ветры, у той час, калі нямецкі ваяр хіліцца да зямлі. Што з’яўляецца сімвалам канчатковай перамогі палякаў.

Іншы воін накінуў на шыю аркан рыжабародага Маркварда фон Зальцбаха – рыцар Тэўтонскага ордэна, які іграў значную ролю ў адносінах паміж Ордэнам і Вялікім княствам Літоўскім у 1389-1410 гадах. Кашталян замка трапіў да Вітаўта ў палон. Стаў блізім сябрам і дарадцам князя. Вярнуўшыся ў Прусію і зноў набыўшы свабоду, Марквард заняў пасаду комтура замка Рагна. Дзякуючы набытым знаёмствам і веданню літоўскай

мовы, у Ордэне ён лічыўся буйным экспертам па літоўскіх справах – яго конь падае якраз у той час, калі сам камандор ахоплены канатам татараў. Тут і Конрад Белы – прадстаўнік сілезскай лініі польскай дынастыі Пястаў. Знаходзіўся пры польскім каралеўскім двары ў Кракаве, дзе выконваў абавязкі пажа другой жонкі Ягайлы. Насуперак пазіцыі свайго бацькі, у 1409 годзе пакінуў кракаўскі двор і падтрымаў Тэўтонскі ордэн, у 1410 годзе прыняў удзел у бітве пад Грунвальдам, падчас якой трапіў у польскі палон. У чэрвені 1411 года быў выкуплены з польскага палону сваім братам Конрадам V Кацкім. Пасля свайго вызвалення з палону перастаў падтрымліваць ордэн і ў 1414 году разам з Конрадам V і іншымі князямі ўдзельнічаў на баку Польшчы ў новай вайне супраць Тэўтонскага ордэна, прымаючы асабісты ўдзел у кампаніі на баку польскага караля, і Мікалай Скунароўскі, і Марцін з Вроцімовичей, і комрут фон Плаўен – дваццаць сёмы Вялікі магістр Тэўтонскага ордэна з вялікім белым крыжам на плашчы, і Завіша Чорны – польскі шляхціц і рыцар, служыў салдатам і дыпламатам за польскім каралём Уладзіславам II і венгерска-багемскім каралём, прадстаўлены ў фіялетавым убранні, без шлема; атакуе, узброены турнеевай дзідай Жыгімонтам Люксембургскім. Ідзе страшны бой. То тут, то там падаюць пабітыя воіны і коні. А прама пад капытамі ўздыбленага, хрыплівага каня Вітаўта схапіліся на зямлі два воіны [1, с. 50].

У “Бітве пад Грунвальдам” усё дзіўна: і яе памеры, і кампазіцыя, і каларыт, пабудаваны на моцных кантрастах і дэкаратыўных супастаўленнях яркіх і цёмных, насычаных і прыглушаных плям, і агульнае ўражанне, і асобныя вобразы, такія жывыя, пластычныя, экспрэсіўныя, якія амаль непраўдападобна адчуваюцца. Не можа не дзівіць каласальная падрыхтоўчая праца, укладзеная ў гэтую карціну, але яшчэ больш – сіла ўяўлення мастака, які здолеў так рэальна і драматычна прадставіць нам далёкую гісторыю і яе герояў. Падзея разгортваецца ў адным прасторавым плане: перад глядачом паўстае адзіная, суцэльная сцэна. Далёкія і блізкія прадметы і фігуры, нягледзячы на розную аддаленасць, напісаны з аднолькавай дбайнасцю, аднолькавай сілай і інтэнсіўнасцю жывапісу. У той ці іншай ступені гэтыя якасці ўласцівыя большасці шматфігурных палотнаў Матэйкі [1, с. 52].

Вось што рускі мастак І.Рэпін пісаў аб гэтай карціне: «...Ма-

тэйка ўжо залішне добрасумленен, нават у шкоду сабе. Маса пераважнага матэрыялу ... напрыклад у «бітве пры Грунвальдзе», нават перашкаджае агульнаму ўражанню...вакол, ва ўсіх кутах карціны, так шмат цікавага, жывога, якое крычыць, што проста зьнемагаеш вачыма і галавой, успрымаючы ўсю масу гэтай каласальнай працы. Няма пустога мястэчка; і ў фоне і ўдалечыні-усюды адкрываюцца новыя сітуацыі, кампазіцыі, руху, тыпы, выразы. Гэта здзівіць як бяскончая карціна сусвету, па меры таго як напружваецца глядзельная апарат назіральніка» [3, с. 386–387].

І далей “Так, карціны Матейкі трэба вывучаць, хоць вялікую асалоду дастаўляе сузіранне і кожнага кавалка яго карціны. Выражыце любы кавалак-атрымаеце выдатную карціну, поўную драбнюткіх дэталей; так, гэта-та, вядома, робіць цяжкім агульнае ўражанне ад каласальных палотнаў... так, у малюнках патрэбны фоны. Патрэбны прасторы для адпачынку вачэй і для прастору галоўных фігур. Кажуць, блізарукасць аўтара была прычынай такой працы, – магчыма. Вялікая тэхнічная памылка гэтага магікана гістарычнага жывапісу ў тым, што ён рашуча ўсюды – на ўсіх планах і ва ўсіх кутах карціны – падрабязна заканчвае ўсе дэталі ўсіх прадметаў з аднолькавай запалам і любоўю. Найменшыя паўтоны, якія бачныя ў натуры толькі пры доўгім разглядзе якога-небудзь кавалка, – жылы на руках, ногі, бляск на іх, усё драбнюткія пералівы, рэфлексы ад усіх прадметаў, часта нават у перабольшанай дозе – усё падкрэслена... Я думаю, гэта проста недахоп зроку – блізарукасць жывапісца – быў таму прычынай. Адсоўваючыся трохі ад сваёй карціны, ён ужо цьмяна ўспрымаў напісанае і таму наўмысна ўзмацняў усе дробязі. Але з якой любоўю, з якой энергіяй намаляваныя ўсе асобы, рукі, ногі; ды і ўсё, усё! ..Нельга не здзіўляцца гэтай гіганцкай вытрымцы, гэтаму бяспрыкладнаму цяпленню. Такое стаўленне магчыма толькі пры гарачай любові да мастацтва!» [3, с. 386–387].

У 1939 годзе, калі Польшча пала пад націскам танкавых калон Гудэрыяна, карціна стала асабліва небяспечнай. Немцы хацелі знішчыць яе, але не ўдалося. Пасля паражэння Польшчы люблінскае гестапа распачало інтэнсіўныя пошукі карціны. Міністр прапаганды Трэцяга Рэйха Ёзеф Гебельс прызначыў узнагароду ў 2 000 000 нямецкіх марак за знаходку палатна ці звестак пра месца яго знаходжання. Таямніцу ведалі толькі некалькі патрыётаў. Восенню 1939 года (7 верасня), калі нем-

цы былі недалёка ад Варшавы, палякі знялі палатно са сцяны ў сталічным Нацыянальным музеі. Шэдэўр добра спакавалі (накруцілі на драўляны вал даўжынёй у пяць метраў) і вывезлі ў Люблін. У мясцовым музеі вал паставілі на падпоркі і ўсё гэта няхітрае збудаванне абшылі дошкамі так, што з боку здавалася, быццам гэта прылавак з кнігамі. Побач з гэтым «саркафагам для карціны» выставілі паліцы з кнігамі. Нямецкія агенты наведвалі музей, але ніхто з іх так і не здагадаўся, што ў драўляным корабе уладкаваны схованку.

У 1941 годзе музей немцы хацелі абсталяваць пад штаб вайскавай часткі. Прышлося тэрмінова перапрацтваць палатно. Шэдэўр вывезлі на спецыяльнай возе, даўжынёю якой амаль у тры разы прыйшлося павялічыць. Так пад саламяным стогам «Грунвальдскую бітву» вывезлі ў хлёў трамвайнага парку, дзе і схавалі ў загадзя выкапаную яму. Тры гады ў гэтым памяшканні потым немцы ўтрымлівалі коней, але нічога не выявілі.

Толькі на зыходзе другой сусветнай вайны выжылыя патрыёты расказалі Польшкаму Камітэту Нацыянальнага Вызвалення, дзе схавана праца Матэйкі ў Любліне. Працоўным прыйшлося нямала папрацаваць, каб выцягнуць скрутак з хлява. Патрабавалася збіць бетон, якім была залітая яма, затым выдаліць зямлю.

18 кастрычніка 1944 года твор Яна Матейкі паступіў да рэстаўратараў, якія былі здзіўлены станам палатна, якое моцна пацярпела ад празмернай вільготнасці. Патрабаваліся тэрміновыя рэстаўрацыйныя работы. Сумеснымі намаганнямі супрацоўнікаў маскоўскай Траццякоўскай галерэі і польскіх спецыялістаў карціну вярнулі да жыцця.

Варта надаць увагу яшчэ адной карціне Яна Матейкі на тэму Грунвальду – «Уладзіслаў Ягела на полі бітвы ў Грунвальдзе». Карціна напісана ў стылі рамантызма, у жанры батальнага жывапісу. На ёй намалюваны вынік бітвы – разгром ордэна і забойства магістра Ульрых фон Юнгінгена. Мастак выкарыстаў цмяную каляровую гаму, што здраджвае настрой дадзенага сюжэту – жалобу, прыгнечанасць з боку рыцараў ордэна. У параўнанні з «Грунвальдскай бітвай» карціна не такая дэталізаваная. Персанажы прамаляваныя слаба, хто ёсць хто, можна зразумець калі толькі паглядзець на тое, у чым яны апрануты. Можна зрабіць выснову што карціна не з’яўляецца паўнаважнай скончанай, гэта як накід, які аўтар не паспеў ці не

змож скончыць. Візуальна, палатно падзяляецца на дзве часткі: правая – пераможныя рыцары падушаныя сваёй няўдачай, схіляюць калена перад загінулым магістрам і пераможцамі – левая – стаіць велічны Ягайла, які паблагліва глядзіць на загінулага Ульрыху і яго рыцараў, за спіной польскага караля можна заўважыць яго войнаў якія стаяць з паднятымі мячамі ў знак перамогі ў гэтай цяжкай бітве. Аўтар як і ў выпадку з «Грунвальдскай бітвай» не адыходзіць ад свайго стылю і запаўняе палатно адносна вялікай колькасцю персанажаў, акцэнтуючы ўвагу на двух цэнтральных – Ягайла і Ульрых.

Такім чынам, працу над тэмай Грунвальду Матейка лічыў свядомым патрыятычным подзвігам. Сіла мастака – у яго дзіўнай здольнасці аднаўляць мінулыя эпохі ва ўсёй іх жыццёвасці і непаўторнай канкрэтнасці. Але галоўнае ў творчасці – яго грамадзянская ідэйнасць, нацыянальны гонар і гарачы патрыятызм. Велічэзнае палатно, створанае майстрам у 1872-1878 гадах, павінна нагадваць палякам, беларусам і літоўцам аб слаўнай перамогі караля Ягайлы і князя Вітаўта.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Островский, Г. С. Ян Матейко : моногр. очерк / Г. С. Островский. – Москва: Искусство, 1965. – 127 с.
2. Стажинский, Ю. Ян Матейко / Ю. Стажинский; пер. с польского Е. К. Шпак. – Варшава: Аркады, 1973. – 270 с.
3. Репин, Е. И. Далекое близкое / Е. И. Репин. – Москва: Искусство, 1953. – 520 с.

This article is devoted to the theme of the Battle of Grunwald in the works of John Matejko. The uniqueness of the paintings of the Polish artist on the theme of Grunwald and the content of his canvases are considered.

Навуковы кіраўнік – С. В. Марозава, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

Дадатак 1 – «Грюнвальдская битва» (маст. Ян Матэйка, 1874 г.)

*Дадатак 2 – «Владислав Ягелло на поле битвы Грюнвальда»
(маст. Ян. Матэйка, год невядомы)*

М. Я. Шукайла

ДУА «Сярэдня школа №7 г. Ваўкавыска»

Кастусь Каліноўскі ў гістарычнай памяці народа

Артыкул прысвечаны постаці Кастуся Каліноўскага як нацыянальна-гістарычнага героя. Вызначэнне месца яго асобы ў гісторыі Беларусі і значэння для сучасных беларусаў як нацыі. Адзначана, што дзейнасць Кастуся Каліноўскага як лідэра паўстання 1863-1864 гг. ўшаноўваецца на сучасным этапе. Аўтар артыкула зрабіла выснову аб развіцці гістарычнай памяці і адносінаў да гістарычных постацяў беларускай гісторыі на дадзеным адрэзку гістарычнага працэсу станаўлення дзяржаўнасці беларускага народа.

Гістарычная памяць народу пра Кастуся Каліноўскага фармуецца пад уздзеяннем гістарычных даследаванняў і палітыкі ў галіне гістарычнай памяці. Мемарыялізацыя яго асобы, распачатая ў XX ст., была спыненая ў пачатку XXI ст. у сувязі з асаблівасцямі афіцыйнай беларускай ідэалогіі. Тым не менш, вобраз Каліноўскага захоўваецца і папулярнызаецца праз правядзенне выставаў, выданне артыкулаў і даследаванняў гісторыкаў, праз грамадскія ўзаемаадносіны. Кіраўнік паўстання ўспрымаецца большай часткай насельніцтва як нацыянальны герой, які заслужана атрымаў свае месца на п'едэстале беларускіх нацыянальных дзеячаў, хоць таксама праяўляюцца ўплывы супрацьлеглай гістарычнай канцэпцыі.

Разам з успрыманням К. Каліноўскага як нацыянальна-культурнага дзеяча існуе меркаванне аб яго разбуральнай ролі ў гісторыі Беларусі. Не ўсе грамадзяне Беларусі, на жаль, ведаюць пра Каліноўскага і тое, што ён зрабіў дзеля вызвалення Беларусі ад прыгоннага ладу жыцця, дзеля нацыянальнага самавызначэння. Дзяржаўная канцэпцыя прызнае ролю Каліноўскага ў гісторыі беларускага грамадска-палітычнага руху, але не ўзвышае яго да ўзроўня героя [5, с. 15–17].

К. Каліноўскі стаў для беларусаў «месцам памяці», бо на дадзены момант вядзецца даследаванне яго біяграфіі, дзейнасці, ідэй, іх інтэрпрэтацыя, вызначэнне месца яго асобы ў гісторыі Беларусі і значэння для сучасных беларусаў як нацыі. К. Каліноўскі стаў аб'ектам увагі гісторыкаў, палітыкаў, пісьменнікаў і паэтаў, мастакоў, публіцыстаў, якія імкнуцца рознымі спосабамі стварыць і актуалізаваць яго вобраз. Канцэптэуальнае афармлен-

не вобраза напрамую залежыць ад суб'ектыўных фактараў яго стваральнікаў: палітычных поглядаў, маральных каштоўнасцяў. [5, с. 18–21].

Гістарычная памяць можа выступаць як фактар, які спрыяе ўмацаванню беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці, калі сацыяльныя ўяўленні пра мінулае носяць узгоднены характар. Але яна можа таксама спараджаць і акрэсленыя канфлікты ў нацыянальнай самасвядомасці. Адпаведна ўзгодненыя ўяўленні пра вызначаныя гістарычныя перыяды ці падзеі спрыяюць кансалідацыі нацыянальнай ідэнтычнасці, у той час як канфліктныя інтэрпрэтацыі гісторыі прыводзяць да аслаблення беларускай ідэнтычнасці [2, с. 14–19].

Стварэнне нацыянальнай гісторыі як адзінага корпуса ведаў з вызначаным наборам сюжэтаў, тэм і персаналій, якія неабходна ведаць, спрыяе стварэнню агульнай камунікатыўнай прасторы для ўдзельнікаў нацыянальнай супольнасці, дазваляючы знаходзіць «агульную мову», фарміруючы фон для сумеснага сацыяльнага дзеяння. Таму сфармаваная нацыя валодае сваім колам нацыянальных герояў, узгодненасць успрымання нацыянальных гістарычных дзеячаў у масавай свядомасці дае магчымасць казаць пра моцную і ўстойлівую нацыянальную ідэнтычнасць [6, с. 260].

Вобраз К. Каліноўскага ў калектыўнай памяці нашых сучаснікаў, іх розных груп (узроставых, прафесійных і інш.) фарміруецца інтэлігенцыяй і залежыць ад таго, як яе прадстаўнікі адказваюць на пытанне адносна залічэння яго да ліку нацыянальных герояў Беларусі [дадатак 4].

У Беларусі стаіць адзін бюст К. Каліноўскаму, выкананы скульптарам Заірам Азгурам і устаноўлены яшчэ ў 1960-я гг. у Свіслачы. На будынку, які захаваўся ад Свіслацкай гімназіі, вісіць шыльда з надпісам, у якім гаворыцца, што К. Каліноўскі атрымліваў тут адукацыю. Сярэдняя школа № 1 горада Свіслач носіць яго імя.

24 кастрычніка 1999 г. на радзіме К. Каліноўскага ў вёсцы Якушоўка Свіслацкага раёна быў устаноўлены крыж у памяць загінуўшых паўстанцаў 1863 г. Металічнае аздабленне на крыжы зрабіў гарадзенскі каваль Ю. Мацко [дадатак 3]. Штогод у вёсцы на Свіслаччыне праходзяць мерапрыемствы, прысвечаныя ўшанаванню памяці братоў Каліноўскіх. У 1988 г. на месцы былой сядзібы Каліноўскіх быў пастаўлены валун з надпісам на ме-

марыяльнай дошцы: «Тут размяшчалася памесце, у якім жыў з 1849 па 1855 гг. рэвалюцыянер-дэмакрат, кіраўнік паўстання 1863–1864 гг. на Беларусі і ў Літве, выдаўца беларускай нелегальнай рэвалюцыйна-дэмакратычнай газеты Мужыцкая праўда, наш зямляк Канстанцін Сямёнавіч Каліноўскі (Кастусь Каліноўскі)».

У канцы 1980-х гг. было прынята рашэнне ўсталяваць помнік кіраўніку паўстання на адной з плошчаў Гродна. Меркавалася ўстанавіць яго на пляцоўцы перад Домам прафсаюзаў, што па вуліцы Савецкай. У пачатку 1990-х гг. быў праведзены конкурс сярод скульптараў на лепшы праект помніка. Удзельнікаў была шмат. Але праект так і не быў рэалізаваны [4, с. 130].

Традыцыя найменавання вуліц і плошчаў імёнамі людзей укаранілася ў Беларусі толькі ў 1919 г. Першая спроба найменавання вуліцы ў Мінску ў гонар К. Каліноўскага адбылася ў 1926 г. Але гэта назва існавала нядоўга – ўжо ў пачатку 1930-х гг. яна называлася вуліцай Калініна. Другая спроба стварыць вуліцу К. Каліноўскага ў Мінску адбылася ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі, аднак яна таксама не была ўдала рэалізаванай [2, с. 150–152].

Але вуліца Каліноўскага з’явілася ў Беларусі і ў даваенны час. Адбылося гэта ў Гродна. У 1930-я гг. адна з новых вуліц была названая польскімі ўладамі ў яго гонар. Вуліца захавала гэту назву да нашага часу і сёння з’яўляецца адной з асноўных магістраляў Гродна. Таксама ў 1930-я гг. з’явілася вуліца Каліноўскага ў Навагрудку [2, с. 153–155].

Першая хваля савецкай мемарыялізацыі імя К. Каліноўскага пачалася ў сярэдзіне 1960-х гг. Старт яна атрымала ў 1963 г., калі ў БССР узгадалі пра стогадовы юбілей паўстання 1863–1864 гг. У гэтым жа годзе ў Мінску з’явілася вуліца Каліноўскага – новая вуліца ў мікрараёне «Усход» даўжынёй тры з паловай кіламетры. Таксама з’явіліся вуліцы Каліноўскага ў Ганцавічах, Лідзе, Маладзечне, Мастах, Нясвіжы, Полацку, Пружанах, Астраўцы і Свіслачы. А ў Магілёве акрамя вуліцы ўзніклі яшчэ два завулкі Каліноўскага [2, с. 156].

Толькі ў Мінску вуліца Каліноўскага стала доўгай магістраллю з важным значэннем для горада. На ёй размясціліся сацыяльна-культурныя і гандлёвыя аб’екты. Як і ў Мастах, дзе вуліца Каліноўскага ператварылася ў адну з галоўных. Ужо ў апошнія гады яна «прырасла» трыма завулкамі, а жылы квартал, утво-

раны імі, на плане горада пазначаны прадмесцем Каліноўскага [3, с. 157].

Другая хваля найменаванняў вуліц у гонар Каліноўскага прыпадае на канец 1980-х–пачатак 1990-х гг., час перабудовы СССР і пачатак незалежнай Рэспублікі Беларусь. У гэтыя гады з’явіліся вуліцы Каліноўскага яшчэ ў чатырнаццаці гарадах Беларусі: Бярозе, Ваўкавыску, Драгічыне, Жодзіне, Іванаве, Капылі, Кобрыне, Лунінцы, Ляхавічах, Мікашэвічах, Пінску, Рэчыцы, Слуцку і Стоўбцах. Але тэндэнцыі 1960-х гг. засталіся: вуліца Каліноўскага зноў такі размяшчалася сярод зеляніны індыўідуальных дамоў на ўскраіне горада [3, с. 158].

Сёння вуліца Каліноўскага прысутнічае ў 27 гарадах і гарадскіх пасёлках Рэспублікі Беларусь. Няма такой вуліцы ў абласных цэнтрах: Брэсце, Віцебску, Гомелі – і ў буйных гарадах: Бабруйску, Баранавічах, Барысаве, Оршы [3, с. 158–161].

Адной з праяваў стаўлення да гістарычнай асобы з боку дзяржавы з’яўляецца ўстанаўленне ўзнагародаў, названых яе імем. «Ордэн Кастуся Каліноўскага» быў у ліку дзяржаўных узнагарод Беларусі ў 1995–2000 гг. Аднак ніводнага кавалера Ордэна не з’явілася [дадатак 2].

Ордэнам меркавалася ўзнагароджваць грамадзянаў за самаадданы ўчынак і адвагу пры выратаванні людзей, за храбрасць, праяўленую ва ўмовах павышанай небяспекі пры ахове грамадскага парадку, дзяржаўнай уласнасці, за мужнасць і стойкасць падчас стыхійных бедстваў, пажараў, аварый, катастроф і іншых надзвычайных абставінаў, у выніку чаго была прадухілена пагроза жыццю і здароўю людзей ці выратаваныя значныя матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці, або за іншыя самаадданыя дзеянні, звязаныя з выкананнем вайсковага, грамадзянскага ці службовага абавязку і злучаныя з пагрозай для жыцця [1].

«Дзяржаўная прэмія імя Кастуся Каліноўскага» прысуджаецца з 1989 г. за працы ў мастацкай публіцыстыцы. Лаўрэатамі прэміі сталі В. Карамазаў (1990 г.) за кнігу публіцыстыкі «Проста ўспомніў я цябе...», Л. Дайнека (1990 г.) за раманы «Меч князя Вячкі» і «След ваўкалака», М. Ермаловіч за кнігу «Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды», Я. Пархута (1992 г.) за кнігу «Зямля бацькоў нашых», А. Марціновіч (1998 г.) за кнігу «Зерне да зерня», У. Ліпскі (2000 г.) за творы «Пралескі ў небе», «Мама. Малітва сына», «Каралева белых прынцэс»,

«Я. Праўдзівы аповед пра твой і мой радавод», В. Саламаха (2002 г.) за кнігу «Званыя і выбраныя» [3].

Свіслацкі раённы аддзел адукацыі ў 2003 г. праводзіў конкурс творчых работ сярод школьнікаў, прымеркаваны да 140-годдзя паўстання 1863 г., «Ты сын наш геройскі, Кастусь Каліноўскі!» – менавіта так успрымаюць кіраўніка паўстання жыхары Свіслаччыны. Для іх яго імя надзвычай дарагое і памятнае, сімвалізуе славітага змагара за народнае шчасце, барацьбіта за вольнасць сялян і сацыяльнае раўнапраўе. Пра гэта сведчаць і вынікі вышэй згаданага конкурса творчых работ.

30 снежня 1993 г. была ўведзена ў зварот паштовая марка «Кастусь Каліноўскі. 130 год нацыянальна-вызваленчага паўстання» накладам восемсот дваццаць чатыры тысячы асобнікаў. На ёй адлюстраваны яго партрэт на прыкладным плане і яго постаць сярод сялянаў на заднім (мастак

М. Бялоў). У 2013 г. «Белпошта» выпусціла картку з маркай «175 гадоў з дня нараджэння Кастуса Каліноўскага». На марцы – партрэт К. Каліноўскага на фоне газет «Мужыцкая праўда», на паштоўцы – выступ Каліноўскага перад сялянамі. Тыраж карткі – 30 тысяч асобнікаў. Тэкст паштоўкі напісаны на беларускай мове, мастак карткі – Мікалай Рыжы [дадатак 1].

Экспазіцыя «За годнасць! За Радзіму!», прымеркаваная да 175-годдзя з дня нараджэння К. Каліноўскага і 150-годдзя паўстання 1863–1864 гадоў, была адчыненая ў Прэзідэнцкай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь. У аснове выставы – кнігі і часопісы з фонду аддзела старадрукаў і рэдкіх выданняў бібліятэкі. У экспазіцыі былі прадстаўлены каля дваццаці зборнікаў 1863–1910 гадоў. Можна было пабачыць адно з першых даследаванняў гісторыі паўстання «Звесткі аб польскім бунце 1863 году ў паўночна-заходняй Расіі», складзенае генералам В. Ратчам, а таксама публікацыі ўспамінаў пра падзеі таго часу [4].

У сакавіку 2013 г. на малой сцэне Беларускай дзяржаўнай філармоніі быў пастаўлены музычны спектакль «Ужо птушкі пяюць усюды», прысвечаны 175-годдзю К. Каліноўскага і 150-годдзю ўзначаленага ім паўстання. Галоўны рэжысёр В. Скорабатаў лічыць, што паўстанне з’явілася лёсавызначальнай падзеяй для беларусаў, бо менавіта з яго пачынаецца афармленне беларускай нацыянальнай ідэі [4].

Для большасці насельніцтва Беларусі К. Каліноўскі з’яўляецца выдатнай гістарычнай асобай, памяць аб якой не-

абходна захоўваць і якая вартая ўшанавання. Такі яго вобраз у масавай свядомасці – гэта вынік уздзеяння на яе беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі з ліку вучоных і майстроў слова і пяра. Разам з тым відавочнай з’яўляецца аб’якаваць часткі беларусаў да гісторыка-культурнай спадчыны, ў тым ліку адносна К. Каліноўскага. Адмаўленне яму ў праве быць у пантэоне беларускіх нацыянальных герояў з’яўляецца вынікам шырокай прапаганды ідэі аб яго польскім паходжанні і накіраванасці. Таму ў Беларусі ёсць прыхільнікі і Каліноўскага-антыгероя.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Дзяржаўная прэмія імя Кастуся Каліноўскага [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://spadchyna.net/index.php?option=com_content&view=article&id=1416&Itemid=617. – Дата доступу: 21.10.2018.
2. Дубовік, А. Асоба і дзейнасць К. Каліноўскага ў беларускай крытыцы (канец XX – пачатак XXI ст.) / А. Дубовік // Весті Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2006. – № 4. – С. 99–104.
3. Жарская, Н. Вобраз Кастуся Каліноўскага ў мастацкай літаратуры / Н. Жарская // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы VII міжнароднай навуковай канферэнцыі Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасня 2009 г. / Беларускае Гістарычнае Таварыства, Польскі Інстытут у Менску. – Мінск: Беларускае Гістарычнае Таварыства, 2011. – С. 201–220.
4. Іванчук, Б. Месца К. Каліноўскага ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі XIX ст. / Б. Іванчук // Гістарычная навука і адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. – Мінск: «Універсітэцкае», 1994. – 277 с.
5. Казбярук, У. Загадка Каліноўскага / У. Казбярук // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 5. – С. 32–36.
6. Кайрыс, А. Асоба Кастуся Каліноўскага з пачатку XX ст. па сучасны перыяд / А. Кайрыс [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://vk.com/topic-16411040_24546208. – Дата доступу: 10.11.2020.
7. Карневіч, М. У. Якушоўцы стаіць крыж / М. У. Карневіч // Биржа информации. – 1999. – 28 октября. – С. 5.
8. Останки Кастуся Калиновского эксгумированы в Вильнюсе с вероятностью в 95% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zviazda.by/ru/news/20190320/1553063189-ostanki-kastusya-kalinovskogo-eks-gumirovany-v-vilnyuse-s-veroyatnostyu-v-95>. – Дата доступа: 06.04.2020.

The article is devoted to the figures Kalinowski as a national historical hero. Determination of his place in the history of Belarus and the values for modern Belarusians as a nation. It is noted that the activity Kalinowski as a leader of the uprising 1863-1864 gg. honored at the present stage. Author of scientific article has concluded about the development of historical memory and relations to the historical figures of the Belarusian history on this segment of the historical process of becoming the Belarusian people.

*Дадатак 1 – Марка «Кастусь Каліноўскі.
130 год нацыянальна-вызваленчага паўстання»*

Дадатак 2 – Рэканструкцыя Ордэна Каліноўскага

Дадатак 3 – Партрэт Кастуся Каліноўскага

Дадатак 4 – Памятны крыж у Якушоўцы

П. С. Мирон

ГУО «Гимназия № 7 г. Гродно»

Неизвестные страницы историко-культурного наследия Гродненщины: М. Я. Острогорский

В статье рассматривается деятельность выдающегося политика, историка, социолога и юриста М. Я. Острогорского, уроженца Гродненщины в период его пребывания в нашем крае. Выявляются идеи и практики, которые проявили себя в политико-культурном контексте Гродненщины.

В марте 2021 года исполняется 167-я годовщина со дня рождения Моисея Яковлевича Острогорского (1854–1919 гг.), видного политического деятеля и создателя европейской партологии – теории о политической партии. Ряд страниц его зрелой политической биографии – времён пребывания в Париже, Лондоне, Москве и Санкт–Петербурге известны и доступны широкому кругу читателей и исследователей [1; 4; 9]. Венцом его политического творчества в этот период становятся такие значимые произведения, как «Истоки всеобщего избирательного права», «Демократия и политические партии». Но, к удивлению, практически неизвестны нам те страницы его творческой жизни, которые заложили фундамент его последующих научно-политических достижений. К таковым, прежде всего, относятся те из них, которые связаны с историей и культурой Гродненщины. Имеются в виду времена его учёбы в Гродненской гимназии, влияние гимназических наставников на его интеллектуальное, моральное и духовное становление, участие в трёх избирательных кампаниях в Гродненской губернии (1905–1907 гг.), а также опыт его участия в работе I Государственной думы (1906 г.). Без этих ярких биографических сюжетов сложно представить М.Я. Острогорского как блестящего учёного, педагога и общественно–политического деятеля. Проведённый нами историографический анализ обозначенных этапов показал, что на данный момент отсутствует их целостная характеристика, данная через призму политической биографии М.Я. Острогорского. Исследование и введение в оборот данных сюжетных нарративов не только расширит наше представление о творческом облике нашего земляка, но и восстановит пробелы богатой истории культурного наследия гродненского края.

В связи с вышесказанным, объектом исследования становятся

ся годы деятельности и творчества М. Острогорского на Гродненщине, предметом – знаковые события и тексты молодого учёного гродненского периода, целью – выявление содержания идей, смыслов и соответствующих практик, весомо проявивших себя в политико-культурном контексте тогдашней Гродненщины, которые повлияли на становление и оформление впоследствии его теории о политической партии.

Будущий политический деятель является уроженцем местечка Семятичи Бельского уезда Гродненской губернии. Моисей Яковлевич Острогорский родился 19 февраля (3 марта 1854 года) в семье учителя. Через 6 лет после его рождения семья обосновалась в Гродно [2, с. 62].

Значимое влияние на формирование мировоззрения будущего учёного оказал его отец Я. М. Острогорский, которому Моисей посвятил основной труд «Демократия и политические партии». Яков Моисеевич решил дать ему образование в гимназии и университете [11]. Отец стремился с самого начала познакомить сына с яркими страницами русской и западноевропейской культуры, способствовал преодолению локальных ограничений еврейских культурных традиций и выходу на общероссийскую арену образовательной, научной деятельности. Яков Моисеевич для сына являл образец неустанного трудолюбия, работоспособности, самоорганизации и фанатичного отношения к учёбе. Этот урок отца Моисей не раз применял в последующие, гимназические годы.

Разносторонняя домашняя подготовка позволила Моисею успешно пройти обучение в Гродненской губернской мужской гимназии (с 1863 по 1871 гг.). Е.Ф. Орловский в своей работе «Исторический очерк Гродненской гимназии» отмечает, что преподавательский состав был блестящим, а особенно выделялись «учитель истории Н.М. Стефани и талантливый учитель русского языка Н.В. Беляев» [12, с. 74]. Можно предположить, что именно уроки этих преподавателей в большой степени способствовали развитию способностей гимназиста Острогорского, будущего историка и яркого стилиста. Наибольшую склонность Моисей проявлял к гуманитарным дисциплинам, свидетельством чему является его аттестат об окончании гимназии – по всем гуманитарным предметам там значатся отличные отметки [2, с. 63].

Увлечённость и погружение гимназиста в историю быстро привели к тому, что Моисей не только блестяще осваивал *magistra*

vitaе, но и стал продуктивно заниматься репетиторством со своими отстающими однокашниками. Как правильно замечает И. В. Андреев : «... что касается проводимых им занятий по истории, то уже в эти годы в его сознании начали выкристаллизовываться два принципа , положенных им впоследствии в основу своих выдержанных несколько десятков переизданий учебников истории: 1) сообщаемые ученику исторические факты должны и по своему количеству, и по «рельефности» изложения быть вполне доступным его памяти 2) по языку и ясности изложения эти факты должны быть вполне доступны его пониманию» [13, с. 4]. Эти принципы он не раз впоследствии применял и использовал. Так, будучи студентом-первокурсником юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он, опираясь на гимназический опыт, подготовил методическое пособие по исторической хронологии, чтобы освободить учеников от бессмысленной траты сил и времени. То, что гимназические уроки были усвоены Моисеем на «отлично», подтверждается свидетельствами его современников. Так, один из лучших друзей Острогорского – французский журналист А. Берль, к числу наиболее «замечательных» личностных качеств учёного относил «огромную работоспособность и терпение» [3]. Выдающийся русский социолог и политический деятель М. М. Ковалевский отмечал его предельную самоотдачу как депутата I Государственной думы [8]; известный английский политический мыслитель Дж. Брайс, лично хорошо знавший Острогорского, характеризовал его как «исключительно старательного» исследователя, изучавшего факты с «образцовым усердием» и «огромным вниманием к мельчайшим деталям» [2, с. 64].

Заключая, подчеркнём, местный колорит гродненского края, домашнее воспитание, учёба в гимназии сформировали в М.Я. Острогорском ряд черт – пытливость, интерес к окружающей природе и историческим событиям, работоспособность, забота о крове и пище – ставших основой его научных и политических успехов.

Следующая страница политической биографии М. Я. Острогорского – его участие в губернских избирательных кампаниях и работе в I Государственной думе. В ней появляются те неизвестные факты об активной организационно – агитационной деятельности на Гродненщине, которая становится значимым ресурсом для осмысления его действий в высших структурах

власти в столице, а также понимания логики подготовки и написания его научных работ.

Первая избирательная кампания в Гродненской губернии у Острогорского связана со следующими организационно-структурными и процедурными особенностями. Моисей Яковлевич прибыл в Гродно 17 октября 1905 года и включился в избирательный процесс, опираясь на поддержку Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, членом ЦК которого он являлся. Острогорский получил поддержку от крестьян, которые ходатайствовали перед лидерами еврейской общины о включении в список кандидатов Острогорского [16, с. 24]. Поддержку избирателей ему обеспечила его решимость бороться за проведение глубокой аграрной реформы, достижения гражданского равноправия, изменение налогового законодательства, развитие народного образования. Моисей Яковлевич не входил в состав ни одной из партийных фракций, но по всем вышеуказанным вопросам поддерживал кадетов. Итогом этой кампании стало убеждение, что многое в политическом успехе зависит от поддержки населения на местах. Он понял, что именно малая родина рождает веру в конечный успех.

С таким посылом он приступает к организации и участию во второй губернской избирательной кампании. К моменту её начала стало понятно, что ситуация изменилась по сравнению с предыдущими выборами. Во-первых, стало труднее найти поддержку у местной еврейской общины ввиду её ускорившейся дифференциации. Во-вторых, активизировались традиционалистские силы – царская администрация и православное духовенство, которые развернули агитацию среди белорусского населения под лозунгом «избрания одних православных» [2, с. 67].

В начале второй избирательной кампании Острогорский попытался привлечь внимание потенциальных избирателей к итогам своей деятельности в I Государственной Думе, опубликовав книгу «Деятельность М.Я. Острогорского в первой Государственной думе», в которой содержались тексты его пленарных выступлений. Уже в сентябре 1906 года он выступил перед избирателями Гродно с докладом о своей депутатской работе, оказавшись в числе фаворитов предвыборной гонки в Гродненской губернии и одновременно в центре полемики, которая развернулась в еврейской общине нашего города. В ходе дискуссии было выдвинуто обвинение его в курсе на ассимиляцию еврейского на-

селения («ассимиляторстве») [2, с. 67]. В декабре 1906 будущий депутат выступил в гродненском «внепартийном избирательном комитете». В его докладе содержался ответ политическим оппонентам, а свои политические взгляды и обвинение его в «ассимиляторстве» Острогорский характеризовал следующим образом: «Применение этой клички к борцам за полноправие лишено смысла. Борцы эти домогаются равенства перед законом всех групп вероисповедных и национальных, равенства не в бесправии и угнетении, а в свободе» [5]. 27–28 декабря 1906 года в Гродно состоялось совещание делегатов от еврейских избирательных комитетов Гродненской губернии и после длительных дискуссий, и выступления Острогорского, совещание утвердило список кандидатов для участия в выборах. Наибольшее число голосов получил М.Я. Острогорский и ещё два кандидата [6].

6 января 1907 года в здании синагоги был проведён так называемый «плебисцит», где планировалось установить степень поддержки еврейским населением Гродно кандидатов, популярных в еврейской среде. Можно утверждать, что этот эпизод предвыборной жизни Гродно был далеко не рядовым, а уникальным для России того времени: «...Гродно, таким образом, стало первым городом, осуществившим полноценную апробацию американского изобретения – первичных выборов («прамериз»). Не вызывает сомнения, что главным инициатором и консультантом «прамериз» был Острогорский, т.к. именно он изучал эту систему во время поездки в США в 1896г.» [14, с. 497]. К сожалению, по результатам итогового голосования Острогорский не получил мандат депутата, как и другие кандидаты от городских выборщиков.

После роспуска царём II Государственной Думы была образована Еврейская народная группа (ЕНГ), которая 13 июня провела в Санкт-Петербурге конференцию представителей «черты оседлости», на которой было решено выработать тактику предвыборной борьбы в III Думу. Острогорский принял активное участие (председествовал) на совещании в Вильно, где выразил ключевую идею своей концепции: «...все живые силы еврейства должны быть привлечены к совместной и дружной работе в общенародном деле достижения еврейского равноправия» [7].

М.Я. Острогорский включился и в третью избирательную кампанию, в которой друг другу противостояли «прогрессивный» (в него входил Острогорский) и консервативный блоки. В результате противостояния и борьбы все кандидаты от «про-

грессистов» были забаллотированы, в том числе и кандидатура Острогорского. После этого он охладел к практической политике и не стал участвовать в четвёртой избирательной кампании. Его связь с Гродно прослеживается с этого времени через участие в деятельности Гродненского педагогического общества, которому оказывал посильную материальную помощь и являлся его почётным членом [15]. В это же время он больше стал уделять внимания осмыслению политической практики. Опираясь на неё, пристальное внимание он уделил изучению механизмов функционирования российских и европейских политико-правовых институтов и их взаимосвязи с политическими партиями. Проанализировав её М. Я. Острогорский заложил основы нового раздела политической науки – партологии.

Последняя страница связана с деятельностью М.Я. Острогорского в I Государственной думе. Она показывает его высокую политическую активность. Он стал седьмым среди думских депутатов и первым среди белорусских избранников по числу выступлений на пленарных заседаниях, а депутаты от Гродненской губернии по активности заняли шестое место среди всех губернских делегаций и первое среди белорусско–литовских губерний [10]. Острогорский принял активное участие в составлении Наказа – свода внутренних правил работы Думы, в ходе работы над которым он стремился ограничить влияние партийных фракций на принятие думских решений. Председатель палаты С.А. Муромцев отмечал большой вклад Моисея Яковлевича в дело регламентации деятельности Госдумы и нашёл в Острогорском «кладезь и погрузился в него» [2, с. 66]. Работая в Думе, Острогорский занимался налаживанием международных связей российского парламентаризма, вёл подготовительную работу по организации визита группы депутатов Думы на межпарламентскую конференцию в Лондоне по мирному урегулированию международных споров. В Лондоне застало известие Острогорского о роспуске I Государственной думы. Тем не менее он решительно был настроен на продолжение политической борьбы и не сомневался, что «дело конституционного правления, безусловно, восторжествует» [2, с. 66].

Восстанавливая взаимосвязь региональной и столичной деятельности М.Я. Острогорского, можно сделать заключительный вывод том, что опыт участия в избирательных кампаниях на Гродненщине помог ему, во –первых уяснить особенности мест-

ных политических интересов; во–вторых, охарактеризовать их место и роль в генезисе политических партий.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

I. Местные традиции, нравы, обычаи стали фундаментом взглядов, мировоззрения и деятельности Острогорского. Полученная основательная подготовка в семье и во время учёбы в гродненской гимназии, заложила основу его научных достижений. В годы учёбы в гимназии он приобрёл методические навыки, которые позволили ему заниматься репетиторством, а на первых курсах учёбы в Санкт–Петербургском университете написать и выпустить свои учебные пособия по истории.

II. Малая родина стала для Острогорского началом вхождения в региональную и общероссийскую политику того времени. Значительным событием в биографии Острогорского стало участие в трёх избирательных кампаниях, где формируются его взгляды на место и роль представительных органов власти. Им впервые на гродненской земле был апробирован опыт деятельности первичных выборов.

III. Здесь же были сформулированы первые суждения и представления о деятельности политической партии. Они были проверены его работой в составе I Государственной думы. Впоследствии они нашли отражение в его фундаментальном труде «Демократия и политические партии».

IV. Исследование неизвестных страниц политической биографии Острогорского способствует расширению представлений о историко–культурном наследии Гродненщины и их последующем включении в современную сферу туристических услуг.

Список источников и литературы

1. Аронов, Д. В. М. Я. Острогорский – либеральный политик и теоретик партийного строительства /Д. В. Аронов // Управление общественными и экономическими системами. – 2007. – № 2.
2. Андреев, И. В. Гродненские эпизоды политической биографии М.Я.Острогорского / И. В.Андреев. //Регионалистика: сб. науч. тр. – Гродно: ГрГУ им. Я.Купалы, 2009.
3. Берль, А. [Некролог] / А. Берль// Еврейская трибуна (Париж). – 1921 – 6 мая. – № 71.
4. Забродский, Э. А. Имя, известное и юристам, и политологам /Э. А. Забродский, Э. А. Корнилович // Вестник Молодёжного научного общества. – 2003. – № 1. – С.11–15.

5. Еврейский избиратель. – 1906. – 19 декабря. – № 5.
6. Еврейский избиратель. – 1907. – 4 января. – № 8.
7. Еврейская народная трибуна. Резолюции областных совещаний по вопросам, связанным с предстоящей избирательной кампанией. – СПб., 1907.
8. Ковалевский, М. М. Наказ Государственной думы / М. М. Ковалевский // Страна – 1906. – 12 мая. – № 70.
9. Корнилович, Э. А. Беларусь: созвездие политических имён: историко-биографический справочник / Э. А. Корнилович. – Минск: ФУАинформ, 2009. – 407 с.
10. Нива. – 1906. – № 8.
11. Наши евреи // Гродненские губернские ведомости. – 1865. – 15 января. – № 2.
12. Орловский, Е. Ф. Исторический очерк гродненской гимназии / Е.Ф.Орловский – Гродно, 1901.
13. Острогорский М. Я. История России с картинками и вопросами для повторения, для народных училищ / М. Я.Острогорский – 2-е изд. – СПб., 1875.
14. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / М. Я.Острогорский. – Москва, 1997.
15. Отчёт о деятельности Гродненского педагогического общества за 6 лет его существования (1907–1913). – Гродно, 1914.
16. Санцевич, А. Как состоялись выборы в Государственную думу: Рассказ выборщика от крестьян Волковысского уезда / А.Санцевич. – Гродно, 1906.

The article examines the activities of the outstanding politician, historian, sociologist and lawyer M. Ostrogorsky, a native of Grodno region during his stay in our region. The author identifies the ideas and practices that have manifested themselves in the political and cultural context of the Grodno region.

Научный руководитель – В. И. Ватиль, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Гимназия № 7 г. Гродно».

П. А. Скрабатун

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

Эвалюцыя формаў справаздач Беластоцкага ваяводды як адлюстраванне змены ўнутранай палітыкі Польскай дзяржавы ў 1921-1939 гг.

У гэтым артыкуле разглядаецца фармаванне ўнутранай структуры справаздачнай дакументацыі Ураду Беластоцкага ваяводства згодна са зменамі абставін ва ўнутраным сацыяльна-палітычным становішчы Польскай дзяржавы. Прыведзены структурны аналіз адпаведных формаў паводле патрабаванняў акрэсленага для іх часу і параўнанне іх у кантэксце ступені ўдасканальвання адміністрацыйных магчымасцяў кіравання.

Агляд справаздачнай дакументацыі менавіта Беластоцкага ваяводства выклікана вельмі адметнай сітуацыяй, якая склалася тут. Само ваяводства месцілася на адной з самых нацыянальна стракатых тэрыторый Польскай дзяржавы, што, акрамя адсочвання дзеянняў адміністрацыі ў гаспадарча-эканамічнай сферы, дазваляе адначасова разглядаць развіццё падзей звязаных з узаемапражываннем далёка не самых ўзаемаветлівых народаў у такія непросты час.

З сама пачатку гісторыі Другой Рэчы Паспалітай яна апынулася ў вельмі напружаным становішчы. З аднаго боку палымаяная чырвоная Расія, з другога разбураная, але шматамбіцыёзная Еўропа. Ва ўнутраным становішчы сітуацыя была не лягчэй, асабліва ва ўсходніх рэгіёнах дзяржавы, дзе ў адзіны вялізарны кацёл былі закінуты нацыянальнасці розных цывілізацый і веравызнанняў: палякі, беларусы, украінцы, рускія, габрэі, немцы, літоўцы, татары, шведы і іншы; праваслаўныя, каталікі, мусульмане, габрэі, пратэстанты розных напрамкаў. Сама справа развіцця падзей і “замярэння” такога буйнога шматнацыянальнага катла знайшла адлюстраванне ў шматлікіх дакументах польскай адміністрацыі, але самы фундаментальны з іх менавіта Справаздача Беластоцкага ваяводды ў якой заключаны асноўныя этапы, падзеі, жаданні, здарэнні і нават лёсы асобных людзей, для якіх усё гэта было жыццём. Разглядаючы штотыднёвыя справаздачы магчыма і ўбачыць тыя змены якія праходзілі на месцах па адноснах адзін да аднаго і да самой адміністрацыі. Са справаздачаў вядома як змагаліся з крызісамі простыя пад-

справаздачныя людзі і якія наступствы выклікала палітыка адміністрацыі ў змаганні з гэтымі крызісамі.

Дадзеныя справаздачы ствараліся непасрэдна ваяводскім урадам, асабіста беластоцкім ваяводай, калі дакладней. Ствараліся справаздачы кожны тыдзень, што рабілася ў зразумелых мэтах пільнага кантролю ўнутранай сітуацыі ў ваяводстве і, што можа яшчэ важней, ва ўсходніх яго паведах. Па стылю напісання ніводная з формаў справаздач не адпавядала ў абсалютнай меры ніжэйнапісаным формам, бо які небудзь адзіназацверджаны фармуляр адсутнічаў. Кожная справаздача пісалася ў досыць вольнай пабудове тэксту, наколькі гэта дазваляе афіцыйны стыль маўлення, але прытрымліваючыся акрэсленых ніжэй раздзелаў з жорсткім захаваннем структурнасці.

Падчас першаснага аналізу масіва справаздачнай дакументацыі быў выяўлены шэраг пэўных формаў у стварэнні справаздач. Яны абумоўлены як практычнымі, так і прыярытэтнымі ўмовамі. Перыядызацыя высветленых формаў выглядае наступным чынам:

1. 1921 – 12.1926.
2. 01.1927 – 01.1928.
3. 01.1928 – 11.1930.
4. 12.1930 – 07.1936.
5. 08.1936 – 08.1939.

Перш за ўсё, варта адзначыць, што форма справаздачаў змянялася разам з удасканальваннем адміністрацыйнага апарату польскай дзяржавы, што натуральна бачна пры параўнанні першай і чацвёртай ці пятай формы. То бок першая форма справаздачы ўяўляе сабою, умоўна кажучы, вольны рэферат аб'ёмам у сярэднім 25 аркушаў, у якім больш-менш структурна выкладзены апісанні тыднёвых падзей.

Структура першай формы выглядае наступным чынам [4]:

- Część I. Sytuacja ogólna.
- Część II. Ruch zawodowy.
- Część III. Strajki.
- Część IV. Działaność stronnictw politycznych.
- Część V. Akcja antypaństwowa.
- Część VI. Ruch narodowościowy.

Гэта самая простая форма справаздач, якая не мае ў параўнанні з наступнымі ні пераліку адрасатаў, ні разгорнутае часткі аб нацыянальнасцях, якая з'явіцца пазней. Датчына першага, най-

больш верагодныя адрасаты гэта Міністэрства ўнутраных спраў, адміністрацыя суседніх ваяводстваў, адміністрацыі павеятаў ваяводства.

Адсутнасць рэлігійнага агляду ў дадзенай форме таксама можа выкрываць недасканаласць адміністрацыйнага апарату і адсутнасць нармальнага кантролю рэлігійных спраў на тэрыторыі. Відавочна і поўная адсутнасць раскрыцця судовай часткі, то бок прысудаў, працэсаў, буйных праванарушэнняў і здарэнняў. І гэтае не значыць, што суды у адведзены час не працавалі ці вартых увагі працэсаў не адбывалася, дастаткова толькі прыгадаць час у які форма была ў карыстанні, да і ў наступных справах даволі сур'ёзна асвятляюцца судовыя працэсы. Дадзеныя факты дазваляюць з упэўненасцю падцвердзіць, што справаздачы гэтай формы не дасылаліся ані ў якія рэлігійныя і судовыя органы і міністэрствы.

Не раскрыта ў дадзенай форме і тэма адукацыі, ні з боку нацыянальнай, ні з боку агульнадзяржаўнай палітыкі Польшчы. Да таго ж, Беластоцкі павет – памежны, але тут адсутнічаюць звесткі аб справах на мяжы, якіх хутчэй за ўсё не магло не быць. Аналагічна адсутнічаюць і раздзел “аб розным” – пазаформанай фінальнай часткі справаздачы (буйныя пажары, здарэнні).

Але ўжо зараз складаецца тая аснова, ад якой будуць фармавацца іншыя формы. Умоўна можна вылучыць тры асноўныя інфармацыйныя блокі: агульны, блок, які рэзюмуе асноўныя падзеі і працэсы за дадзены акрэслены справаздачны тэрмін, блок сацыяльны, што датычыцца рабочых рухаў, справаў фабрык і заводам, страйкамі і г.д., і блок аб нацыянальнасцях, іх супраціву, справах, мірнай і дыверсійнай дзейнасці. Менавіта ў справаздачах дадзенай формы дамінуючыя тэмы гэта страйкі, рабочы рух і супрацьдзяржаўныя дзеянні.

Недасканаласць дадзенай формы справаздачы і няпоўны пералік падзей, якія мелі месца ў павеце, асабліва памежным, і час, у які форма была выкарыстана хутчэй за ўсё абумоўлена, па-першае недахопам адміністрацыйнай эфектыўнасці ў першыя гады польскай дзяржавы і, па-другое, адсутнасцю разумення патрэбаў самой адміністрацыі на дадзеных стэрках як па нацыянальнасцях, так і па палітычным поглядам тэрыторыях.

Другая форма справаздачнасці [6], якая датуецца 1927-1928 гг. з'яўляецца нейкай натуральнай вытворнай ад першай формы ў выніку ўдасканалення адміністрацыйнай дзейнасці і па-

ляпшэння адміністрацыйнай эфектыўнасці. Структура формы выглядае наступным чынам:

- Część I. Ruch polityczno-społeczny.
 - o Tytuł I. Nastroje ludności.
 - o Tytuł II. Organizacje wywrotne.
 - o Tytuł III. Legalne organizacje polityczne.
 - o Tytuł IV. Ruch narodowościowy, społeczny i wyznaniowy.
- Część II. [без назвы].
 - o Przestępczość.
 - o Szpiegowstwo.
 - o Sprawy graniczne.
 - o Różne.

У справаздачы ўказаны адрасаты, каму дасылаліся яе копіі. Усяго атрымліваецца 11 копіяў, якія дасылаліся ў суседнія ваявадскія ўрады (5 шт), пракурорам апеляцыйных судаў у Вільні і Варшаве, акруговым судам ў Беластоку, Гродне, Сувалках і Ломжы.

Пры прыкладна тым жа аб'ёме справаздачы ў 25 аркушаў, відавочна вялікая розніца ў глыбіні раскрыцця падзей. Выпраўлена большая частка хібаў, якія заключаліся ў адсутнасці пэўных катэгорыяў інфармацыі. Што датчыцца судовых спраў, хоць звесткі аб іх і з'явіліся ў дадзенай форме, апісанне было надта слабым і няпэўным. Падобнае становішча і ў адлюстраванні рэлігійных спраў, якія згрупаваны па паведах, што перашкаджае адразу ацаніць сітуацыю. Да таго ж рэлігійны аспект уключаны ў раздзел разам з часткаю пра нацыянальнасці і грамадскі рух.

У дадзенай форме прыведзены вельмі дасканалыя звесткі аб дзейнасці легальных палітычных партый па кожнаму паве-ту. Блок па нелегальных падзелены на дзве часткі: непасрэдна Tytuł II першай часткі і раздзел "Szpiegowstwo" другой часткі. У першым выпадку даецца характарыстыка кожнай нелегальнай арганізацыі, яе сходах і дыверсійных мерапрыемствах, а ў другім па сутнасці тое ж, але з акцэнтам на дыверсійную працу на бок іншай дзяржавы, у дадзеным выпадку – СССР.

Вельмі адметна, што гэтая форма першая, у якой пачалі пісаць пра падзеі гарадскога маштабу, а менавіта першыя звесткі па беспрацоўю (у межах справаздачаў) і крымінальныя зводкі разам з найбуйнымі здарэннямі.

На прыкладзе дадзенай формы бачная вялікая розніца ў параўнанні з мінулай формай у амаль той жа колькасці

аркушаў. Дадзены фармат дазваляе больш дасканала аналізаваць унутрыпалітычную дзейнасць польскай адміністрацыі, супраціў ёй з боку камуністаў і іншых нелегальных арганізацый, і у прыватнасці самое становішча прамысловае і палітычнае вядводства і нават асобных старостаў. Палепшана і само напісанне справаздачы – цяпер кожная структурная частка мае свае ўводзіны, у якіх абагулена характэрызуецца сітуацыя па адпаведным аспекце.

Да таго ж гэтая новая форма адпавядала патрэбам польскай дзяржавы падчас аўтарытарнага санацыйнага рэжыму, які быў уведзены пасля Майскага перавароту 1926 года, бо менавіта ў гэтай форме магчыма лепш, у параўнанні з мінулай, адсочваць зменліваць палітычных настрояў і ў павеце і магчымы ўплыў на яе з-за мяжы

Трэцюю форму справаздач [1,3,5], якая выкарыстоўвалася з 01.1928 г. па 11.1930 г., можна ўмоўна акрэсліць як форму крызіснага часу. У 1924 г. у Польшчы толькі распачынаўся, а ў 1926-27 годзе ударыў эканамічны крызіс, які пацягнуў за сабою рост беспрацоўя і палевенне мас, што значыць і павялічэнне агрэсіўнасці насельніцтва, што патрабавала ў адказ, акрамя мабілізацыі эканамічных і некаторых іншых сіл дзяржавы, папершае, пашырэнне агульнага кантролю над сітуацыяй, а па-другое, перыарыентацыі прыярытэтаў нагляду на працоўнае насельніцтва і рабочыя рухі.

Структура справаздачы трансфармавалася наступным чынам:

- I. Ogólna sytuacja i nastroje ludności.
- II. Ruch polityczny.
- III. Ruch wywrotowy.
- IV. Ruch zawodowy (да 02.1928, пасля – IV. Kryzys w przemyśle, bezrobocie, strajki).
- V. Ruch narodowościowy.
- VI. Ruch zawodowy (з 02.1928).
- VII. Różne.

Варта адзначыць што гэта адзіная форма справаздачы, якая, падчас свайго выкарыстання, мела некаторую пластычнасць у структуры. Дадзеная акалічнасць у справаздачы, як дакуменце высокага ўзроўню, сведчыць аб вялікай долі нестабільнасці і напружанасці ў грамадстве таго часу. Але гэтка напружанасці і крызісныя з’явы ўяўляліся як магчымыя да пераадолення, на

што хіліць нязменны спіс адрасатаў з мінулай формы – справаздача дасылаліся ў суседнія ваявадскія ўрады (5 шт), пракурорам апеляцыйных судаў у Вільні і Варшаве, акруговым судам ў Беластоку, Гродне, Сувалках і Ломжы

У той час аб'ём прадукцыі ўпаў амаль на палову, а самы моцны ўдар быў нанесены па сельскай гаспадарцы, як раз там дзе і гуртаваліся пракамуністычныя ячэйкі, якія часцей за ўсё лічыліся тэарыстычнымі. Некаторы прамысловыя рост скончыў падзенне эканомікі Польшчы, але ён змяніўся ўжо сусветным крызісам 1929-1933 гадоў, калі былі зноў спынены шматлікія прадпрыемствы ўключаючы, напрыклад, знакаміты цаментны завод ля Краснага Сяла.

Дадзеная сітуацыя патрабавала змены прыярытэтаў ва ўнутранай палітыцы дзяржавы з пільнага кантролю палітычных і грамадскіх арганізацый на моцны кантроль над аднаўленнем фабрык і заводаў і, канешне, на кантроль рабочага руху, асабліва ад падрыўнога ўплыву камуністычных арганізацый. Як бачна дадзеная форма з'яўляецца некаторым вяртаннем да пазамінулай манеры справаздачнасці, але калі тая была ад недахопу, гэтая – для нагляду і толькі падцвярджае рэзкую і моцную перыарыентацыю прыярытэтаў на новы лад.

Калі параўнаць гэтую форму з мінулай, то відавочна будзе абсалютная адсутнасць звесткаў аб падзеях на памежжы, судовай часкі і рэлігійнага агляду. Ад змены прыярытэтаў пацярпела і грунтоўнасць справаздачы па нацыянальнасцях, якая апынулася цяпер больш знешняй і скарацілася. Аналагічным жы чынам не раскрыта тэма адукацыі.

Вельмі цікавая трансфармацыя адбылася са справаздачамі пасля лютага 1928 калі частка IV. Ruch zawodowy была перайменавана ў IV. Kryzys w przemyśle, bezrobocie, strajki. Такім чынам, пашырэнне звесткаў аб беспрацоўі і страйках і вынясенне гэтага ў назву IV раздзела, наводзіць на думку аб радыкалізацыі беспрацоўных. Аб тым жа сведчыць частка *nastroje ludności* (грамадскі настрой), якая вынесена ажно ў назву, а да 1929 года зліваецца з часткай *ruch polityczny* (палітычны рух), а таксама *Część II*. мінулай формы звязана да мінімуму ў частцы VII. *Różne* дадзенай формы, што падкрэслівае вастрыню сітуацыі і ту самую змену прыярытэтаў.

Чацвёртая форма [2,7,8,10], якая была ўведзена падчас

“Брэсцкіх” выбараў, з’яўляецца прыкладам выдатнага руху ў эфектыўнасці і грунтоўнасці справаздачнай дакументацыі.

Спіс адрасатаў пашырыўся ў два разы, цяпер рабілася ўжо 24 копіі і дасылаліся ў Міністэрства ўнутраных спраў, асабіста ўсім суседнім ваяводам (8 шт), усім старастам ваяводства (13 шт), пракурорам акруговых судаў в Вільне, Гродне, Ломжы, Сувалках, Варшаве і Беластоку (усяго 6 шт.), беластоцкаму гарадскому старасце, начальніку следчага камітэта, камендатуру Беластока і тры інфармацыйных рэфераты некаторых частак ў Гродна, Брэст і Варшаву і штаб Корпусу Аховы Памежжа “Брыгада Гродна”

Пасля “Брэсцкіх” выбараў, на якіх Беспартыйны блок супрацоўніцтва з урадам (BBWR) атрымаў пераважную колькасць месцаў у абедвюх палатах Парламенту, грамадска-палітычнае жыццё паступова манапалізавалася гэтым самым блокам. Урад Ю. Пілсудскага пашыраў дзяржсектар, мабілізаваў сродкі на арганізацыю грамадскіх прац. Для ўзмацнення канкурэнтаздольнасці нацыянальнай вытворчасці даўжэў працоўны тыдзень, падразаліся сацыяльныя выплаты. У той жа час, выходзячы з салідарыстыцкіх ідэалагічных прынцыпаў, улады павялічылі падаткі на буйную маёмасць, падрэзалі аклады службоўцаў, забаранілі лакаўты і зніжэнне зарплаты працоўных.

Пры гэтым паслядоўна ўзмацняўся жорсткасць палітычны рэжым. Усталёўваўся дзяржаўны кантроль над ВНУ і школамі, абмяжоўваліся магчымасці палітычных з’яднанняў і сходаў У грамадстве ўкаранялася атмасфера няцярпнасці і разлютаванасці, культ правадыра, дзяржавы і вайскавай сілы. Прыналежнасць да апазіцыі фактычна стала прыраўноўвацца да нацыянальнай здрады.

Усё гэтае знайшло адлюстраванне ў структуры справазачы:

- I. Sytuacja ogólna.
- II. Przegląd prasowy.
 - o Prasa prourzędowa.
 - o Prasa opozycyjna.
- III. Polski ruch polityczny.
- IV. Polskie związki i stowaryszenia społeczne.
- V. Ruch wyznaniowy.
- VI. Mnieszości narodowe.
 - o Ogólne.

о Агляд нацыянальнасці: партыі, культурна-асветніцкая дзейнасць, гаспадарка, рэлігія, прэса.

• VII. Varia.

Як бачна вялікую ўвагу адміністрацыя надавала прэсе, як інструменту кантроля грамадскай думкі і польскаму нацыянальнаму грамадска-палітычнаму жыццю ў шкоду разгорнутасці апісанняў прамысловасці, падзей памежжа, судам і інш.

Агляд прэсы ў дадзенай форме вельмі шырокі. Кожны больш-менш буйны перыядычны матэрыял трапіў на старонкі гэтай справаздачы з поўным разборам і ацэнкаю зместу, накладу, кошту, колькасці старонак і г.д. У гэтую ж катэгорыю ўваходзілі і звесткі аб тыпаграфіях, якія часопісы друкавалі, іх легальнасці і г.д. Калі-некалі ў справаздачах прыводзіліся скарачаныя аналіз адлюстраванняў прэсе публічных працэсаў і суадносенню агляду асобна ўзятага часопіса пазіцыі дзяржавы, у выніку чаго справаздача мае два падраздзелы “Прэса праўрадная” і “Прэса апазіцыйная”, то бок не заўсёды легальная. Такая дасканаласць, як ужо было сказана вышэй, выклікана новым прыярытэтам дзяржавы на кантроль грамадска-палітычнай думкі. Варта таксама адзначыць што ўжо да гэтага часу ў тэкстах справаздач склалася нейкая перадузятасць у адносінах да беларускага і камуністычнага руху, але датычна апісання часопісаў адпаведных рухаў і матэрыялаў змешчаных ў іх, тэкст быў абсалютна нейтральны і не змяшчаў звыклых “дэмагагічны”, “шкодны”, “беспадстаўны” і г.д.

Аналагічным чынам абгрунтоўваецца ўвядзенне ажно двух раздзелаў (III і IV), у якіх разгледжвецца польскі грамадска-палітычны рух. У час манапалізацыі грамадска-палітычнага жыцця, кантроль над існуючымі суполкамі пераходзіць на першы план. Цікавая рэч, у гэтай форме справаздач сярод апісання агульных тэндэнцый тых ці іншых партыяў ці суполак месцяцца вельмі падрабязныя апісанні асобных збораў і нават маленькіх сходзікаў на тузін чалавек і гэта тычыцца не толькі легальных арганізацый – падобныя запісы сходаў існуюць і да нелегальных суполак. Інакш кажучы, усё хіліцца да таго, што да 1930 года была сфармавана пэўная агентурная сетка, якая патаемна ўкаранялася ва ўсе без выключэння суполкі Польшчы. Аб паспяховасці працы агентаў можна судзіць па невялікіх таблічках з інфармацыяй аб колькасці збораў па паведах, колькасці людзей на іх і інш., якія ў справаздачы месцяцца пасля

кожнага падраздзелу, а таксама па пераліку імёнаў удзельнікаў сходаў. Асабліва ўвагаю, дарэчы, надзялялі габрэйскія суполкі.

У межах усё той жа палітыкі ўраду Пілсудскага адбываўся ціск на іншыя нацыянальнасці, што набыло адлюстраванне ў справаздачы. Акрамя агентурнай сеткі і жорсткага кантролю прэсы, нацыянальнасці пазачаны як “меншасці”, хаця лічбы па некаторых паветах сведчаць як мінімум аб памылковасці такога тэрміна для ўскрайкаў дзяржавы, да якіх можна аднесці і Беластоцкае ваводства. Напрыклад, толькі ў г. Ваўкавыску ў міжваены час палову насельніцтва стварала габрэйская дыяспара, а астатняя палова падзелена амаль роўна між палякамі і беларусамі. Калі ўзяць ужо ўвесь Ваўкавыскі павет, то доля беларускага насельніцтва апынецца відавочна вышэй за долю польскага, якая стане толькі трэцяй па колькасці ў павеце. Аналагічная сітуацыя адбывалася на ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі, а на Палессі разбаўлялася яшчэ і ўкраінцамі. Такім чынам ужыванне тэрміна “меншасць” у справаздачы сведчыць аб двух рэчах. Па-першае, аб стаўленні кантральнай улады да спраў нацыянальных, непольскіх. Па-другое, аб палітыцы асіміляцыі і паланізацыі, якую ажыццяўлялі па ўсёй Польшчы, але мацней за ўсё, у прыватнасці ў Беластоцкім ваяводстве, яна біла па габрэям.

Сярод хібаў дадзенай формы магчыма адзначыць адсутнасць асабовага разгляду рабочага руху. Усе рабочыя суполкі прадстаўлены толькі ў частцы IV, што карэлюе з агульным настроем адміністрацыі да рабочага руху як з’явы. Аналагічным вобразам недастаткова поўна раскрыта і тэма адукацыі ні з нацыянальнага боку, ні з боку агульнадзяржаўнай палітыкі, што магло быць выклікана паніжэннем самастойнасці школаў і ўніверсітэтаў, а значыць да памяншэння інфармацыйнага патоку з гэтага боку. З часам любыя сведкі аб школах і адукацыі ўвогуле знікнуць са старонак справаздач і застануцца толькі ў раздзелах, прысвечаных габрэйскай суполцы.

Апошнюю пятую форму справаздачы [8, 9] Беластоцкага ваяводства можна разглядаць як вынік арганічнай эвалюцыі і ўдасканалення паводле дзяржаўных інтарэсаў ад мінулай формы:

- Część I. Polskie życie polityczne.
- A. Sytuacja ogólna.

- Nastroje, ogólna charakterystyka życia politycznego i sytuacja gospodarcza.
- Przegląd prasy.
 - Przegląd treści.
 - Powstały nowe czasopisma.
 - Przestały wychodzić.
 - Konfiskaty.
 - Procesy prasowe.
- B. Polski legalny ruch polityczny.
- Ruch wyznaniowy.
 - rzymokatolicke.
 - prawosławne.
 - baptyscy.
 - żydowskie.
 - inne wyznania...
- Część II. Mnieszosci narodowe.
 - Część ogólna.
 - Część szczegolowa.
 - [нацыя 1].
 - [нацыя 2].
 - ...
 - życie polityczne.

Як бачна, на першым плане засталіся справы публіцыстыкі і польскі палітычны рух, павялічылася доля рэлігійнага агляду. Але адначасова была зведзена да мінімуму характарыстыка непольскіх палітычных рухаў, рабочага руху, адукацыі як польскай, так і непольскай.

Спіс адрасантаў выглядае наступным чынам: Міністэрства ўнутраных спраў, Міністэрства рэлігійных спраў і грамадскай адукацыі, урады суседніх ваяводстваў (8 копяў), пракуроры апеляцыйных судоў Вільні, Варшавы, Гродна, Сувалкаў, Ломжы і Беластока, першы філіял Другога аддзелу Ген. штабу Войска польскага, інфармацыйныя рефераты у Гродна (2 копіі), Брэст і Варшаву, штаб КАП “Брыгада Гродна”, старасты ваяводства (12 копіяў), гарадскі стараста ў Беластоку, чальцу следчага камітэта у Беластоку, ваяводскі камендант у Беластоку і тры копіі ў архіў. Усяго 25 адрасантаў і 48 копіяў двух дакументаў справаздачы за справаздачны тыдзень.

Падцвярджае тэзіс, прыведзены ў разборы мінулай формы, аб пашырэнні асіміляцыйнай палітыцы дзяржавы, і гэты самы

падзел агульнай справаздачы на два дакументы, умоўна кажучы “польскі”, які датычыўся ўвогуле амаль усіх сфер рэгулярнага грамадска-палітычнага жыцця ваяводства і “непольскі”, які характарызуе астатнія нацыянальнасці хутчэй як дадатак да тытульнай польскай нацыі. Такая форма справаздачнасці у якасці эксперыменту была выкарыстана у 1932-33 гадах, але стабільна увайшла ў практыку толькі з 1936 года, з моманту прыняцця гэтай формы. Варта заўважыць што ўжо ў гэтай форме склалаўся аптымальны адносна часу, фармат характарыстыцы грамадска-палітычнага руху ў ваводстве ў цэлым і па паветах у прыватнасці.

Абсалютна адсутнічаюць таксама звесткі, якія месціліся ў частцы VII. *Varia* мінулай формы, як і любыя іншыя звесткі пра шпіянаж, дыверсіі, памежныя здарэнні і надзвычайных сітуацый, што месціліся ў пазамінулай форме. Улічваючы пералік адрасантаў, нельга сцвярджаць, што гэтыя падзеі засталіся па-за ўвагай пільнага вока польскай адміністрацыі. Хутчэй за ўсё колькасць здарэнняў значна зменшылася і перайшла не на столькі вялізарны маштаб для адлюстравання іх у справаздачах. Знешнепалітычныя абставіны у перыяд карыстання гэтай формы (др. пал. 30-х) гэта падцвярджаюць.

Такім чынам, эвалюцыя формаў і структуры справаздачнай дакументацыі дазваляе, пры аглядзе асобных аспектаў паводле часу, як напрыклад, дамінуючыя тэмы, скласці ўяўленне аб тых ці іншых прыярытэтах і праблемах Польскай дзяржавы ў пэўны час. Таксама, улічваючы дадзеную інфарматыўнасць, можна сцвярджаць, што пры далейшым вывучэнні справаздачных матэрыялаў з разнастайных бакоў пэўная структура асобнай формы справаздачы з’яўляецца маркерам як неабходнага напрамку і метадаў вывучэння, так і звяртае ўвагу на вышэйакрэсленыя хібы і патрабуе прыцягненняў іншых дакументальных і/ці манаграфічных крыніц.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za okres od 3 czerwca – 1 września 1928 r [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: http://pbc.biaman.pl/Content/4938/sygn_44.pdf.
2. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za czerwiec 1931 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/14318/PL-4-47-0-60.pdf>.

3. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za grudzień 1930 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/14321/PL-4-47-0-63.pdf>.
4. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za marzec 1924 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/683/34.pdf>.
5. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za okres 2 – 9 marca 1929 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: http://pbc.biaman.pl/Content/4887/sygn_47.pdf.
6. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za styczeń 1927 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/810/35.pdf>.
7. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za wrzesień 1931 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/14319/PL-4-47-0-61.pdf>.
8. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za okres 1933-1935 r [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/43451/sygn.%2089.pdf>.
9. Tygodniowe sprawozdania wojewody białostockiego za okres 1935-1939 r. [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: <http://pbc.biaman.pl/Content/46440/sygn.%20108.pdf>.
10. Tygodniowe sprawozdania sytuacyjne wojewody białostockiego za 1932 r [Zasób elektroniczny] / Podlaska Digital Library – Białystok, 2013. – Tryb dostępu: http://pbc.biaman.pl/Content/26553/APB_sprawozdania_64.pdf.

This article examines the formation of the internal structure of the reporting documentation of the Government of the Białystok Voivodeship in accordance with the changing circumstances in the internal socio-political situation of the Polish state. The structural analysis of the corresponding forms according to requirements of the time defined for them and their comparison in a context of degree of improvement of administrative possibilities of management is resulted.

Навуковы кіраўнік – І. Ф. Кітурка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, рэктар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

А. Г. Чарняўскі

*Установа адукацыі «Гродзенскі
дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»*

Гістарычны кантэкст назвы «Беларусь» у латышскай мове: Baltkrievija ці Baltrutēnija?

У артыкуле разглядаецца пытанне назвы Беларусі ў латышскай мове. У латышскай моўнай традыцыі выпрацаваўся шэраг варыянтаў і формаў назвы Беларусі, сярод якіх найбольш распаўсюджанымі былі “Baltkrievija” і “Baltrutēnija”. Аўтар артыкула вызначае спецыфіку іх паходжання і выкарыстання ў латышскай мове мінуўшчыны і сучаснасці. Акрамя таго, закранаецца пытанне назвы беларускага краю ў латгальскай мове (альбо дыялекце) – асобнай форме латышскай мовы, распаўсюджанай у Латгаліі, – якая таксама мае шэраг адметных варыянтаў гэтай назвы.

Латвія і Беларусь маюць даўнюю гісторыю ўзаемадачынненняў яшчэ з дагістарычных часоў да нашых дзён. Жыхары Латвіі выкарыстоўвалі розныя словы для азначэння Беларусі і беларусаў. Гэтыя словы і выразы з’яўляюцца адлюстраваннем як працэсаў уласнабеларускай гісторыі, гэтак і латышка-беларускіх кантактаў на працягу мінулых стагоддзяў. У гэтым артыкуле мы б хацелі зрабіць агляд гэтых назваў, паказаць іх паходжанне і асабліваці выкарыстання.

Найбольш распаўсюджаны этнонім, які выкарыстоўваецца ў латышскай мове ў дачынненні да беларусаў – “baltkrievs”. Ён, як і слова “беларус”, складаецца з дзвюх частак – “balts” перакладаецца як “белы”, а слова “krievs” у сучаснай латышскай мове адпавядае слову “рускі”. Акрэсленні “Baltkrievija” і “baltkrievi” дамінавалі на працягу XX стагоддзя, такое становішча характэрна таксама для сучаснай латышскай мовы. Менавіта гэтыя словы былі ў складзе назваў беларускіх арганізацый Латвіі розных гістарычных перыядаў.

Дзеля таго, што латышская і літоўская мовы разам з’яўляюцца балцкімі мовамі, этнонім “baltkrievs” блізкі да літоўскага “baltarusis”. Другая частка гэтых словаў адлюстроўвае адрозненні ў гісторыі дачынненняў латышоў і літоўцаў з беларусамі. Відавочна, што слова “krievs” паходзіць ад назвы племені крывічоў, якое было звязана на працягу стагоддзяў з племенем латгалаў сваім геаграфічным знаходжаннем ды ракой Даўгавай – Заходняй Дзвіной. Латгалы разам з іншымі балцкімі

плямёнамі і фіна-ўгорскім племен ліван з’яўляюцца продкамі сучасных латышоў, а племя дало назву самой краіне Латвія.

Крывічы былі племен, якое займала найбольш блізкія да латгалаў тэрыторыі і было з імі звязана як ў палітычным і эканамічным плане, гэтак і пэўным падабенствам паходжання і культуры. Ад крывічоў гэты этнонім распаўсюдзіўся на насельніцтва некаторых іншых ўсходнеславянскіх тэрыторый. Расія ў латышскай мове дасюль мянуецца “Krievija”, а рускія – “krievi”. Адпаведна, літаральны пераклад слова “Baltkrievija” – “Белая Расія”, што сугучна распаўсюджанаму ў Расіі слову “Белоруссия”.

Варта паглядзець, як у гэтай балцкай мове гучаць іншыя тэрміны, этнонімы, якія выкарыстоўваюцца ў дачыненні да насельніцтва і гісторыі ўсходнеславянскіх земляў. Племя крывічоў ў працах сучасных гісторыкаў азначаецца не як “krievi”, а інакш – “kriviči”. Старажытнаруская мова – гэта “senkrievu valoda”. Русь – “Krievzeme” (другая частка слова – “zeme” – перакладаецца як “зямля”, абодва словы маюць агульнае паходжанне), а адпаведна Кіеўская Русь – “Kijevs Krievzeme”. У кантэксце неадназначнага стаўлення да слова “Белоруссия” для акрэслення краю сустракаецца, хоць і рэдка, выраз “Baltā Krievzeme”, то бок “Белая Русь” [4]. Гэты выраз з’яўляецца альтэрнатывай, якая адлюстроўвае паходжанне Беларусі не ад Расіі, а ад Русі, адпавядае скарачанай афіцыйнай назве краіны – Беларусь.

Крывічы – гэта не адзіны прыклад, калі ў латышскай мове назва аднаго племені распаўсюдзілася на больш шырокую этнічную групу. Назва Эстоніі на латышскай мове – “Igaunija”, яна паходзіць ад слова “igauņi” – гэта даўняе племя на поўдні сучаснай Эстоніі. Магчыма, падобнае паходжанне мае ў балцкіх мовах слова “Нямеччына” (“Vācija”, “Vokietija”) – ад назову паўночнагерманскага племені ў сучаснай паўднёва-ўсходняй Швецыі [9, lpp. 159].

Цікава, што гэтая латышская назва Беларусі – Baltkrievija – сугучная з іншай назвай, якую папулярываваў Вацлаў Ластоўскі. Для азначэння Беларусі ён прапаноўваў і сам у сваіх публікацыях выкарыстоўваў слова “Крывія”. Беларускую мову Ластоўскі называў крыўскай. Паводле ягонага артыкула “Аб назовах «Крывія» і «Беларусь»” (1925 г.), “наш народ у сваёй тысячалетняй гісторыі насіў тры імені: крывічы, літвіны, русь. Разбіраючы гэтыя тры імені па іх гістарычнаму значэнню, згодна ўсім да-

ным, толькі першае імя ёсць імем нашым уласным, самім народам сабе дадзеным (крывічы – родныя сабе па крыві, сваякі), а другія два былі нам накінуты са стараны”. Далей В. Ластоўскі адзначаў, што “імя «крывічы» ёсць стары і ўласны назоў нашага народа і краю, які мае не толькі роўнае права на існаванне з іншымі навейшымі і са стараны накінутымі нам назовамі, але больш таго, як назоў самаістны, можа павясці крывічоў да акрэслення свае нацыянальнай істоты, без наменклатурнай залежнасці ад «общерусскости»” [2, с. 375-378].

Напэўна, менавіта ў гэтым кантэксце варта глядзець на тэкст ліста Уладзіміра Пігулеўскага, беларускага дзеяча ў Латвіі, Вацлаву Ластоўскаму. Ліст быў падпісаны 3 ліпеня 1924 г., у ім У. Пігулеўскі распавядае пра следства, якое скончылася “Беларускім працэсам” 1925 г. у Латвіі. На апошняй старонцы, асобна ад асноўнага тэксту, ён напісаў Ластоўскаму: “Чаму Вы пішаце мне «Krievu» gimnazija. Я цяпер кіраўніком не расейскай гімназіі, а так такі беларускай, таму на будучыню пішыце «Baltkrievu»”. Відаць, В. Ластоўскі ў сваіх лістах, адрасаваных кіраўнікам беларускага руху ў міжваеннай Латвіі, выкарыстоўваў словы “Крывія”, “крыўскі”, што У. Пігулеўскі мог няправільна ўспрыняць, прыраўняць да словаў “Расія”, “рускі”. Вось такім своеасаблівым чынам крыўская тэорыя В. Ластоўскага магла ўплываць на ягоныя ўзаемаадносіны з беларусамі Латвіі [1].

Дарэчы, такі этнонім, які заўважна пераклікаецца са словамі “Baltkrievija”, “baltkrievs”, быў даспадобы Кастусю Езавітаву, фігуранту справы “Беларускага працэсу”, аднаму з лідараў беларускай меншасці ў міжваеннай Латвіі. У вершы 1925 г. “Не ный! Не плач!”, напісаным у рыжскай турме, які аўтар прысвяціў “братам Заходняй Беларусі”, ёсць такія радкі [3, с. 290]:

Хай з дрозду свету пракрычаць:

“Паўсталі крывічы!”

Тады пачнуць нас шанаваць.

Тады людзьмі нас будуць зваць!

Значная частка насельніцтва Латгаліі сёння размаўляе на латгальскай мове, якая аб’ядноўвае шэраг гаворак усходу краіны. Паводле латвійскага заканадаўства, латгальская мова – гістарычна сфармаваны варыянт латышскай мовы; па выніках перапісу 2011 г., штодзённа ёй карыстаецца 8,8% насельніцтва Латвіі [13]. Першая кніга на латгальскай мове выйшла ў 1753 г.

З таго часу ідзе працэс стварэння латгальскай літаратуры, быў распрацаваны адмысловы алфавіт. Латгальская мова вылучаецца, між іншым, большай колькасцю запазычанняў са славянскіх моваў у параўнанні з латышскай – гэта вынік шматвяковага суседства са славянскімі народамі. Па-латгальску Беларусь – “Boltkrīveja”, а беларус – “boltkrīvs”. Гэтыя словы сустракаюцца ў латгальскіх газетах Расійскай імперыі, незалежнай Латвіі міжваеннага перыяду, савецкіх і эміграцыйных латгальскіх выданнях пасляваеннага часу. Паколькі на працягу гэтага часу правапіс латгальскай мовы не быў аднолькавы, змены спазнала і напісанне гэтых словаў: так, у выданнях першай паловы XX стагоддзя слова “беларус” пісалася не праз доўгую “ī”, а праз кароткую “i” – “boltkrivs” [14].

Латышская мова мае некалькі акрэсленняў, якія паходзяць ад слова “Русь”. Усходнеславянскае насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага – гэта “rutēņi”, то бок “русіны”, а афіцыйная ў ВКЛ старабеларуская мова – “rutēņu valoda”. Яшчэ адзін варыянт этноніму “беларусы” – “baltrutēņi”, адпаведна Беларусь – гэта “Baltrutēņija”. Гэтыя формы па распаўсюджанасці значна саступаюць словам з апошняй часткай “kriev-”, ды на працягу XX стагоддзя частата іх выкарыстання моцна вагалася. Гэта відаць па згадваннях аб Беларусі ў латышкамоўных газетах і часопісах.

Мы мяркуем, што ў латышскую мову слова “baltrutēņi” прыйшло з нямецкай мовы: па-нямецку “беларусы” – “weißruthenen” і “weißrussen”. Відаць, слова “baltrutēņi” пачалі выкарыстоўваць падчас Першай сусветнай вайны. Напрыклад, гэтая форма прысутнічае ў апублікаванай па-латышску пастанове кіраўніка штаба Усходняга фронту Эрыха Людэндорфа аб умовах паштовага злучэння насельніцтва з амерыканскімі краінамі [6].

У прадмове да кнігі “No aistu vēstures” (“З гісторыі айстаў”) 1934 г. ёсць цікавыя разважанні аб этнонімах ў латышскай мове. Аўтарам гэтай часткі выдання быў Юлійс Брачс, гісторык, даследчык літоўска-латышскіх гістарычных сувязяў [10]. У якасці альтэрнатывы слову “балты” ён прапаноўваў выкарыстоўваць слова “айсты” (“aisti”, “aisčiai”). Далей Ю. Брачс піша, што часта латышы памылкова словам “Krievija” называюць старажытную Русь, а яе жыхароў – словам “krievi”, хоць Расія – гэта не тое самае, што Русь. У былыя часы Руссю ці Рутэніяй (par Rusi jeb Rutēņiju) называлі ўсё ўсходнеславянскія землі, але пазней у асноўным тую частку, якая аб’ядналася з літоўцамі ў адной

дзяржаве. Даследчык адзначае, што беларусы (baltie rusi jeb baltrutēņi) – спадчыннікі гэтага назову, і таму выкарыстоўваць слова “Baltkrievija” – няправільна. У тэксце прадмовы таксама ёсць яшчэ адзін варыянт назвы – “Baltruse” – гэта найбольш блізкі пераклад слова “Беларусь” [12, lpp. 10-11].

Сапраўдны ўсплеск выкарыстання словаў з другой часткай -rutēn- адбыўся падчас Другой сусветнай вайны – да гэтага “baltrutēņi” пісалі толькі ў рэдкіх выпадках. У газетах акупаванай Латвіі часта выкарыстоўваліся і “baltkrievi”, і “baltrutēņi”, “Baltrutēņija”; у той жа час ў савецкай латышскай газеце “Cīņa” (“Барацьба”) друкавалі выключна “baltkrievi” [5; 7]. У дачыненні да рускіх па абодвух баках фронту працягвалі выкарыстоўваць толькі слова “krievi”. Пасля вайны выкарыстанне словаў “baltrutēņi” і “Baltrutēņija” у перыядычным друку зноў зменшылася. Гэтыя словы засталіся толькі на старонках эміграцыйных выданняў (напрыклад, заходнянемецкая “Latvija”, “Latvija Amerikā”) [8]. Беларусаў у публікацыях прадстаўнікоў дыяспары на латгальскай мове, між іншым, акрэслівалі словам “boltruteni” [11].

Такім чынам, традыцыя латышскай мовы назапасіла шэраг назоваў беларускага краю: Baltkrievija, Baltrutēņija, Baltruse, Baltā Krievzeme, а з улікам латгальскай мовы – Boltkrīveja, Boltrusenija. Першы варыянт – Baltkrievija (Boltkrīveja) – дамінаваў на працягу ўсяго XX стагоддзя, і гэта назіраецца таксама і ў наш час. Толькі ў гады Другой сусветнай вайны поруч з гэтай формай актыўна выкарыстоўвалася іншая назва – Baltrusēņija. Іншыя варыянты займаюць незаўважнае месца ў латышскай моўнай традыцыі. Усе пералічаныя вышэй назвы паходзяць ад слова “Беларусь”, што відаць па іх складзе з двух кампанентаў. У літаратурнай латышскай мове няма якой-кольвек спецыфічнай для Латвіі назвы Беларусі, як, напрыклад, слова “Gudija” ў літоўскай мове. Аднак верагодна, што існавалі альбо працягваюць існаваць дыялектныя этнонімы з вузкім геаграфічным арэалам; гэта можа стаць годным прадметам іншых даследаванняў.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Ф. 3, воп. 1, спр. 256, арк. 40 адв.

2. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі; уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1997. – 500 с.
3. Расстраляная літаратура: творы беларускіх пісьменнікаў, загубленых карнымі органамі бальшавіцкай улады / уклад. Л. Савік, М. Скоблы, К. Цвіркi, прадм. А. Сідарэвіча, камент. М. Скоблы, К. Цвіркi. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 696 с.
4. Bivbāne, S. 27. jūlijs vēsturē: Baltkrievija pasludina neatkarību no PSRS / S. Bivbāne // Travelnews.lv [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms: https://travelnews.lv/?pub_id=123550. – Pieejas datums: 01.04.2021.
5. Braļi un māsas! // Ciņa. – 1943. – 6. novembrī. – Lpp. 2.
6. Eedzihwotaju pasta satiksme uz Ameriku // Kursemes wahzu waldes noteikumu lapa. – 1916. – 17. junijā. – Lpp. 1.
7. Nodibināta baltruteņu centrālā padome // Bauskas Vēstnesis. – 1944. – 21. janvārī. – Lpp. 2.
8. Rītprūsiju kolonizē ar baltruteņiem // Nedēļas apskats. – 1949. – 18. martā. – Lpp. 2.
9. Rozenbergs, J. Tautas un zemes latviešu tautasdziesmās / J. Rozenbergs. – Rīga: Zinātne, 2005. – 399 lpp.
10. Sudrabiņš, J. Braļu tautas tuvinātājs aizsaulē / J. Sudrabiņš // Noziegumi pret cilvēci [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms: <http://lpra.vip.lv/NSpielik.htm>. – Pieejas datums: 01.04.2021.
11. Škutāns M.I.C., S. Nu marijanu 300 gadu vēstures (1673.-1973.) / S. Škutāns M.I.C. // Dzeive. – 1973. – №118. – Lpp. 3-32.
12. Veinbergs, F. No aistu vēstures / F. Veinbergs, J. Bračs. – Rīga: Latviešu nāciokratu izdevniecība, 1934. – 208 lpp.
13. Vilcāne, V. Kāds īsti ir latgaliešu valodas statuss? / V. Vilcāne // LV portāls [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms: <https://lvportals.lv/norises/267001-kads-isti-ir-latgaliesu-valodas-statuss-2014>. – Pieejas datums: 01.04.2021.
14. Ziņas nu Latgolas // Semkopis. – 1907. – 24. oktobrī. – Lpp. 13-14.

The article considers the issue of the word 'Belarus' in the Latvian language. During the history of the Latvian language, a number of variants and forms of this word were developed, among which the most common were «Baltkrievija» and «Baltrutēnija». The author of the article defines the specifics of their origin and use in the Latvian language of the past and present. Besides, the author touches upon the issue of the name of Belarus in the Latgalian language (or dialect) – a separate form of the Latvian language common in Latgale – which also has a number of distinctive variants of this word.

Навуковы кіраўнік – А. С. Горны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

В. В. Шадурский

*Учреждение образования «Белорусский
государственный университет»*

Исследование новейшей истории Беларуси в монографии «Беларусь: денационализированная нация» Дэвида Роджера Марплса

В статье представлен историографический обзор монографии “Беларусь: денационализированная нация” канадского историка Дэвида Роджера Марплса из университета Альберты. Анализируя события новейшей белорусской истории, автор пытается ответить на вопрос: сохранит ли Беларусь свою независимость в будущем? Чистки в рядах национальной элиты 1930-х гг., индустриализация, урбанизация, руссификация и комплекс других причин привели к тому, что к периоду обретения своей независимости белорусы являлись “денационализированной” нацией, а белорусский язык и культура находились в состоянии упадка. Несмотря на это белорусская нация сохранила свой суверинитет в 1990-х гг. и вряд ли потеряет его в будущем. По мнению автора, несмотря на чрезмерное укрепление президентской власти, в Беларуси 1990-х гг. всё ещё сохранялись демократические институты, а активная экономическая экспансия западных брендов, служила дополнительным доказательством того, что страна всё же не превратилась в Северную Корею. Дэвид Марплс полагает, что окружённая государствами с более развитыми политическими и экономическими системами, Беларусь будет постепенно вовлекаться в процесс реформ, который, впрочем, не будет быстрым и во многом будет зависеть от молодого поколения, которому предстоит получить широкое образование, а также самостоятельно развивать национальный язык и культуру. При этом, республика не исчезнет с карты и найдёт своё место в мире XXI века. Подводя итог, монографию профессора Марплса по совокупности причин можно обозначить как фундаментальную англоязычную работу, посвящённую истории Беларуси 1980-1990 гг.

Чернобыльская катастрофа 1986 г., без сомнения, стала одной из страшнейших трагедий в новейшей истории нашей страны, вместе с тем она повлекла за собой новый всплеск международного внимания к Беларуси. Внимание это не ограничивалось рамками одной лишь гуманитарной помощью, но и нашло своё выражение в академической сфере. Профессор Дэвид Роджер Марплс из канадского Альбертского университета – один из гуру современной белорусистики – вспоминал, что именно интерес к влиянию чернобыльской аварии на Беларусь задал отправную точку в его «долгих и увлекательных отношениях» с нашей страной. Ещё в студенческие годы Д. Марплс заинтересовался историей России, но, когда дело дошло до темы выбора

кандидатской диссертации, его научный руководитель профессор Эверетт Джекобс, сам занимавшийся Молдовой, посоветовал ему выбрать одну из смежных с Россией республик, так как сама Россия в исследовательском плане была уже «перенаселена». Выбор молодого учёного пал на Украину, а после Чернобыля к ней добавилась и Беларусь [4].

Одной из наиболее фундаментальных работ, посвящённой белорусской тематике, стала вышедшая в 1999 г. «Belarus: A Denationalized Nation» или «Беларусь: денационализированная нация». Профессор Марплс написал её в период времени, когда с момента получения нашей страной независимости не минуло ещё и десятка лет, а в обществе стран Запада уже активно обсуждался вопрос: сохранит ли Беларусь свою независимость или же ведомая ностальгией по советскому прошлому инкорпорируется в состав России? Сам автор открыто ставил данный вопрос ещё в аннотации на обороте печатного издания. «A Denationalized Nation» не была первой работой Д. Марплса, посвящённой нашей стране [5], при этом спустя без малого двадцать два года она по-прежнему остаётся самой цитируемой из всех научных работ автора (235 цитирований на Google Scholar) [3], а обозначенные в ней тенденции и противоречия в развитии белорусского общества сохраняют актуальность и до сегодняшнего дня.

Сразу же после оглавления книги следует список важных дат, когда-либо происходивших в Беларуси, призванный произвести краткий экскурс в историю довольно малоизвестного для западного читателя региона. В числе дат, выделяемых профессором Марплсом, можно увидеть, как исторические эпизоды средневековья и нового времени, так и события новейшей истории Беларуси, как, например, митинг, посвящённый десятилетию аварии на ЧАЭС. После хронологии следует небольшое предисловие, которое Д. Марплс начинает с констатации факта, что Беларусь представляется западным исследователям менее интересной целью для исследования, чем Россия или Украина. В дополнение к вышесказанному автор приводит пример, что за несколько предшествующих выходу монографии лет только четыре работы, посвящённые белорусской проблематике, подавались на гранты IREX (международная организация, финансирующая многие научные исследования).

В своей работе над источниками автор по собственному признанию проводил больше времени со сторонниками демократии

и реформирования страны, нежели со сторонниками власти, членами правительства и «старыми коммунистами». Впрочем, по мнению Марплса, картину взглядов президентской администрации можно было в полной мере узнать из прочтения «Советской Белоруссии» и «Народной Газеты», вызывавшими авторское дежа-вю аналогиями с официальной печатью советского периода. Исследование было профинансировано советом социальных наук и гуманитарных исследований Канады, а также несколькими фондами канадского университета Альберты. А среди людей, которым автор выражает особую благодарность в предисловии можно найти имена знаменитых белорусских учёных-белорусистов: Адама Мальдиса и Яна Запрудника. Довольно большое количество ссылок в данной книге отсылают нас к основополагающей «Belorussia: The Making of a Nation» 1956 г. авторства Н. Вакара [7].

Описывая в первой главе досоветскую историю Беларуси автор довольно кратко затрагивает события и процессы, происходившие на нашей территории до конца XIX в. Более детальный разбор посвящён событиям первых десятилетий века XX, когда череда революций привела к ряду попыток белорусов оформить собственную государственность. При этом заявления о том, что в начале века белорусы были готовы к получению собственного государства, Марплс считает надуманными. Главную причину этого он видит в низкой доле непосредственно белорусского городского населения, без которого национальное движение не могло найти точку опоры для дальнейшего развития.

Особого внимания заслуживает и авторская точка зрения по поводу Белорусской народной республики. Третью уставную грамоту БНР Марплс называет провозглашением белорусской государственности, при этом полагая её скорее продуктом Первой мировой, нежели русской революции. При этом не смотря на общую слабость кампании за национальную независимость и являвшуюся её пиковой точкой провозглашения БНР, автор говорит о важности этих событий в качестве прецедента, повлиявшего на отстаивание национальных притязаний белорусов уже в советскую эру. В своей оценке БССР 1920-х гг. профессор Марплс отмечает, что именно она, а не Западная Беларусь, была центром белорусской жизни того периода. Ситуация изменилась в 1929 г. с началом сталинских репрессий против «национальной демократии» [6, с. 8].

Затрагивая тему войны, автор приводит тезис, что, несмотря на то, что некоторые жители БССР встречали немцев с радостью, правление последних обернулось для Беларуси только лишь чудовищными людскими и материальными потерями. Описывая ход блицкрига в Беларуси, автор допускает фактологическую ошибку, называя даты захвата немцами Гомеля и Мозыря 19 и 22 декабря 1941 г. соответственно [6, с. 15], в то время, как эти города пали почти на два месяца раньше, и линия фронта к обозначенным датам находилась уже под Москвой [1]. Не ставя под сомнение важность партизанской борьбы на территории Беларуси, профессор Марплс считает нужным отметить, что 78% партизан начали свои операции в 1943 г., когда чаша весов окончательно склонилась в пользу Красной армии. Попытки же немецкой гражданской администрации заигрывать с белорусским национальным движением хоть и имели место, но были ограничены неудачным для Третьего Рейха ходом войны и всё более активной деятельностью партизанских и просоветских сил. При этом последние годы войны были отмечены миграцией значительного количества белорусов, по тем или иным причинам, бежавшим от советской власти.

Завершается первая глава повествованием о «раннем послевоенном» и «машеровском» периодах белорусской истории. Утверждая, что просоветские партизаны были единственной в Беларуси группой, чей престиж в послевоенном обществе оставался крайне высок, автор уделяет большое внимание историческим фигурам К.Т. Мазурова и П.М. Машерова, являвшимся выходцами из партизанской среды. В политическом же смысле группа «Партизан» заняла доминирующее положение в БССР после смерти Сталина и XX съезда КПСС, так коренные белорусы сменили сталинских ставленников. Но и после этого, по мнению Марплса, белорусский язык и национальная культура получали по-прежнему мало возможностей для развития, несмотря на такие яркие жесты, как использование К.Т. Мазуровым и П.М. Машеровым белорусского языка в своих официальных речах [6, с. 19].

В целом период 1965-1980 гг. профессор Марплс прямо обозначает как «Машеровский». В первой главе ему посвящено почти четыре страницы, что больше объёма любого другого раздела, повествующего о новейшей истории Беларуси. С большей долей вероятности дело здесь кроется в том, что именно в обозначен-

ный период закладывался фундамент Беларуси как индустриально развитой, урбанизированной, сильно русифицированной и советизированной страны. Весь этот комплекс факторов сыграл свою заметную роль в будущем нашего государства как в перестроечный, так и в независимый периоды его истории. Описанию именно этих этапов и посвящена шесть остальных глав книги профессора Д. Р. Марплса.

Вторая глава книги описывает экономическую систему Беларуси в 1986-1996 гг. Первая часть данной главы посвящена исследованию последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции для белорусских земель. В своей работе Д. Марплс уделяет довольно большое внимание чернобыльской катастрофе, так не случайно в списке людей, которым автор в предисловии выражает особую благодарность можно заметить имя Геннадия Грушевого – основателя и руководителя фонда «Детям Чернобыля» [2]. Приводя подробную статистику по пострадавшим людям и заражённым территориям Беларуси, автор приходит к выводам, что Чернобыль повлёк за собой не только многочисленные смерти и болезни, но и стал причиной общего недоверия населения к заявлениям правительства, а также изменил общую демографическую картину нашей страны. Проблемы существовали и в экономике. Так, оказавшись наедине со своей независимостью, Беларусь оказалась перед лицом недостатка энергетических и сырьевых ресурсов, ранее поступавших из России. При этом одну из причин медленной экономической модернизации профессор Марплс видит также и в недостатке международного внимания к Беларуси в сравнении с её соседями: Россией и Украиной. В своей оценке белорусской экономики периода А.Г. Лукашенко профессор делает вывод, что прогнозы о коллапсе белорусской экономики оказались надуманными, но в то же время сведения о её заметных успехах Марплс также признаёт мнимыми. Из негативных моментов автор отмечает несовпадение данных реальной и официальной белорусской статистики, а также отсутствие в Беларуси должного инвестиционного климата [6, с .43].

Третью главу своего труда Д. Марплс посвящает политической истории Беларуси 1985-1993 гг.: событиям Перестройки и первых лет независимости. Действительно серьёзной проблемой автор считает упадок белорусского языка, отмечая, что в 1984 г. белорусы были на последнем месте среди всех титульных на-

ций советских республик по проценту людей, владеющих национальным языком. «Возможно ли развитие национального самосознания и культуры без родного языка?» – задаётся вопросом автор. Оспаривая примеры франкоязычной русской аристократии и индийских националистов, впитавших многие аспекты британской культуры, профессор всё же приходит к выводу, что для Беларуси, находящейся в тени огромной славянской России, в добавок имеющей многолетнюю имперскую традицию, национальное развитие Беларуси без собственного языка представлялось едва ли возможным [6, с. 52].

Не останавливаясь подробно на политических событиях в Беларуси 1991 – 1993 гг., автор отмечает, что страна осталась под контролем экс-коммунистов, а парламент находился под контролем прокоммунистических и консервативных сил. Демократическая оппозиция была слишком слаба, чтобы серьёзным образом повлиять на сильно русифицированные и советизированные народные массы. Вся совокупность этих факторов в условиях экономической неопределённости и нежелания политического руководства воспринимать новые идеи привела к тому, что 1993 г. застал Беларусь в «барахтающемся» положении [6, с. 66].

Четвёртая и пятая главы монографии посвящены президентскому периоду истории Беларуси. Самого белорусского президента автор описывает как высокого, молодого политика и умелого оратора со слегка высоким голосом, чья политическая карьера до лета 1994 г. была довольна низкоуровневой и посредственной. Триумфально победив на президентских выборах, А.Г. Лукашенко начал своё президентство с неуверенной политики ни за, ни против экономических реформ, а также с отсутствием какой-либо определённости во внешнеполитических вопросах. Однако по прошествии шести месяцев новая администрация превратилась в реально воспринимаемого политического игрока. Не отрицая высокий уровень электоральной поддержки А.Г. Лукашенко того периода, профессор Марплс в целом довольно критически оценивает его политическую деятельность. Квинтэссенция его отношения к системе, выстраиваемой белорусским лидером в тот период, находит выражение в ёмкой цитате: «Словом, Лукашенко управлял страной, как своей бывшей государственной фермой, уговаривая и убеждая крестьян принять его политику, при этом выражая разочарование и используя угрозы в адрес тех, кто стоял у него на пути» [6, с. 86].

Последняя, шестая, глава монографии касается важной темы отношений Беларуси с Россией. В связи с этим, она по сути представляет собой один большой ответ на вопрос: почему Беларусь всё же осталась независимой? В качестве одного из ответов автор приводит точку зрения, что значительно более богатая Россия, не избегая интеграционных процессов, всё же не стремилась к полному объединению с отстающим партнёром, вдобавок имеющим фундаментально другую систему экономической политики. Ещё одним вариантом ответа можно считать тезис, что если бы Россия решилась на аннексию нашей страны, то роль А.Г. Лукашенко в новом государстве вряд ли оказалась бы значительной. Поняв, что ему не удастся занять пост президента российско-белорусского союза, последний сменил изначальную риторику о необходимости объединения на высказывания о том, что он никогда не откажется от белорусского суверенитета.

В качестве общего итога всех шести глав исследования даётся ответ на главный вопрос, поставленный ещё в начале книги. Вопрос это звучал следующим образом: есть ли будущее у этой маленькой нации в десять миллионов человек? И здесь Д. Марплс уверенно даёт положительный ответ. Автор считает, что и у белорусской нации, и у белорусского государства есть будущее, Беларусь не исчезнет с карты и найдёт своё место в мире XXI века. Процесс реформ не будет, да и не должен быть быстрым, многое будет зависеть от молодого поколения, которому предстоит получить широкое образование и должным образом изучить белорусский язык и культуру, способствуя распространению национальных идей.

При этом, в своей оценке, складывающейся на 1999 г. геополитической ситуации, Д. Марплс абсолютно не склонен к демонизации образа России, а, напротив, утверждает, что некоторые белорусские националисты серьёзно ограничивают свои политические возможности, описывая восточную соседку Беларуси исключительно в чёрных тонах. Не случайно эпилог фактически заканчивается авторским предположением, что именно Россия может вновь стать катализатором политических изменений в Беларуси, как это уже случалось в 1917, 1922, 1926, 1939, 1991 гг. И в этот раз данные изменения могут носить именно демократический характер. Ведь, как утверждает профессор Марплс: «Государства Европы не обладают монополией на демократизацию...» [6, с. 15].

По прошествии двадцати лет, прогноз Д. Марплса о демократизации с востока едва ли можно считать воплотившемся. Что, впрочем, не умаляет достоинств книги. Главный прогноз книги можно считать сбывшимся: Беларусь не исчезла, не растворилась, а наоборот живёт и развивается, пусть процесс развития порой включает в себя и крайне болезненные стадии. В исследовании встречаются некоторые фактологические огрехи, как уже упоминавшиеся неверные даты взятия немцами белорусских городов в 1941 г. или же ошибочное обозначение Вилейской области, как Виленской [6, с. 14]. Но в целом, подобные ошибки не портят общего впечатления об исследовании, которое можно оценить, крайне высоко и без преувеличения назвать фундаментальной англоязычной работой, посвящённой истории Беларуси 1980-1990 гг.

Список источников и литературы

1. Гомельско-трубчевская оборонительная операция [Электронный ресурс] // Память народа – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/ops/gomelsko-trubchevskaya-oboronitelnaya-operatsiya/?static_hash=0afb5f37f55417ae0ce4d270c81d88f9v4. – Дата доступа: 10.04.2021.
2. Спасите наших детей от радиации [Электронный ресурс] // BBC News – Режим доступа: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-48810830>. – Дата доступа: 15.04.2021.
3. Articles of David R. Marples [Electronic source] // Google Scholar. – Mode of access: <https://scholar.google.com/citations?user=nXsoabUAAAJ&hl=en>. – Date of access: 10.04.2021.
4. David Marples [Electronic source] // Association for Slavic, East European, & Eurasian Studies. – Mode of access: <https://www.aseees.org/membership/david-marples>. – Date of access: 20.04.2021.
5. David R. Marples [Electronic source] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/David_R._Marples. – Date of access: 15.04.2021.
6. Marples, D. R. Belarus: A Denationalized Nation / D. R. Marples. – Taylor & Francis, 1999. – 138 p.
7. Vakar, N. Belorussia: The Making of a Nation / N. Vakar – Harvard University Press, 1956. – 297 p.

The article presents a historiographic review of the monograph “Belarus: a Denationalized Nation” by Canadian historian David Roger Marples from the Canadian University of Alberta. The purges in the national elite of the 1930s, industrialization, urbanization, russification, sovietization and some other reasons led to the fact that by the period of gaining the national independence Belarusians were a “denationalized” nation, and the Belarusian language and culture were in a state of decline. Despite this, the Belarusian nation retained its sovereignty in the 1990s. and unlikely will lose it in the future. Belarus will gradually be involved in

the reform process, which, however, will not be quick and will largely depend on the younger generation. The monograph of Professor Marples, for a combination of reasons, can be designated as a fundamental English-language work dedicated to the history of Belarus in 1980-1990s.

Научный руководитель – В. С. Кошелев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ.

УДК 94(476)

Д. В. Васин

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки купалы»*

«Іасса» Витовта как предмет защитного вооружения

Данная статья посвящена раскрытию назначения такого элемента защитного вооружения как «якка» Витовта. На основе записей расходов двора Ягайлы, дается описание ее возможной конструкции и материалов, использовавшихся для изготовления. В ходе исследования была также принята попытка поиска аналогичных предметов схожего назначения, происходящих из письменных источников Западноевропейских стран.

Великое Княжество Литовское конца XIV века претерпевала значительные изменения затронувшие многие сферы деятельности, которые так же не прошли стороной и военное дело, и как его составную часть, защитное вооружение.

Хотя интерес к этой тематике среди любителей истории растет с каждым днем, скудные письменные источники дают нам недостаточное количество информации для воссоздания какого-либо представления о таких видах защиты как поддоспешники и налатники. Эти пробелы могут быть компенсированы археологическими находками, однако те элементы защитного вооружения, которые изготавливались из текстильных материалов и кожи среди археологических находок очень редки.

Исходя из этого сегодня существует явная необходимость провести анализ тех немногочисленных записей, которые могли бы

пролить хоть какой-то свет на данный вопрос, тем более что в среде исторической реконструкции существует постоянная потребность в изготовлении исторически обоснованных изделий данного вида.

В перечне расходов двора Ягайло присутствуют упоминания редкого вида одежды под термином якка (лат. *iacca*). К. Турская (K. Turska) на основе анализа конструкции и изобразительных источников предполагает, что якки бывали как защитные, так и репрезентативные. Она описывают его как короткий облегающую кафтан который носился вместе с суконными чулками и металлическим поясом, расположенным на бедрах. А происхождение этого слова объясняет заимствованием от французского слова жакет (фр. *jaquet*) [21, с. 83–87].

Если обратиться непосредственно к первоисточнику мы можем наблюдать записи о приобретении шелка для французских якк (*iaccas francos*) Ягайло и Витовта в 1394 году [16, с. 211]. Позже для французской якки Витовта был приобретен фунт черного шелка (*libris serici nigri*) [16, с. 217]. Немного ниже мы видим запись о покупке дополнительных пол фунта того же черного шелка, как указано, для завершения (*complendos*) этой одежды [16, с. 219].

Примечательно, что указанная якка была обозначена как французская и это с одной стороны наводит на мысль что она могла быть сделана во Франции, а в Польше могла выступать как предмет дарения или импорта. Но с другой стороны мы видим, что в её конструкцию вносились какие-то изменения, или возможно, что здесь были зафиксированы последние этапы ее изготовления, тогда не исключена возможность того что этот предмет мог быть изготовлен непосредственно при королевском дворе, а прилагательное французская обозначала стиль или конструктив предмета.

Любопытно что в этом же году якку вместе со шлемом (*pro schlomone*) получил некий Свимунт (*Swimunto Lithwano*) [16, с. 194]. Она же присутствует и в перечне различных приобретённых товаров с пометкой (*tentorii dicti iacca*) [16, с. 218]. Запись вместе с шлемом указывает на то что данный предмет скорее всего был элементом экипировки воина нежели гражданским костюмом.

В пользу данной мысли может говорить описание событий, происходящих во время Грюнвальдской битвы из «HISTORIA POLONICAE» Яна Длугоша: «Между тем рыцарь прусского во-

йска, немец родом, которого звали Диппольд Кикериц фон Дибер, из Лузании, с золотой перевязью, в белом тевтонском плаще (который по-польски мы называем *jakka*), с ног до головы облаченный в доспехи, выскочил на рыжей лошади из рядов большой прусской хоругви (находившейся в числе упомянутых шестнадцати); затем подскакав к самому месту, где стоял король, и потрясая копьём на виду всего вражеского войска.» [4, с. 105].

Как следует из этого фрагмента, немец тевтонского ордена использовали некий «белый тевтонский плащ» (*alba diploide Theutonica*), однако если мы обратимся к работе 1678 г. «*Glossarium mediae et infimae latinitatis*» Шарля Дюканжа (Charles du Cange), мы сможем найти ряд синонимичных названий употребительных к доспеху названным акетон (*Aketon*, *Hoqueton*, *Hauqueton*). Среди этих названий указываются на то что в английских источниках данный доспех фигурировал под такими терминами как *actvum*, *lorica dupla*, *duplodes* [10, с. 155, col. c].

По всей видимости термин *diploide* в Польше был малоупотребителен, и для лучшего понимания описания автор решил дать пояснение, указывающее на польское название данного предмета (*quam in Polonico appellamus jakkam*). Следовательно, польское название *якка* может стать в один ряд с перечисленными выше синонимами доспеха типа акетон.

Кроме того, как мы видим в этом же отрывке *якка* фигурирует вместе с полным комплектом доспехов (*et armis in toto corpore vestitus*), а указание на то что она была «тевтонская» говорит нам, о том, что на ней присутствовали геральдические символы, выполняющие на поле боя функции распознавания принадлежности к конкретной армии. Следовательно, данный вид одежды в комплексе с остальными доспехами мог выступать только в роли налатника или же самостоятельной защиты корпуса [9, с. 111].

Примером такого налатника может служить сохранившийся до наших дней в художественном музее Шартра (*Musee des beaux-arts in Chartres*) налатник будущего короля Франции Карла VI. В литературе его часто называется, как пурпуэн (*pourpoint*) или гамбезон (*gambeson*) что в некоторой степени вносят путаницу функционального назначения данного предмета. Тем не менее вышедшая статьи с подробным исследованием его конструкции говорит о том, что он был налатником, идентичным тем, которые изображены на статуях Вальтера фон Хоенклингена (*Walter von Hohenklingen*), 1386 г. и Петера Креглингера (*Peter Kreglinger*)

1365 г. в сочетаниях с кольчугой, нагрудником и латными перчатками. [12, с. 155]

Данный налатник после коронации Карла, в 1380 году поступил на хранение в собор Девы Марии в Шартре (Cathédrale Notre-Dame de Chartres), вместе с другими элементами защитного вооружения такими как перчатки, наручи, налокотники, набедренники, наголенники, сабоны, а также с бацинетом с кольчужным авантайлом. Хотя он и изготовлен на подростка, он полностью передает все основные черты подобных доспехов, а вместе с другими компонентами экипировки раскрывает нам приблизительно полный комплект доспехов рыцаря той эпохи.

Стан налатника состоял из четырех приталенных деталей и застегивался на обтянутые шелком деревянные пуговицы, а его рукава были широкими и просторно скроенными. Все его конструктивные элементы состояли из многослойных деталей, собранных из двух частей, каждая из которых была плотно набита вываренной ватой и простегана друг с другом. Этот налатник имел дорогостоящую крышку из узорчатого шёлка красного цвета и льняную подкладку деталей, а количество слоев ткани на стане составляло пять, а на рукавах четыре слоя. Также степень ватной набивки была неравномерна, и предусматривала разную степень защиты и подвижности разных частей доспеха, а особенностью его конструкции, которая говорит о том, что он носился поверх доспехов является специфический вырез для меча [12, с. 157].

В связи с использованием ваты как специфического материала налатника, обращает на себя внимание фрагмент из перечня королевских расходов касающейся яки Ягайлы:

«Item pro II tafftis albis ad yaccam dni Regis, in qua solummodo taffte loco bombicis sunt posite, quamlibet tafftam per V marc. recipiendo, summa facit X marc. » [16, с. 160].

Из этого отрывка выходит, что в нашем случае якка Ягайлы была подшита белой тафтой (tafftis albis) вместо ваты (loco bombicis). Тафта представляет собой разновидность глянцевого плотной тонкой ткани полотняного переплетения из туго скрученных нитей шёлка, и по своим свойствам может быть приблизительно равноценным заменителем ваты, в том случае если в изделии простегано большое количество ее слоев [1, с. 12]. Это интересное указание говорит о том, что в большинстве случаев якка подразумевала под собой ватную подкладку, как у

обычных акетонов, однако писарь специально подробно описал приобретение тафты вместо ваты, и эта конструкционная особенность приближает упомянутый предмет ближе к защите, называемой жак (фр. *jaque*) или джек (англ. *jack*).

Конструкционные особенности такого доспеха были запечатлены в некоторых письменных источниках.

Так в указе Людовика XI короля Франции за 1450 г. указано что «...одежда солдат должна быть удобной и пригодной для сражений. Следует принять во внимание, что пешим воинам помимо бригадины (*brigandines*) нужно нести немалый груз. И прежде всего им нужен упомянутый жак (*Et premierement leur faut des dits jacques*) в двадцать пять или тридцать, а самое лучшее тридцать один слой оленьей кожи (*cuir de cerf*). Самая хорошая кожа это уже бывшая в употреблении и достаточно тонкая... Жак (*jacques*) должен быть без рукавов и без воротника, на плечах толщиной в четыре пальца. Только в таком снаряжении пешим воинам удобно сражаться, ибо они сражаются мечом и стреляет из лука...Так будет ему комфортно в жаке (*jacques*) при условии, что у него есть пурпуэн без рукавов, а не колет (*pourpoint sans manches ne colet*).» [11, с. 87].

Этот отрывок ордонанса раскрывает нам законодательно регламентируемую многослойную конструкцию французского жака. Однако возможно, что здесь была допущена ошибка, на которую указывает в своей работе Чарльз Фолкс (*Charles ffoulkes*) и жак состоял скорее всего не из тридцати одного слоя оленьей кожи, а из тридцати слоев ткани, покрытых слоем кожи. Кроме этого здесь же обращает на себя внимание указание на одежду называемой пурпуэн которая носилась под жаком, который в свою очередь носился под бригадиной [8, с. 109].

В пользу версии использования большого количество ткани, а не кожи говорят нам сведения, происходящие из Аббевилльского ордонанса (*Ordonnance d'Abbeville*) Карла Смелого герцога Бургундского за 1471 г. Там указано что «лучник на лошади ценной меньше 10 экю ... должен был иметь жак (*jaque*) как минимум из двенадцати полотнищ, три из которых были вощенные (*de toile cirée*) а девять простые (*de toile commune*)» [7, с. 147].

В отличие от предыдущего ордонанса здесь лучник носил жак по верх кольчуги, а три слоя провощённой ткани предавали этой одежде водоотталкивающие свойства что предохраняло кольчугу от погодных условий.

Опираясь на эти источники можно сделать заключение о том, что в большинстве случаев, у французского жака основным защитным материалом выступало множество слоев льняной ткани и кожа. Эта же особенность прослеживается и на выше упомянутой якке Ягайло, только с тем исключением что вместо нескольких слоев льняного полотна здесь используется слой тафты.

Немного отличительную картину мы наблюдаем из письменных источников, относящихся к Англии.

Так наиболее близкие виды защитной одежды зафиксированы в счетах хранителя имущества лондонского Тауэра, Уильяма Ротуэлла (William Rothwell), за 9 мая 1353 – 24 июня 1360. Здесь среди прочего представлены не только дублеты «xviij doublet» и акетоны «ix aketons» но и акетонеры с пластинами «v aketoners de platis» и палтоки «xx paltoks» [20, m. 4, right column].

Как следует из другой записи в 1377 г. Джон Тилни (John Tilneye), производитель палтоков (paltokmaker), продал как указано два «палтока или джека» (paltokes or jacks), из черного атласа за 100 шиллингов. Эти сведения указывает на то, что к тому времени эти два термина были уже синонимами, и что джеки могли быть довольно дорогой защитной одеждой [17, с. 183].

Позже в договоре между Джоном Херместорпом (John Hermesthorp) и Ранульфом Хаттоном (Ranulph Hatton) о поставке оружия для лондонского Тауэра от 9 мая 1382 г. уже фигурируют сами джеки с пояснением «малоценные» «dcccxv jackes modici valoris» [19]

В описи товаров сэра Джона Фальстоффа (Sir John Falstoffe) в 1459 г. присутствует такая запись «i. jack of black linen stuffed with horn and mayle and vj. jacks stuffed with horn». В отличие от предыдущих кратких записей, здесь нам раскрывается характерная особенность, которая заключалась в том, что английские джеки в отличие от французских жаков использовали пластины из рога или кольчугу в качестве основного защитного материала [11, с. 92].

Более того в хронике Рафаэля Холиншеда (Raphael Holinshed) 1586 г. нам более информативно раскрывается эта конструктивная особенность: «Наши доспехи не слишком отличаются от доспехов других народов это могут быть нагрудники «corselets», немецкие заклепки «almaine riuets», кольчужные рубахи «shirts of maile», джеки стёганные и покрытые или кожей, фустианом, или холстом «iackes quilted and couered ouer with leather, fustian, or

capuas» или с толстыми железными пластинами подшитыми таким же образом «ouer thicke plates of iron that are sowed in the same», и нет такого города или деревни которые не имели бы оружейной мастерской» [11, с. 90].

Эти данные примечательны не только сообщением о подшитых (sowed) железных пластинках, но также и тем что сам термин джек нес на себе отголоски написания близкой к своей классической форме (iасса), через букву i, а не через йоту j, которая на ряду с буквой k входила в употребление в латинском алфавите только в позднее средневековье.

Примером конструкции пластинчатого джека может служить экземпляр, датированный 1560 г. из Королевской оружейной палаты в городе Лидс (inv.№ III.1884). Он имеет форму джека без рукавов, открывающегося спереди. Правая сторона груди перекрывает левую сторону примерно на 3 дюйма и вдоль ее края расположено шесть пар отверстий для шнуровки (пять вниз по вертикальному краю и одна внизу). Отверстия укреплены проволочными кольцами, пришитыми обметочным швом. Шнуровка, по-видимому, из кожи проходила через них, и была, прошита на левой грудной стороне таким образом, чтобы совмещать их концы с соответствующими парами отверстий на другой стороне. Джек обладает короткой юбкой, которая разделена по бокам и сзади, и так же стоячий воротник, разделённый по бокам.

Детали состоят из маленьких железных пластин, сшитых между слоями ткани толстым шпагатом. Пластины имеют более или менее квадратную форму, со сторонами примерно от 1,15 дюйма до 1,4 дюйма. Они имеют обрезанные углы, и каждая пластина по своему центру несет одно отверстие для пришивания. Наружная крышка состоит из толстого слоя шерстяной ткани, обтянутого холстом. Внутренняя ткань состоит из двух слоев более грубого сорта холста, за исключением передней части воротника, где один слой грубого холста перекрывает слой толстой шерстяной ткани. Все края джека обшиты оторочкой из тончайшего сорта холста.

Каждая пластина закреплена от четырех до шестью стежками через центральное отверстие. Вертикальные линии стежков присутствуют практически по всему корпусу, сопровождаемые либо горизонтальной и диагональной линией стежков, либо двумя диагональными линиями стежков, идущих друг против друга. На воротнике используются только вертикальные и гори-

горизонтальные строчки, тогда как на юбке встречаются в основном горизонтальные и диагональные линии стежков. Пересечения стежков в центре каждой пластины украшены пучками зеленого шелка. Доспеху не хватает нескольких пластин и некоторых частей внешней покрывки.

Даная схема пришивки пластин обеспечивала двойное перекрытие, а сами пластины зачастую изготавливались из переработанных крупнопластинчатых караценов XV века итальянского производства. Такая пластина несла на себе характерные три отверстия от демонтированных заклепок, что видно даже на примере археологической находки из Американского Джеймстауна, которая датирована 1607 г. [18, с. 48].

Однако не все джеки могли быть изготовлены с использованием прошивки стальных, роговых пластин или кольчуги между тканью. Так к примеру тканевый доспех из церкви Ротвелла, Западный Йоркшир (Rothwell, West Yorkshire), по своей многослойной конструкции был ближе всего к акетону Карла VI. Данный предмет имеет вид распашного джека без рукавов, он застегивался на застёжки, которые не сохранились до нашего времени. Предположительно доспех был изготовлен из поочередных слоев льняной ткани, проложенных грубой шерстью и простёганных квадратами. Конструкция состояла из семи слоев, ориентировочно трех слоев холста, потом слой шерсти, затем опять холст, опять шерсть и завершающий слой из тонкого льна [13, с. 299].

Опираясь на собранные выше данные рассмотрим более подробно характерные особенности яки Витовта, которая была изготовлена в 1394 г. при польском дворе по указанию короля Ягайло.

Основные сведения дают нам следующие записи:

«Item pro stamine iaxamiti nigri ad thesaurum, de quo etiam iacca dno Witoldo sarsa est XXXII marc.

Item feria VI proxima (3/7) pro XXX vlnis tele ad predictam iaccam, recipiendo vlnam per II gr. summa I marc. I fert.

Item pro X vlnis barchani nigri ad predictam iaccam, recipiendo vlnam per V gr. summa facit I marc. II gr.

Item pro VI vlnis pokoczin nigri ad predictam iaccam, sub iaxamito ponendo, recipiendo vlnam per V 1/2 gr. summa facit XV 1/2 sc.

Item pro nigro serico ad predictam iaccam et cabacia dni Regis I marc. XV sc.

Item pro VI vlnis tele nigre ad iaccam dni Witoldi, recipiendo quamlibet vlnam per V gr. summa facit 1/2 sexag.

Item sabbato proximo (11/7) Henrico sartori dni Regis pro textorio ferreo dicto ramy, ad parandum iaccam dno Witoldo X gr.

Item pro franczche ad iaccam dni Witholdi II marc. III sc. » [16, с. 199-201].

«Item pro XIV filtris dictis pilszny subtilibus in Anglia paratis, ad iaccam dni Witoldi II marc. » [16, с. 215].

Рассматривая этот список приобретенных материалов можно сделать заключение о том, что данная якка изготавливалась из множества слоев различных тканей. Предположим, что по конструкции она представляла из себя акетон на подобие образца Карла VI корпус которого состоял из четырех частей и рукавов. Однако следует отметить то что этот акетон не мог быть плотно посаженным так как пишет Турская. Это вытекает из того что под аксамит используется шесть локтей подклада из попочина, тогда как под атласный кафтан (iorram de atlasz) и кафтан из парчи (iorulam de parchanio) Андрея Полоцкого использовано всего по пять локтей полотна для подкладки каждого [16, с. 187].

Можно предположить, что якка была более свободного кроя чем стандартные кафтаны, а многослойность подобная французским жакам говорит о том, что она одевалась поверх доспехов. Из документа следует что самый верхний слой этой одежды был изготовлен из черного аксамита (iaxamiti nigri) дорогостоящий ткани которая ворсовалась как бархат и имела различные рисунки в виде трав или цветков, которые выполнялись золотыми и серебряными нитями [2, с. 2].

Для подкладки аксамита (sub iaxamito ponendo) было использовано шесть локтей ткани которая называется черный попочин (pokoczín nigri). Название этой ткани по всей видимости чешского происхождения (pokošín, rokušín, rokušina) и предположительно обозначает полотно, изготовленное из конопляных волокон, что соответствует восточнославянскому полотну называемым посконь [15, с. 283-289]. Конопляные ткани из мужских растений были очень жесткими и грубыми и хорошо подходили для подложки под дорогостоящую ткань в верхней одежде. [3, с. 343]. К примеру «полотна купили посконного на подшивку подъ жупанъ локтей десять.» [5, с. 61].

Далее в перечне указаны тридцать локтей полотна (tele). Предположим, что указанное полотно по ширине такое же, как и попо-

чин. Разделив тридцать локтей на шесть получим пять. Из этого выходит, что вслед за усиленной покочином богатой аксамитной покрывкой шел основной слой из пяти полотен.

В этой одежде следующим слоем или двумя было 10 локтей бархана (*barchani*). По всей видимости эта ткань в ширину была уже чем обычное полотно и поэтому на пошивку ушло больше локтей. Также возможно, что барханом подлаживался только корпус яки, а рукава были более тонкие для простоты сгибания рук. Такой прием известен по акетону Карла VI [12 с. 157]. Бархан был ворсованной хлопковой тканью, которая часто использовалась для пошива одежды, и ее подшивки [14, с. 32]. К примеру «Жупан унтерфиновый зеленый, белым борханом подшитый.», «Кафтаникь бархановый з баволною, коштовал копу грошей литовских» [6, с. 57–58]. Между тем здесь же бархан записан также в связи с упоминаниями об изготовлении якк для оруженосцев Ягайлы (*parandum iaccas armigeris*) [16, с. 216]. В случае с яккой Витовта можно предположить, что здесь бархан выступал в качестве амортизирующей подкладки потому что после неё в счетах идет запись о приобретении шести локтей чёрного полотна (*tele nigre*) который скорее всего был последним слоем и служил внутренней подкладкой одежды.

Также в этом реестре присутствуют записи о приобретении чёрного шелка (*nigro serico*), который предположительно использовался для украшения этой одежды. Единственно из этого списка остается неясным предмет названный франше (*franczcze*), но не исключено что это могло быть некое украшение возможно даже геральдическое. Также не ясно и назначение 14 филтрисов называемых пилшны (*filtris dictis pilszny*) изготовленных в Англии, но можно предположить, что это были искусно (*subtilibus*) изготовленные и украшенные застёжки для яки.

Примечательно в этом списке полностью отсутствуют записи о приобретении ваты для неё, однако из сообщения об уплате придворному портному (*sabbato*) 10 грошей, как написано за вплетение железа называемого рамы (*pro textorio ferreo dicto ramu*) нам становится понятно, что вместо ваты здесь скорее всего были использованы металлические пластинки. По всей видимости портному было заплачено за прошивку пластин между несколькими слоями холста. Из этого выходит, что данная якка была доспехом, с одной стороны по своей многослойности близка к французским жакам, но с другой стороны прошивка пла-

стинами делает ее близкой к английским джекам или более ранним пластинчатым акетонерам.

Таким образом рассмотрев большое количество разнообразных источников можно прийти к выводу о широкой хронологии и географии бытования данного типа доспеха. Более того мы наблюдаем большую вариативность наименований, а также различные конструкционные особенности, характерные для разных эпох и регионов.

Так же подробный анализ материалов из которых были изготовлены якки Витовта и Ягайло, раскрыл нам региональную особенность их производства, характерную для придворных мастеров Польского королевства. Среди которых можно выделить основные:

1. Обычные якки использовали как основной защитный материал хлопок.
2. Хлопок мог быть заменен на тафту как в случае с яккой Ягайло.
3. Якка могла быть усилена железными элементами как в случае с яккой Витовта.

Список источников и литературы

1. Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Том 42. Татары–Топрик. – Москва: Большая советская энциклопедия, 1956. – С. 668.
2. Висковатов, А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 2-е издание. / А. В. Висковатов. – СПб.: Типография «В. С. Балашев и Ко», 1899. – С. 273.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского. 2-е издание. Том 3. / В. Даль. – Москва, СПб., 1882. – С. 380.
4. Длугош, Я. Грюнвальдская битва. / Я. Длугош. – Москва: АН СССР, 1962. – С. 216.
5. Историко-юридические материалы. Вып. 8. Приходо-расходные книги г. Могилева за 1691 г. // Акты, извлеченные из книг Могилевского магистрата за 1591–1634 гг. – Витебск: типография Витебского Губернского Правления, 1877. – С. 530.
6. Историко-юридические материалы. Вып. 32. Акты первой книги Могилевского магистрата за 1577–1578 гг. – Витебск: типография Витебского Губернского Правления, 1906. – С. 292.
7. Контамин, Ф. Война в Средние Века / Ф. Контамин. – СПб: Ювента, 2001. – С. 416.
8. Фолкс, Ч. Средневековые доспехи. Мастера оружейного дела. / Ч. Фолкс. – Москва: ЗАО «Центрполиграф», 2006. – С. 281.

9. Dlugossii, J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Tom 10 / J. Dlugossii. – Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. – S. 352.
10. Du Cange, C. Glossarium mediae et infimae latinitatis / C. du Cange. – T. 1. L. Favre, Imprimeur-Editeur, 1883. – C. 155.
11. Ffoulks, C. The Armourer and His Craft / C. Ffoulks. – London: Methuen & Co. LTD., 1912. – C. 295.
12. Kelly, T. D. The Tailoring of the Pourpoint of King Charles VI of France Revealed. / T. D. Kelly // Waffnen- und Kostümkunde 55, –2013. no. 2. – Sonnefeld: Verlagshaus GmbH & Co., – C. 153–180.
13. Knowles, R. A defensive garment in the church at Rothwell, West Yorkshire / R. Knowles // Journal of the Arms and Armour Society, –1985. – Vol. 11 (5) – C. 299–305.
14. Kubalska–Sulkiewicz, K. Słownik terminologiczny sztuk pięknych / K. Kubalska–Sulkiewicz, M. Bielska–Łach, A. Manteuffel–Szarota. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. – C. 536.
15. Marvan, J. Ze staroceskeho slovníku / J. Marvan, E. Michálek, I. Němec // Listy filologické. Folia philologica. –1963. – Roč. 86, Čís. 2. – C. 283–289.
16. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi: z lat 1388–1420. // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia (T.15). – Kraków: Komisja Historyczna Polska Akademia Umiejętności №55, 1896. – C. 616.
17. Richardson, R. T. The Medieval Inventories of the Tower Armouries 1320–1410 / R. T. Richardson. – York: University of York, 2012. – C. 748.
18. Straube, B. A. Arms and armour from James Fort. Unfitted for any moderne service / B. A. Straube // Post-Medieval Archaeology, –2006. – No. 40/1. – C. 33–61.
19. TNA E 101/400/16 Indenture for delivery of the contents of the privy wardrobe at the Tower of London by John Hermesthorpe to Ranulph Hatton, 9 May 1382.
20. TNA, E 101/392/14, account of William Rothwell, keeper of the privy wardrobe at the Tower of London, 9 May 1353–24 June 1360.
21. Turska, K. Ubiór dworski w Polsce w dobie pierwszych Jagiellonów / K. Turska. – Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – C. 207.

This article is devoted to the disclosure of the purpose of such an element of protective equipment as Vitovt's «iacca». On the basis of the expenditure records of the Jagaila court, a description is given of its possible design and the materials used for its manufacture. In the course of the study, an attempt was also made to search for identical items of a similar purpose, originating from written sources from Western European countries.

Научный руководитель – С. А. Пивоварчик, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 372.893(430)

Е. В. Венскович

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

Увековечивание памяти жертв немецко-фашистских захватчиков в Щучинском районе

В статье анализируются мемориалы Великой Отечественной войны на территории Щучинского района, посвященные памяти невинных жертв оккупационного немецко-фашистского режима. Рассматриваются основные места преступлений фашистов на территории района. Основное внимание уделяется проблеме увековечивания памяти жертв Холокоста. Главный вывод статьи – не все места гитлеровских преступлений на территории Щучинского района отмечены памятниками или мемориальными знаками

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась сложнейшим испытанием в истории Щучинского района. Она оставила несмываемый отпечаток в памяти испытавших её людей. Немецко-фашистские захватчики установили на территории района оккупационный режим. За рамками фашистского общества оказалась еврей. Немецко-фашистские захватчики начали реализовывать нацистскую программу уничтожения евреев. Евреев содержали в гетто вплоть до полного уничтожения, используя на тяжелых и грязных принудительных работах [1, с.240].

Немцы создали на территории района 4 гетто: в Желудке, Василишках, Острино, Щучине. Летом 1941 г. было образовано гетто в Василишках. Под территорию гетто была выделена одна сторона улицы Советской и улицы Школьная и Кроньков-

ская. 9 мая 1942 года в Василишки прибыла зондергруппа СС из Лиды под командованием штабслейтера Виндиша и его помощника Васюкевича. 10 мая евреев согнали на улицу Школьная. Людей гнали по улице Советской к окраине местечка на еврейское кладбище. Там их группами по 10-30 человек расстреливали – это длилось до вечера 11 мая. За все это время немцы и полиция замучили и убили 2159 евреев. В 1967 году в Василишках был установлен обелиск «советским гражданам», погибшим от рук фашистов, – без упоминания евреев [2, с.205].

27 июня 1941 года было организовано гетто в Желудке. Немцы согнали местных евреев и евреев из близлежащих деревень в гетто. Гетто располагалось на окраине посёлка, на улице Орлянской. 9 мая евреев согнали на Рыночную площадь, где офицеры СС Леопольд Виндиш и Рудольф Вернер отобрали 81 еврея-ремесленника, а остальных узников – более 1500 человек – увели за деревню, расстреляли и закопали в заранее подготовленном рву. Всего за эти два дня в Желудке было убито от 1400 до 2000 евреев. В 1959 году на братской могиле жертв геноцида евреев в Желудке, убитых в мае 1942 года, был установлен обелиск [2, с.207].

25 июня 1941 г. посёлок Острино было оккупирован. В июне 1941 года немцы согнали евреев Острино и близлежащих деревень (Новый Двор, Демброво) в гетто. 7 ноября 1941 года немцы обвинили евреев в поджоге сарая, приказали им немедленно собраться на площади, и там же сразу расстреляли несколько десятков человек. В конце ноября 1941 года всем узникам приказали собраться на площади с ценными вещами, которые тут же отобрали. В ноябре 1942 года Остринское гетто было ликвидировано, и были убиты последние из 1969 евреев гетто. В 1989 году на могиле жертв геноцида евреев в Острино был установлен памятник [3].

В сентябре 1941 г. в Щучине было создано гетто. Оно занимало южную часть местечка между современными улицами 17 сентября и Гастелло, частично охватывая ул. Комсомольскую и Фрунзе. Территория гетто была обнесена колючей проволокой. Кроме щучинских евреев сюда были вывезены евреи из Рожанки. Общее число узников достигало 2,5 тыс. человек. Охрану гетто несли полиция с комендантом Петуховым [1, с.241]

9 мая 1942 г. фашисты уничтожили заключённых Щучинского гетто. Согласно архивным данным в Щучине фашисты уничтожили 2180 евреев. “Акцией” руководили штабслейтер Вайндиш,

комендант полиции Коцот и представитель местной районной управы Ижевский. Около 500 “ценных евреев”—специалистов и физически крепких мужчин, пригодных для тяжёлого труда, фашисты временно оставили в живых. Остальных расстреливали группами по 10–15 человек. Уцелевших евреев немцы использовали для разных работ. 17 сентября 1943 г. оставшихся евреев из Щучина через Лиду вывезли в концентрационные лагеря. Так, трагически оборвалась почти трехвековая история щучинской еврейской общины. В 1965 году на братской могиле жертв геноцида евреев Щучина был установлен обелиск, реконструированный в 2001 году [1, с.242].

Следы гетто, расположенных в Щучине, Василишках, Острино и Желудке не сохранились. Сейчас на месте них располагаются дома простых людей. К сожалению, место последнего пристанища евреев в Щучине никак не увековечено, даже нет мемориальной доски, свидетельствующей о том, что здесь когда-либо находилось гетто.

Известен также памятник жертвам войны, расположенный в д. Зиняки. 22 января 1944 года за связь с партизанами фашисты сожгли деревню Зиняки Щучинского района вместе с ее жителями. В огне и от пуль карателей тогда погибли 419 зиняковцев и 65 жителей других деревень. В 1967 году в знак памяти погибших в д. Зиняки был установлен обелиск [4].

Во время войны от рук оккупантов в Щучинском районе погибло более 7,5 тыс. мирных жителей, а трагическую судьбу Зиняков разделили также и жители деревни Огородище, которая из пепла не возродилась.

В конце 60-х гг. XX в. в Щучинском районе начали устанавливать памятники, посвященные землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Мемориалы появились в деревнях Валянчицы, Крупово, Липично, Сороки, Потоке, Залесно, Барташи, Скоржики, Щенце, Бершты, Шейбаки, Матюки, Остров, Чапаевка, Богуши, Ошмянца; в агрогородках Каменка, Василишки, Лычковцы, Головичполье, Демброво, Скрибовцы.

Таким образом, увековечивание памятников жертв Великой Отечественной войны в Щучинском районе находится на достойном уровне. Памятники благоустроены, за ними периодически ухаживают волонтеры и просто неравнодушные люди. Однако есть упущения. Некоторые объекты до сих пор не увековечены и даже никак не обозначены. В первую очередь, это касается

месторасположения гетто в Щучине. Жители Щучина, подрастающее поколение, люди, проживающие и работающие на данных улицах, не знают, какой объект здесь находился, несмотря на то, что некоторые дома, входившие в состав гетто, сохранились. Позитивным примером может послужить г. Гродно, где на месте главного входа в гетто установлен мемориальный знак.

Список источников и литературы

1. Донских, С. В. Щучин: локальная история в контексте региональных процессов / С. В. Донских. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 240–242.
2. Крень, И. П. Щучинщина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / И. П. Крень, В. А. Дзежиц // Память: Ист.-документ. хроники Щучинского района. – Минск, 2001. – С. 205–207.
3. Рассказ М. Цирульницкого, б. заключенного № 79414 в местечке Острино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/shoa/grossman019.htm>. – Дата доступа: 20.03.2021.
4. Царевич, У. Огороженная сестра Хатыни. Трагедия д. Зиняки на Щучинщине / У. Царевич // Савецкая вёска. – 1975. – № 28 – С. 2.

The article deals with the memorials of the Great Patriotic War of the Shchuchin region, dedicated to the memory of the innocent victims of the occupation regime of the German fascist invaders. The main attention is paid to the problem of perpetuating the memory of the victims of the Holocaust. The main conclusion of the article is that not all places of Hitler's crimes on the territory of the Shchuchin district are marked with monuments or memorial signs.

Научный руководитель – А. Н. Загидулин, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Д. А. Мелех

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

Формирование нормативно-правовой базы диаспоральной политики Республики Беларусь

В настоящее время, согласно различным данным, за рубежом проживает около 2,5 миллионов белорусов. В связи с этим одной из приоритетных задач, как представителей белорусской диаспоры в мире, так и внешней политики Республики Беларусь, является поддержание двухсторонних контактов. В статье рассматриваются этапы формирования нормативно-правовой базы диаспоральной политики Республики Беларусь. Особое внимание уделено разработке и принятию закона Республики Беларусь «О белорусах зарубежья».

Белорусская диаспора, оформившаяся более чем в 70 странах мира, является неотъемлемой частью белорусского народа. Она представляет собой важный ресурс в формировании положительного имиджа нашей страны. Белорусы зарубежья способствуют продвижению экономики и культуры Республики Беларусь в мире, сохранению белорусских традиций, обычаев и языка вне родины. Эти обстоятельства в значительной степени способствовали формированию нормативно-правовой базы диаспоральной политики Республики Беларусь.

Провозглашение 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете БССР и придание ей статуса закона положили начало изменениям государственной политики в отношениях с белорусским зарубежьем. С обретением независимости началась разработка законодательного определения и обеспечения прав белорусов за рубежом [1, с.121]. Десятая статья Конституции Республики Беларусь гарантирует защиту прав и законных интересов граждан не только на своей территории, но и за её пределами. Конституция также содержит положение, по которому ни один белорус не может быть лишён гражданства или права изменить его. В тридцатой статье было закреплено право на выезд из Республики Беларусь и беспрепятственное возвращение на родину [3].

В 1993 г. была принята Государственная программа «Белору-

сы в мире», являющаяся нормативным документом, в котором раскрываются основные направления взаимодействия с белорусской диаспорой. Программа ставила цели обеспечения национально-культурных потребностей белорусов зарубежья. Среди основных задач были:

- предоставление белорусам зарубежья возможности получения белорусских книг и периодических изданий;
- обеспечение поддержки периодических изданий белорусских общественных объединений за рубежом;
- предоставление возможности молодым белорусам зарубежья получать образование в высших и средних специальных заведениях Беларуси;
- проведение лекций высококвалифицированными преподавателями и учеными для белорусов, проживающих за рубежом;
- организация совместно с представителями белорусской диаспоры научно-практических семинаров, курсов для преподавателей белорусского языка, литературы и истории;
- регулярное проведение встреч деятелей науки и культуры Республики Беларусь с представителями белорусских землячеств.

Государственная программа определила органы государственной власти и общественные организации, занимающиеся упорядочением взаимосвязей с белорусской диаспорой. Это означало начало процесса построения отношений Республики Беларусь с соотечественниками на новых принципах.

При Совете Министров в соответствии с программой был создан Координационный совет по делам белорусской диаспоры. Минский горисполком и остальные горисполкомы, в свою очередь, обязывались разработать региональные программы сотрудничества с белорусами зарубежья.

Одним из важнейших шагов в реализации диаспоральной политики стало создание в 1997 г. Государственного комитета по делам религий и национальностей Республики Беларусь.

С 2001 г. начинается кампания по продвижению закона о белорусской диаспоре. В 2002 г. создаётся рабочая группа, в состав которой были включены все заинтересованные белорусские ведомства, работающие с соотечественниками за рубежом, однако разработка законопроекта была приостановлена на несколько лет.

14 ноября 2005 г. был принят закон «Об утверждении Основ-

ных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». Одной из основных задач внешней политики Республики Беларусь было провозглашено содействие реализации национальных, культурных и иных прав и законных интересов белорусов зарубежья.

Деятельность по разработке законопроекта возобновилась в 2006 г. В этом году была подготовлена новая концепция, которая предполагала создание «карты белоруса», по аналогии с польской, но эта идея не была реализована.

Концепцию закона, получившую одобрение высшего руководства страны, представил в 2008 г. Аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей. Разработать окончательный вариант законопроекта было поручено Министерству иностранных дел. Данная процедура велась с учетом предложений, которые представители белорусской диаспоры внесли на V съезде белорусов мира [1, с.122].

Законопроект содержал некоторые положения, касающиеся государственной политики по отношению к белорусской диаспоре. Предлагалось ввести удостоверение белоруса зарубежья, которое обеспечивало бы некоторые привилегии, такие как право на получение многократной визы, доступ к образованию, своевременной медицинской помощи и т.д.

После периода обсуждений и доработок был одобрен закон «О белорусах зарубежья», вступивший в силу в 2014 г. В его состав включены 4 главы и 21 статья [2].

Закон закрепил понятие «белорусы зарубежья», определил основные принципы и направления государственной политики в области отношений с белорусами зарубежья в целях обеспечения солидарности белорусов во всем мире, сохранения национально-культурной идентичности белорусов зарубежья и укрепления их связей с родиной. В законе были определены меры государственной поддержки, оказываемой белорусам зарубежья в Республике Беларусь и за ее пределами.

По закону, белорусами зарубежья являются лица, постоянно проживающие за пределами Беларуси и идентифицирующие себя как белорусы или являющиеся выходцами из территории современной Республики Беларусь.

Законом также регулируется деятельность общественных организаций белорусской диаспоры. Согласно пятой статье, они могут оказывать содействие в реализации государственной по-

литики в области отношений с белорусами зарубежья, вносить в государственные органы Республики Беларусь предложения по совершенствованию государственной политики в этой области. Общественные объединения имеют право продвигать белорусские культурные ценности, белорусский язык, а также белорусские традиции и обычаи, осуществлять иную деятельность в области отношений с белорусами зарубежья, не запрещенную законодательством Республики Беларусь [2].

Согласно статье 6, государственное регулирование и управление в области отношений с белорусским зарубежьем осуществляются Президентом Республики Беларусь, Правительством Республики Беларусь, Министерством иностранных дел Республики Беларусь, Министерством культуры Республики Беларусь, Уполномоченным по делам религий и национальностей, областными и Минским городским исполнительными комитетами, и другими государственными органами и организациями Республики Беларусь [2].

Президент и Правительство Республики Беларусь осуществляют общую государственную политику и другие полномочия в области взаимоотношений с белорусской диаспорой в соответствии с Конституцией и иными законодательными актами Республики Беларусь.

Министерство иностранных дел Республики Беларусь координирует деятельность республиканских, исполнительных, распорядительных органов и общественных организаций по реализации государственной политики в области отношений с белорусами зарубежья. Также оно разрабатывает и принимает участие в реализации государственных программ, осуществляет мониторинг отношений с организациями белорусского зарубежья, развивает контакты с белорусской диаспорой и т.д.

Министерство культуры устанавливает и развивает сотрудничество с белорусами зарубежья по вопросам культуры, оказывает помощь в сохранении и развитии национально-культурной самобытности, способствует популяризации белорусской культуры и традиций.

Уполномоченный по делам религий и национальностей организует содействие в удовлетворении национально-культурных потребностей белорусов зарубежья и их объединений, содействует информационному обеспечению, разрабатывает и реализует

государственные программы в области отношений с белорусами зарубежья.

Областные и Минский городской исполнительный комитеты на региональном уровне содействуют установлению и развитию сотрудничества с белорусской диаспорой.

При Министерстве иностранных дел Республики Беларусь, согласно статье 14, был создан Консультативный совет по делам белорусов зарубежья. Совет является коллегиальным органом, участники которого согласовывают совместные шаги по укреплению партнерства между государством и белорусами зарубежья в культурной, образовательной, информационной сферах.

Закон также предусматривал создание при республиканских органах управления и областных исполнительных комитетах консультативных органов – советов по делам белорусского зарубежья.

В области отношений с белорусами зарубежья государственная политика основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. Она базируется на поддержании отношений с представителями белорусской диаспоры на основе взаимного уважения и партнерства, необходимости учёта действий иностранных государств по отношению к белорусам, проживающим на их территории, оказании государственной поддержки в реализации национальных, культурных и других прав белорусов зарубежья.

Главная цель государственной политики в отношении соотечественников – содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусов зарубежья, выработка механизмов для удовлетворения культурных, информационных, языковых и других нужд, укрепления связей с исторической родиной, создание благоприятных условий для белорусов, вернувшихся в Республику Беларусь.

Реализация целей государственной политики способствует созданию условий для изучения белорусами зарубежья родного языка, истории и культуры Беларуси, открытию культурных центров, созданию научных и образовательных организаций, культурному и образовательному обмену между общественными организациями белорусской диаспоры и Республикой Беларусь.

Также законом предусматривалось проведение научных и культурных мероприятий, как в Беларуси, так и за рубежом, издание работ по истории и культуре Беларуси и белорусской

диаспоры, реализация права на образование в Республике Беларусь, оказание гуманитарной помощи белорусам зарубежья, столкнувшихся с чрезвычайной ситуацией и др. [2].

В июле 2015 г. при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь состоялось первое заседание Консультативного совета по делам белорусов зарубежья. Совет возложил на Министерство иностранных дел ответственность за реализацию государственной политики в области взаимодействия с белорусской диаспорой. Данный орган стал эффективным инструментом, координирующим деятельность объединений белорусов зарубежья [5]. Его третье заседание состоялось в сентябре 2017 г. В рамках заседания были обсуждены результаты работы, рассмотрены результаты, дальнейшие планы, и будущие меры поддержки белорусов зарубежья. В июле 2019 г. прошло пятое заседание Совета, участники которого подвели итоги работы за год и наметили новые сферы совместной деятельности в целях укрепления связей между диаспорой и белорусским государством [4].

Таким образом, процесс создания правовых основ диаспоральной политики Республики Беларусь, начатый ещё в 1993 г., завершился принятием закона «О белорусах зарубежья» в 2014 г. Этот закон заложил основу для системной работы государства с белорусским зарубежьем, а также создал правовые предпосылки для осуществления через соответствующие государственные программы комплекса мероприятий, направленных на развитие дальнейшего сотрудничества с представителями белорусской диаспоры.

Список источников и литературы

1. Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. / БГУ; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.] – Вып. 5. – Минск, 2017. – 164 с.
2. Закон Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» от 16 июня 2014 года №162-З [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://belros.org/doc/zakon_belorus_zarubeg_2014.pdf. – Дата доступа: 23.02.2021.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 01.03.2021.
4. Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел

- Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://russia.new.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/compatriots/autonom. – Дата доступа: 20.02.2021.
5. Палажэнне аб Кансультацыўным савеце па справах беларусаў замежжа пры Міністэрстве замежных спраў Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/upload/statement.pdf>. – Дата доступа: 07.02.2021

The article is devoted to the chronology of the formation of the regulatory and legal framework of the diaspora policy of the Republic of Belarus. Much attention was paid to the development and adoption of the law "On Belarusians Abroad", which determined the main directions and principles of state policy in the field of relations with representatives of the Belarusian diaspora.

Научный руководитель – Н. Л. Улейчик, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 904+94(476)

В. С. Тумін

Установа адукацыі «Гродзенскі

дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»

Роля лічбаў у радзільных звычаях і абрадах традыцыйнай культуры беларусаў

Артыкул апавядае пра ўплыў лічбавай сімволікі на народную культуру беларусаў, якая ў значнай ступені ўздзейнічала як на паводзіны цяжарнай жанчыны, так і на выхаванне дзіцяці ў першы перыяд яго жыцця. Радзільныя звычаі і абрады выбудоўваюць сваю мадэль часовых адносін і развіваюцца ў адпаведнасці з універсальным рытмам традыцыйнай культуры пад уплывам асабліва моцных у гэтай сістэме лічб 1, 3, 9, 40.

Нараджэнне дзіцяці лічылася вельмі важнай гістарычнай, сацыяльнай і культурнай з'явай і з'яўлялася своеасаблівай кропкай адліку новага часу, якое ўплывала на ўсю сям'ю і далучала да актыўнага ўдзелу ў рытме традыцыйнай культуры 0 – 3 – 9 – 40 – 1 год. Комплекс традыцыйных радзінных звычаяў складаўся з трох цыклаў: родавага, родавага, пасляродавага [1, с. 308].

Паводзіны цяжарнай жанчыны рэгламентаваліся мноствам прадпісанняў і забарон. Сярод беларусаў было распаўсюджана павер'е, што карова будзе даваць шмат малака і штогод прыносіць здаровы прыплод у тым выпадку, калі ў двары першай яе сустрэне цяжарная жанчына. Удзел цяжарнай жанчыны ў вясельных і пахаронных абрадах калі і дапушчаўся, то патрабаваў спецы-

яльных ахоўных мер: на Палессі, ідучы на вяселле, жанчына апранала бялізну навыварат, за сталом ёй давалі дзве лыжкі; выступаючы ў ролі хроснай маці або ідучы развітвацца з нябожчыкам, яна апранала два фартуха [6, с. 160]. Цяжарнай жанчыне нельга было пужацца пажару. Калі ўсё ж яна спужалася, ні ў якім разе не павінна дакранацца да сябе, інакш у дзіцяці на месцы дотыку можа быць радзімая пляма. Існуюць ўяўленні аб тым, што плямы можна пазбавіцца з дапамогай пэўных рытуальных дзеянняў. Неабходна роўна ў дванаццаць ночы прыйсці ў дом, у якім знаходзіцца нябожчык, папрасіць каго-небудзь са сваякоў памерлага ці таго, хто прыйдзе разам з жанчынай абвесці мізінцам правай рукі нябожчыка тры разы вакол плямы. Практыка сведчыць, што праз тры дні плямы бяследна знікаюць [4, с. 271–272].

У народнай культуры вядомы і шматлікія абярэгі, якімі карысталіся жанчыны на працягу ўсяго перыяду цяжарнасці. Вельмі надзейным абярэгам лічыўся кавалак чырвонай ніткі, на якой самая старая жанчына роду завязвала праз ногі цяжарнай дзевяць вузельчыкаў. Акрамя таго існавала шэраг замоў аб захаванні цяжарнасці. Так пры пагрозе выкідышу загаворвалі ваду і прапаноўвалі выпіць цяжарнай на працягу дня дванаццацю глыткамі [4, с. 276–277].

Захавалася мноства рытуальных маніпуляцый з удзелам цяжарнай жанчыны, якія могуць аказаць дабратворны ўплыў пры лячэнні бясплоддзя. На Віцебшчыне былі ўпэўнены, што цяжарная можа пазбавіць ад бясплоддзя, калі яна першая зойдзе ў новы дом гаспадароў [6, с. 160]. Таксама бясплоднай жанчыне давалі першай патрымаць на руках нованароджанага. Ад бясплоддзя выкарыстоўваліся і кампаненты расліннага і жывёльнага свету. Звычайна ў народнай традыцыі пазбягаюць ужываць у ежу здвоеную садавіну і гародніну, каб не справацырываць нараджэнне двойнят. У выпадку бясплоддзя паступалі наадварот: жанчыне давалі з’есці тры, шэсць, або дзевяць як з дзвюма жаўткамі, неабходна было з’есці некалькі здвоеных сліў або арэхаў, дзевяць дзён піць адвар кары дзвюх зрослых дрэў. Былі распаўсюджаны і розныя замовы. Каб зацяжарыць трэба на працягу сарака дзён на вярхоўцы вязаць па адным вузлу. Той, хто будзе завязваць вузел, павінен называць імя жанчыны, якой неабходная дапамога, а затым перад завязваннем і пасля яго тройчы плюнуць праз левае плячо і прашаптаць спецыяльную замову [4, с. 264–268].

У народнай традыцыі існуе багатая сістэма варажбы аб будучым лёсе дзіцяці ў залежнасці ад дня нараджэння. У першы дзень тыдня – панядзелак – нараджаліся на свет няўмекі, у якіх ўсё з рук валілася. У другі – аўторак – з’яўляліся працавітыя людзі, якім шанцавала ў вытворчых справах. Народжаных на трэці дзень – у сераду – чакаў неакрэслены лёс. Тыя, чый дзень нараджэння прыпадаў на чацверты дзень – чацвер – рана пачыналі хадзіць, гаварыць, праяўлялі спрыт ва ўсіх справах, аднак ім прадказвалі хуткую смерць. Пяты дзень – пятніца – прыносіў бацькам лайдакоў, злодзеяў, п’яніц. Шосты дзень тыдня – субота – дараваў шчасце і ўдачу. На сёмы дзень – у нядзелю – народжаных чакалі шанцаванне і поспех ва ўсіх справах [1, с. 313].

На працягу першага года жыцця маці і немаўля знаходзіліся ў поле пэўнай сацыяльнай ізаляцыі і ўдзел у сямейна-родавых і календарных святах быў звужаны. Аднак пры гэтым маці і яе дзіця былі максімальна ўцягнутыя ў духоўна-энергетычнае поле традыцыі, якое прадпісвала прытрымлівацца велізарнай колькасці маральна-этычных і сакральна-абрадавых рэгламентацый, скіраваных на адаптацыю немаўля ў пакуль што чужой прасторы зямнога быцця [4, с. 285].

Першыя тры дні жыцця дзіцяці асабліва значныя. Невыпадкава, што вяселле гуляюць тры дні, провады чалавека ў іншы свет працягваліся усё тыя ж тры дні. Важным этапам ачалавечвання нованароджанага з’яўлялася першае купанне, калі трэба было змыць сляды яго нядаўна унутрычрэўнага жыцця. Пры першым купанні павітуха выраўнівала ногі дзіцяці, гладзіла яго па галаве, каб яна была круглая, злёгка сціскалі носік, каб ён быў прыгожым. Перад першым кармленнем на дзіця малаком трэба нанесці тры крыжа. Першы на лобіку, каб быў разумным і паслухмяным, з другім, ў вобласці сэрца, перадаецца любоў і абарона ад злых сіл, трэці ў раёне пупка, каб дзіцё не хварэла і было фізічна моцным. Пры першым кармленні дзіця прыкладваюць да правай грудзі [1, с. 312; 5, с. 12–14].

Наступным і адказным момантам было рытуальнае купанне дзіцяці, якое здзяйснялася на дзевяты дзень жыцця. Яно прызва- на працягнуць працэс праграмавання найважнейшых аспектаў будучага жыцця. Пры купанні дзяўчынкі ў ваду клалі дзевяць або сорок зярнятак жыта, каб немаўля вырасла здаровым і змагло нарадзіць дзіця, працягнуць свой род [4, с. 308]. Калі купалі хлопчыка, клалі заручальныя пярсцёнак бацькі, зерне, траву.

У Чэрвеньскім раёне тройчы падлівалі ў начоўкі цёплую ваду, сыпалі попел ў чатыры месцы па шчопаці [2, с. 41–42]. Пасля рытуальнага купання дзіця можна было класці ў калыску.

Наступнай і галоўнай падзеяй у духоўным жыцці маленькага чалавека было хрышчэнне. Па ранніх царкоўных правілах хрысціць немаўля трэба было на восьмы дзень пасля нараджэння. Сёння царква прысвячае восьмы дзень жыцця для нарачэння дзіцяці імем, а абрад хрышчэння праходзіць на саракавы дзень. Менавіта на саракавы дзень маці першы раз прыходзіць з немаўлём у храм для атрымання ачышчальнай малітвы. Важная роля надавалася хросным бацькам, якія становяцца духоўнымі заступнікамі нованароджанага. Пры выбары хросных бацькоў прытрымліваюцца асобных правіл. Хроснай не можа быць цяжарная жанчына або жанчына, якая сорок дзён таму нарадзіла дзіця. Непажадана браць у хросныя разведзеных, удоў, людзей, не стварыўшых да сарака гадоў сям’і ці не маючых дзяцей. Калі дзяўчыну або жанчыну ў першы раз запрасілі быць хроснай маці, то яна можа пахрысціць толькі хлопчыка, а калі маладога хлопца або дарослага мужчыну ўпершыню папрасілі быць хросным бацькам, ён можа пахрысціць толькі дзяўчынку [4, с. 312–314].

Хросныя бацька і маці павінны паклапаціцца аб нацельным крыжыку. Крыж і тасьму купляюць у храме. На тасьму хросная маці ці маці дзіцяці зачытвае для хлопчыка малітву “Ойча наш” сем разоў, кожны раз завязваючы на тасьме вузельчык. Затым, надзеўшы на тасьму крыжык, чытае малітву Святому Духу “Цару Нябесны” і завязвае восьмы вузельчык, звязваючы канцы разам. Для дзяўчынкі сем разоў чытаецца малітва “Найсвяцейшай Багародзіцы”. Восьмы раз чытаецца малітва Святому Духу [5, с. 90–91].

Падчас абраду хрышчэння святар тройчы чытае малітву, адганяючы злых духаў, якія імкнуцца завалодаць душой нехрышчонага чалавека, тройчы асвятчае ваду, якая знаходзіцца ў купелі, затым у гэтую ваду тройчы апускае немаўля, суправаджаючы кожнае апусканне кліканнем імя Найсвяцейшай Тройцы. Дрэны знак, калі падчас хрышчэння згасла свечка. Адразу варта было купіць сорок свечак і запаліць іх каля сарака абразоў святых, а пасля заходу сонца памыць дзіця нагавораннай вадой. Калі дзіця памерла нехрышчоным, то, па народных паданнях, яно будзе асуджана на вечныя мукі ў цемры. Існуе павер’е, што

маці можа дапамагчы дзіцяці, калі раздаць на Сёмуху сорок крыжыкаў дзецям, у думках наракаючы сваё дзіця іменем [5, с. 312, 318]. Пасля хрышчэння праводзіўся спецыяльны абрад, накіраваны на тое, каб дзіця любіла сваю сям’ю і трымалася сваёй хаты. Як толькі прынясуць яго з царквы ў хату, тры разы абносяць па руху сонца вакол пячнага слупа [3, с. 389].

Вялікае значэнне на хрэсбінах меў абмен падарункамі паміж бабкай-павітухай, кумамі і парадзіхай. У шматлікіх раёнах Беларусі, атрымаўшы падарунак ад парадзіхі, бабка-павітуха тройчы перакручвалася на месцы, тройчы падскоквала ўверх як мага вышэй, стукала у далоні і жадала немаўлю шчасця. Па закону магіі, падскокі ўверх закліканы былі садзейнічаць хуткаму росту, перакручванні на месцы і хлопанне ў далоні з’ўляліся элементамі ахоўнай магіі і павінны былі адагнаць злыя сілы.

Паралельна з царкоўным існаваў народны абрад далучэння немаўля да сям’і. Ён звычайна выконваўся да хрышчэння, зрэдку і пасля. Павітуха купала дзіця, а пасля абыходзіла стол, на якім ляжаў хлеб, з немаўлём на руках. Хлеб цалавалі тройчы, а пасля хросныя бацькі з дзіцём адпраўляліся ў царкву [1, с. 316, 318].

Хрышчэннем дзіцяці заканчваецца перыяд уваходжання ў жыццядзейнасць сям’і. Далей пачынаюцца не менш адказныя этапы жыцця: першае слова, першы зуб, першы крок, першы пострыг. Да года стараліся не бываць з дзіцем у людных месцах, а калі бывалі, то, прыйшоўшы дадому, праводзілі рукой па твару, вопратцы, як бы здымаючы бруд, і пры гэтым прагаворвалі: “Ідзі за ветрам”. Калі хтосьці пільна паглядзеў на дзіця, пра сябе маці казала: “Соль табе ў вочы не раз, а тройчы”.

Цэлы шэраг своеасаблівых дзеянняў выконваўся, каб паскорыць і палегчыць праразанне першых зубоў. Шматвяковыя народныя назірання паказваюць, што калі ў дзіцяці першым вырас верхні зуб, то такі чалавек будзе няшчасным і няўдачлівым ва ўсім. Каб гэтага пазбегнуць прамаўлялі спецыяльную замову [4, с. 329–330]. Пры з’яўленні першага зуба бабуля саджала дзіця ў рэшата і вазіла па падлозе, каб з’явіліся іншыя зубы. А каб яны раслі моцныя і не балелі, маці жавала часнок і хукала ў рот дзіцяці на першыя зубкі.

Па народных меркаваннях, калі дзіця рабіла першы крок, маці брала нож ці другі востры прадмет і праводзіла ім па падлозе паміж ножак дзіцяці. Іначай, дзіця доўга будзе няўпэўнена хадзіць, валіцца на падлогу. Адносна першага пострыгу існуюць

супярэчнасці. У адным выпадку, першае пастрыжэнне здзяйснялася пры спаўненні года. Лічылася, што калі абстрыганне дзіцяці адбудзецца раней, то прывядзе да яго беднасці, альбо прынясе розныя няшчасці [1, с. 320]. У іншым выпадку лічылі, што да спаўнення года дзіця трэба пасрыгчы тры разы. Валасы не спальвалі, а захоўвалі ўсё жыццё за іконай.

Існуюць розныя прадпісанні, выкананне якіх прадухіляе розныя хваробы ў дзіцяці. Калі ў хаце ёсць дзеці да года, то нельга нічога пасля заходу сонца выносіць з хаты, ў тым ліку і смецце, штосьці пазычаць, хадзіць па вадзічцы ноччу. Дзіця будзе хваравітым, калі пашыць з новай тканіны вопратку дзіцяці, таму на працягу першага года жыцця шылі вопратку толькі са старой тканіны.

Калі ў сям’і старэйшыя дзеці сварыліся, то кажуць на малако, якая закіпела ў першы раз, кажуць другі раз, калі на малацэ сабралася пенка, кажуць у трэці раз, калі малако астыла. Затым дзеляць малако паміж дзецьмі і даюць выпіць патроху са словамі – “Як гэта малако закіпела і астыла, так каб і дзеці ў сварцы астывалі” [4, с. 332, 336].

Прааналізаваўшы звычаі і абрады, можна прыйсці да высновы, што лічбы былі важнай часткай дзеянняў у дачыненні да дзіцяці, якое ў традыцыйнай культуры беларусаў разглядалася як неад’емная частка прыроды. Шмалікім народным звычаем падпарадкоўвалася яго нараджэнне, развіццё, выхаванне. Веданне гэтых правіл, якія ўзніклі непасрэдна пад уплывам шматвякавага вопыту, уздзеянні на з’яўленне перасцярог і правіл паводзін для жанчын у перыяд цяжарнасці.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Беларусы. Т. 5. Сям’я / В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 375 с.
2. Варфаламеева, Т. Б. Сямейныя абрады і звычаі / Т. Б. Варфаламеева. – Мінск: Вышэйшая школа, 2017. – 719 с.
3. Крук, І. Няцотнасць / І. Крук // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік / Т. Валодзіна [і інш.]; пад агульнай рэд. І. Клімковіч. – Мінск: Беларусь, 2011. – С. 389.
4. Крук, Я. Колесо времени: традиции и современность / Я. Крук, О. Котович. – Минск: Беларусь, 2005. – 350 с.
5. Соболев, В. Молитвенный щит / В. Соболев, К. Соболев, К. Соболев. – Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 416 с.
6. Толстая, С. М. Беременность / С. М. Толстая // Славянские древности:

Этнолингвистический словарь: Т. 1. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Москва: «Международные отношения», 2012. – С. 160–164.

The article tells about the influence of digital symbols on the folk culture of Belarusians, which greatly influenced both the behavior of a pregnant woman and the upbringing of a child in the first period of his life. Maternity customs and rites build their model of temporal relations and develop in accordance with the universal rhythm of traditional culture under the influence of particularly strong in this system numbers 1, 3, 9, 40.

Навуковы кіраўнік – Н. А. Івашчанка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы.

УДК 2-9

А. А. Алексейчик

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»*

Новые религиозные течения в Беларуси: причины и условия распространения

В Республике Беларусь в последние десятилетия стали проникать и укореняться так называемые «новые религии» или «неокульти». Пользуясь зачастую христианской терминологией и учением, они по – своему его трактуют, выдавая свою интерпретацию за истинное учение. Используя присущие им методы вербовки новых адептов, «новые религии» оказывают деструктивное влияние на сознание и психику человека, становятся опасными для общества. В статье рассматриваются причины и условия, которые способствуют распространению «неокульти» в республике. В их числе – умеренное поддержание напряжения в обществе, демографические особенности членов неокульти, состояние традиционных религий, окружающее общество и другие.

С последней трети XX века активно стали множиться новые религиозные движения: тоталитарные секты, деструктивные культы, мистические, сатанинские и неоязыческие сообщества, которые называют «новые культы», «нетрадиционные религии», «деструктивные тоталитарные секты». Как правило, эти организации возникли за границей, многие из них – в США, а в последующем благодаря СМИ, активной деятельности миссионеров, распространились на территории бывшего СССР. Немногочисленные их группы имеются и в Беларуси, а также на Гродненщине. Их основатели, а также приверженцы, объявляют, что только у них можно спастись, познать истину, победить зло. За десяти-

летия атеистической идеологии в нашей стране люди оказались не подготовленными к наплыву псевдодуховности, которая обрушилась на их сознание после открытия «железного занавеса». Человеку, который не обладает достаточной информацией, трудно выработать правильное отношение к происходящему.

Существуют множество фактов, свидетельствующих о том, как чреват неверный выбор непредвиденными, часто неприятными последствиями для доверчивых искателей истины: разрушаются семьи, теряются деньги и собственность, подрываются психическое и физическое здоровье, и даже люди, покинувшие секту, тратят годы на то, чтобы вернуться к самостоятельной жизни. Сектанты охотятся за цветом нации: их интересуют талантливые, энергичные, разумные молодые люди. Тысячи таких юношей и девушек навсегда покинуло науку, производство, семью и сферу нормальных человеческих отношений вообще для того, чтобы отдать всего себя тому или иному «гуру» или «мессии» [1].

Одним из следствий либеральной конфессиональной политики государства и активной религиозной экспансии извне в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало появление и распространение в Республике Беларусь более 100 нетрадиционных религиозных и оккультно-мистических направлений. Они действуют как в качестве собственно религиозных, так и культурно-просветительских, спортивно-оздоровительных, молодежных и иных общественных организаций. Официально признан религиозный статус 16 нетрадиционных направлений, которые относятся к восточным культам, монофиситству, классическому и позднему протестантизму. Восточные культы представлены общинами Международного общества Сознания Кришны и Бахай, монофиситство – Армянской апостольской церкви, классический протестантизм – кальвинизмом (пресвитерианами и реформатами). Существует мнение, что кальвинизм (по примеру лютеранства) можно отнести к традиционным для Беларуси религиям. Более широко в конфессиональной структуре Беларуси заявлен поздний протестантизм (неопротестантизм). Неопротестантскими являются общины пятидесятников (Христиане веры евангельской (ХВЕ), Христиане веры апостольской (ХВА)) и неопятидесятников (Христиане полного евангелия (ХПЕ)), баптистов (Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентистов седьмого дня (АСД), иоганской церкви, Новоапостольской церкви, церкви Христовой, мессианских общин, Свидетелей Иеговы и мормонов.

В результате интеграции общин родственного исповедания созданы протестантские объединения – Союз ХВЕ, Союз ЕХБ, Конференция АСД, Религиозное объединение общин Полного евангелия, Религиозное объединение Новоапостольской церкви и др. Возникла и тенденция консолидации протестантских организаций, что выявилось в создании на основе ЕХБ, ХВЕ и АСД «Белорусской христианской Ассоциации религиозной свободы» [2].

Нельзя безразлично относиться к появлению адептов этих псевдоучений, а также к их безобидной, на первый взгляд, пропаганде, которую они осуществляют в наиболее людных местах (у вокзалов, на улицах, у магазинов и т.д.), а также и не гнушаясь ходить по подъездам и стучаться в квартиры, раздавая литературу сомнительного толка. Из тысяч людей, которые пройдут мимо таких благодетелей, найдутся такие, кто проявит заинтересованность, а далее уже вступают в действие методы психологической обработки. Чтобы распознать истинную сущность этих лжеучений и лжепророков, нужно глубоко анализировать предлагаемые ими тексты, сопоставлять с христианским вероучением (православным, католическим), а также изучать методы их вербовки и деятельности. На основании изученной литературы и источников автором выделены важнейшие условия, которые способствуют культивированию в республике неоекульт. Исследователи подразделяют их на внутренние и внешние [3].

Цели и задачи неоекульт. Одним из важнейших факторов являются представления лидера группы и его приверженцев, какие ставит цели и задачи их организация. Обычно основатели и их объединения не преследуют цели увеличения количества своих последователей, распространения своих вероучений и влияние на весь мир. Основная масса таких групп заботится только об обеспечении личного благосостояния.

Умеренное поддержание напряжения в обществе. Ученые смогли единогласно выделить, что для идеального развития неоекюльта есть обязательное условие, каким является поддержание умеренного напряжения в обществе. Под этим подразумеваются ситуация, когда данные группы противопоставляют себя всему обществу, пытаясь тем самым показать свою уникальность, но в то же время пытаются не вступать в конфликты [4, с. 51, 52]. Для поддержания такой политики неоекюльтам приходится балансировать между факторами, угрожающими распадом их системы. Первый из этих факторов – это случай, когда

данное объединение может быть обвинено в религиозном экстремизме. Обусловлено это опасение тем, что политика многих культов предусматривает обращение или искоренение остальных «неверующих» людей. Данная опасность будет исходить от государства и власти, которая будет пытаться подавить данный очаг нарушения порядка.

При выделении характеристики последователей культа ученые уделяют внимание следующим факторам:

Степень вовлеченности. Считается, чем больше человек будет посещать данные группы и участвовать в их деятельности, тем с большей неприязнью его будут воспринимать остальные члены общества. Также полная отдача деятельности культу может быть чревата такими последствиями, как потеря интереса к учебе, уход с места работы и потеря прежних социальных связей.

Демографические особенности членов неокультов. Считается, что развитие группы тормозит преобладание в большинстве случаев молодежи, женщин и людей престарелого возраста. Это связано в первом случае с тем, что молодежь в силу своего сложного и ещё не сформировавшегося характера, тяжело поддается управлению. Женщины обычно занимают очень низкий общественный статус, именно этот фактор и не дает развиваться неокультам в полной мере и охватывать большие слои населения. Большое преобладание людей старческого возраста заставляют их группу быстро стареть, а это не сходится с политикой неокультов, которые желают быть всегда «молодыми» и «новаторскими».

Статус в обществе членов неокульты. Одной из ключевых целей каждой неокультной группы является вовлечение к себе людей со средним и высоким социальным статусом и таким же доходом. Обуславливается это простым желанием заработать на этих людях под предлогом членских взносов или на улучшение среды, в которой существует данная община.

Рассмотрев внутренние факторы, влияющие на развитие неокультов, обратим внимание на внешние факторы:

Состояние традиционных религий. Простая закономерность: чем сильнее традиционная религия, тем слабее нетрадиционная, это также работает и в обратную сторону. Из данной закономерности можно определить простую взаимосвязь между традиционной и нетрадиционной религиозностью.

Размер и структура общества. Исследовав успешность появления и развития неокультов, учеными была выведена теория,

что нетрадиционно-религиозным группам проще привлекать новых потенциальных последователей в крупных городах. Однако при этом на более успешное укрепление неокульты влияет их степень распространения в небольших населенных пунктах. Известно также, чем крепче социальные связи в обществе у индивида, тем меньше шанс его вовлечения в неокульт. Из этого следует, что даже небольшой прирост населения в последователи данной группы приводит к способности повлиять на все общество в целом. Несмотря на такую легкую вовлеченность людей из сельских местностей, начальный этап зарождения интереса происходит очень сложно и продолжительно [5, с.55, 57].

Крепкие социальные связи в небольшом населенном пункте не дают первое время развиваться неокультам из-за недоверия ко всем «чужакам». В особенности, когда это касается религии, так как в таких населенных пунктах люди очень религиозные и боязливые. С одной стороны, фактор религиозности должен защищать от всестороннего инакомыслия, но это раскрывается и в обратном. В силу своей неосведомленности, такими людьми легко манипулировать и психически воздействовать путем небольшого искажения той истины и правды, которую они привыкли слышать.

Государственная власть. Быстрое развитие нетрадиционно-религиозных объединений и привлечение на их сторону все больших слоев населения не остается без внимания государственной власти. Естественно, это является потенциальной угрозой политике и сохранению порядка в обществе. В данных случаях власть идёт основными двумя путями: попытка внести изменения в структуры внутри данных культов или же их полное уничтожение. Первый вариант, связанный с внесением изменений, характерен для стран с демократическим строем, так как в данных обществах резкое пресечение будет расцениваться людьми как подавление свободы людей. Второй путь – уничтожения сект и культов, характерен для стран закрытого типа, в которых в основе национальной политики лежит подавление инакомыслия [6, с. 89].

Окружающее общество. Развитие культа или секты всегда напрямую связано с отношением общества к сектанству. Важную роль при этом играет осведомленность населения о культах, а также оценка обществом деятельности культов. Оценка нового религиозно течения обычно характеризуется негативным, по-

зитивным или нейтральным мнением. В большинстве случаев преобладает негативное мнение [7, с. 48].

Рассматривая развитие неокультов, стоит отметить, что данные группы, как и любое другое объединение людей, всегда подвержены кризисам, которое обосновывается стандартным расхождением во мнениях. Именно кризисы являются основным факторов распада данных культов. Кризисы в данных объединениях являются неотъемлемой частью их развития, также благодаря этим явлениям проявляется способность лидера и его последователей к поддержанию порядка и веры. Из большого множества постоянно появляющихся культов лишь немногие могут просуществовать 10-15 лет. Большая часть сект могут просуществовать не больше 3-5 лет со времени своего создания [8, с. 135]. Данный вопрос долговечности намного больше интересует ученых, нежели сами секты. Ученые отмечают, секта, которая может просуществовать более 20-25 лет, является очень успешной, и обычно данные объединения достаточно известны в мире.

Подводя итог, следует отметить, что на развитие неокультов влияет большое количество факторов. Обобщая, их можно охарактеризовать как внутренние и внешние. Большое влияние оказывают не только кризисы в современной религии, но и институты государственной власти, и общество в целом. Неокульты, помимо своего развития, подвержены и различным кризисам, как и любое другое сообщество людей. Под этим подразумеваются кризисы структуры, членства, вероучения, внешняя оппозиция.

Список источников и литературы

1. Религия в современном мире [Электронный ресурс] / Центр научных исследований БПЦ. – Режим доступа: http://www.Ock.ru/religya_i_mifologiya_2/. – Дата доступа 3.12.2020.
2. Религия и её институты в современной Беларуси [Электронный ресурс] / Stud 24. Режим доступа: www.Stud.24.ru/religion-mythologi/. – Дата доступа: 3.12.2020.
3. Религия в современном мире [Электронный ресурс] / Центр научных исследований БПЦ. Режим доступа: http://www.Ock.ru/religya_i_mifologiya_2/. – Дата доступа 3.12.2017.
4. Мартинович, В. А. Динамика нетрадиционной религиозности в современной Беларуси / В. А. Мартинович / Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск-Жировичи, 7 июня 2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. Духовн. акад. им.

- Святителя Кириллы Туровского; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск: Беларус. наука, 2008. – С. 131–137.
5. Мартинович, В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения/ В. А. Мартинович. – Минск : БГУ, 2008. – 103 с.
 6. Дворкин, А. Л. Введение в сектоведение / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Издательство братства им. Александра Невского, 1998. – 464 с.
 7. Гурко, А. В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск: Изд-во МИУ, 2006. – 276 с.
 8. Прокошина, Е. С. Неокульты: «новые религии» века / Е. С. Прокошина, Т. П. Короткая, И. Ф. Рекуц – 3-е изд., доп. – Минск: Четыре четверти, 2000. – 238 с.

The article examines the essence of «new religions» or «neocults», talks about their destructive influence on society, and also touches on the goals and objectives of their influence, factors of origin, and features of development.

Научный руководитель – Э. С. Ярмусик, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 316

А. К. Яцкевич

*Учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»
ГУО «Гимназия № 7 г. Гродно»*

Рейтинговая оценка деятельности учителя как способ повышения качества образования

В статье представлен опыт внедрения рейтинговой оценки деятельности учителя ГУО «Гимназия № 7 г. Гродно» как одно из направлений работы, способствующий повышению качества образования.

Важнейшим направлением модернизации образования является повышение его качества, предполагающее совершенствование, как самого образовательного процесса, так и управления им. Следует отметить, что управление – это целостная система взаимосвязанных мер, направленных на развитие профессионального мастерства каждого педагога и коллектива в целом. Кроме того, управление качеством образования – планомерно осуществляемая система стратегических и оперативных действий, направленная на обеспечение, улучшение, контроль и оценку качества образования [3, с. 11]. В свою очередь, улучше-

ние качества оказываемых услуг – процесс и результат приближения имеющихся параметров образовательной деятельности к целям и задачам, определенным политикой в области качества образования [2, с. 37].

Политика в области качества стремится к максимальной открытости по отношению к непосредственным субъектам образовательного процесса (обучающие и обучающиеся) и внешним партнерам образовательного учреждения (родители, работодатели, социальные институты). Открытая политика обеспечивает достаточную ценность и прозрачность понимания заинтересованными лицами целей и задач школы, ее представлений об идеальном образовательном результате, критериях и показателях уровня образованности учащихся. Формирование, согласование и утверждение политики в области качества образования является одной из важнейших функций администрации образовательного учреждения. Система качества образования может рассматриваться как инструмент, как средство осуществления политики в области качества [5, с. 41].

Итак, одна из основных задач, стоящих перед коллективом учреждения образования, – это совершенствование управления качеством образования. Это значит обоснование, выбор и реализация мер, позволяющих получить высокие результаты при минимальных затратах времени и усилий со стороны всех участников образовательного процесса. В свою очередь, *система управленческой деятельности развитием гимназии основана на принципах, предусматривающих проведение детального анализа внутренних и внешних условий для повышения качества предоставляемых образовательных услуг.*

В отечественной педагогической практике новые подходы к управлению качеством образования характеризуются следующими особенностями: ярко выраженным стимулирующим характером, опорой на экономическую заинтересованность субъектов управления; отказом либо значительным отходом от командно-административных методов управления; приоритетностью контроля за результатами образовательного процесса при сокращении контроля за его ходом; приоритетностью самоконтроля при анализе и оценке хода образовательного процесса [6, с.318].

Существенную роль в решении этой задачи играет педагогический мониторинг. В управленческую систему работы государственного учреждения образования «Гимназия № 7 г. Грод-

но» была внедрена и «Рейтинговая система оценки деятельности учителя государственного учреждения образования».

Согласно определению, рейтинг (от англ. rating – оценка, порядок, классификация) – термин, обозначающий субъективную оценку какого-либо явления по заданной шкале, а также суммарную интегральную оценку, характеризующую уровень и объем работы [1]. Применительно к педагогической деятельности под рейтингом мы понимаем индивидуальный числовой показатель оценки педагогических достижений. При этом объектом оценивания является педагог, а под показателями – совокупность индикаторов, характеризующих его педагогические достижения.

Рейтинговая оценка эффективности педагогической деятельности является необходимым условием, обеспечивающим функционирование системы управления качеством образования, так как предоставляет возможность осуществлять мониторинг, контролировать качественное изменение кадрового потенциала, активность в разного рода направлениях образовательной деятельности.

Основной целью применения системы рейтинговой оценки, разработанной нами «Рейтинговой системы оценки деятельности учителя государственного учреждения образования «Гимназия № 7 г. Гродно»» считаем повышение уровня профессиональной компетентности педагогов. Целесообразно отметить, что внедрение рейтинговой оценки деятельности учителя помогает определить динамику роста обучающихся, педагога, учреждения образования в целом, а также способствует дифференцированной оценке, определению перспективы развития как отдельного педагога, так и педагогического коллектива и выявлению роли и места педагога в развитии учреждения.

Данная система опирается на следующие принципы:

- принцип открытости доступа к информации, поскольку полученные результаты обсуждаются на совещании методических объединений, методическом совете и на педагогическом совете;
- принцип комплексности, так как в рамках рейтинговой шкалы оценки деятельности учителя учитываются все виды деятельности педагога;
- принцип саморазвития и самоорганизации помогает педагогу определить направления деятельности для дальнейшего самосовершенствования и повышения своего профессионального мастерства.

Рейтинговая шкала включает в себя оценку деятельности педагогов по следующим направлениям: учебная деятельность, научно-методическая работа, общественная работа, работа с документацией, трудовая дисциплина, классное руководство, техника безопасности и охрана жизни и здоровья учащихся. Наличие подробной информации о каждом учителе помогает оценить объем работы, сделанный конкретным педагогом. По итогам ежегодной рейтинговой оценки в гимназии осуществляется моральное и материальное поощрение педагогов и специалистов, внесших наиболее существенный вклад в саморазвитие учителя и развитие учреждения образования.

Следует отметить, что рейтинговая система оценки деятельности учителя способствуют росту стремления педагогов к собственному развитию. Об этом свидетельствуют следующие показатели:

- возросшее качественное и количественное участие педагогов и их учащихся в интеллектуальных и творческих конкурсах,
- обновившийся спектр тем по самообразованию с акцентом на применение современных педагогических технологий: сторителлинг, коучинг, SWOT-анализ, скетч-ноутинг,
- существенно изменилось количество педагогов, желающих повысить свою педагогическую квалификационную категорию.

Закономерности системы управления качеством образования предъявляют свои требования по всей системе управления и находят свое отражение в содержании, принципах, функциях, формах и методах управления. Чтобы грамотно и оперативно управлять качеством образования, необходимо владеть точной информацией о деятельности гимназии. Для этого необходима система педагогического мониторинга в управлении школой. Стоит считать такую форму работы с учителями гимназии как «Рейтинговая система оценки педагогической деятельности» эффективными в развитии педагогического потенциала гимназии.

Список источников и литературы

1. Значение слова «рейтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://surl.li/rxmj>. – Дата доступа: 23.03.2021.
2. Кошкарёва Н. В. Мониторинг сети процессов системы менеджмента качества образовательной организации: монография / Н. В. Кошкарёва. – Красноярск : Изд-во Сиб. гос. технолог. ун-та, 2006. – 120 с.

3. Лазарев, В. С. Управление инновациями в школе / В. С. Лазарев. – Москва: Центр пед. образования, 2008. – 352 с.
4. Лоутон, А. Организация и управление в государственных учреждениях / А. Лоутон, Э. Роуз. – Москва: [б. и.], 1993. – 341 с.
5. Управление качеством образования современной школы (методические материалы) // автор – состав. Покасов В.Ф., к.и.н. – Ставрополь: СКIRO ПК и ПРО, 2012. – 145 с.
6. Эффективный школьный менеджмент. Пособие для директоров школ / Под редакцией О.И. Тавгения, Н.И. Запрудского, Н.Н. Кошель. – Минск: Тонпик, 2006. – С. 312–331.

The article presents the experience of implementing the rating assessment of the teacher of the State Educational Institution «Gymnasium № 7 of Grodno» as one of the areas of work that contributes to improving the quality of education.

Научный руководитель – Н. Л. Мысливец, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Змест

Слова да чытача.....	3
----------------------	---

Усеагульная гісторыя

M. A. Abdul Jabbar Mohammed Cities of Babylonia in the first half of the I millennium bc: historiography of the problem.....	4
Д. В. Апон Реформа Сервия Туллия.....	10
Н. А. Ефимик Становление российско-греческих дипломатических отношений (конец 20-х – начало 30-х годов XIX в.).....	17
Н. В. Акудович Становление нацистской диктатуры в Германии (январь 1933 – июнь 1934 гг.)	24
О. В. Галуско Чехословацкие воинские части на территории СССР в годы Великой отечественной войны.....	33
В. В. Задёра Злодеяния немецко-фашистских оккупантов и их пособников в период Сталинградской битвы: воспоминания жителей и участников событий.....	38
А. В. Кручковский, Э. Т. Кручковский Проблема восточных границ послевоенной Польши на Тегеранской конференции.....	45

Гісторыя Беларусі

Е. Н. Мацута Развитие института местного самоуправления в Скиделе в XV–XXI вв.....	61
А. В. Сідаркевіч Спецыфіка гандлю на беларускіх землях у XVI–XVII стст.....	79
А. К. Яворец Проект уніональнага соглашения 1670 г. епископа Могилёвского Феодосия (Василевича).....	85

Н. І. Станкевіч	
Стаенная служба пры двары	
Станіслава Аўгуста Панятоўскага.....	96
К. Д. Ананька	
Разгортванне эканамічнай эміграцыі з тэрыторыі	
Беларусі ў ЗША ў другой палове	
XIX – пачатку XX стст.....	100
Н. С. Каспер	
Гродненцы на «Титанике».....	111
А. С. Ларин	
Памятная книжка Гродненской губернии как источник	
по истории развития промышленности в 1880–1889 гг.....	122
В. А. Лісоўская, І. В. Жураўская	
Забойства ў Гродзенскай губерні ў канцы	
XIX – пачатку XX стст.....	129
П. П. Мишкун	
К вопросу определения национальной идентичности	
эмигрантов из Беларуси в США в XIX – начале XX вв.....	137
І. Д. Савельева	
Грунвальд у творчасці Яна Матэякі.....	141
М. Я. Шукайла	
Кастусь Каліноўскі ў гістарычнай памяці народа.....	150
П. С. Мирон	
Неизвестные страницы историко-культурного наследия	
Гродненщины: М. Я. Острогорский.....	158
П. А. Скрабатун	
Эвалюцыя формаў справаздач Беластоцкага ваяводы	
як адлюстраванне змены ўнутранай палітыкі Польскай	
дзяржавы ў 1921-1939 гг.....	166
А. Г. Чарняўскі	
Гістарычны кантэкст назвы «Беларусь» у латышскай	
мове: Baltkrievija ці Baltrutēnija?.....	178
В. В. Шадурский	
Исследование новейшей истории Беларуси в монографии	

«Беларусь: денационализированная нация» Дэвида Роджера Марплса.....	184
--	-----

Археалогія

Д. В. Васин «Іасса» Витовта как предмет защитного вооружения.....	193
--	-----

Miscelliana

Е. В. Венскович Увековечивание памяти жертв немецко-фашистских захватчиков в Щучинском районе.....	205
--	-----

Д. А. Мелех Формирование нормативно-правовой базы диаспоральной политики Республики Беларусь.....	209
---	-----

В. С. Тумін Роля лічбаў у радзільных звычаях і абрадах традыцыйнай культуры беларусаў.....	215
--	-----

А. А. Алексейчик Новые религиозные течения в Беларуси: причины и условия распространения.....	221
---	-----

А. К. Яцкевич Рейтинговая оценка деятельности учителя как способ повышения качества образования.....	227
--	-----

Навуковае выданне

Гадавік
студэнцкага навукова-даследчага гуртка
«НіКа»

Т о м 5

Рэдактары *А. С Горны, К. Д. Ананька*

Вокладка *К. Д. Ананька*

Вёрстка *І. А. Рыжы*

Падпісана ў друк 17.05.2021 г. Фармат 60x84/16.
Папера афсетная. Рызаграфія
Ум.друк.арк. 13,7. Ул. - выд.арк 12,1.
Тыраж 30 экз. Заказ 07-28/2021

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Таварыства з абмежаванай адказнасцю «ЮрСаПрынт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/388 ад 01.07.2014 г.
Вул. Карла Маркса, 11, 230015, г. Гродна.
+375 152 32 00 01
+375 295 87 84 11